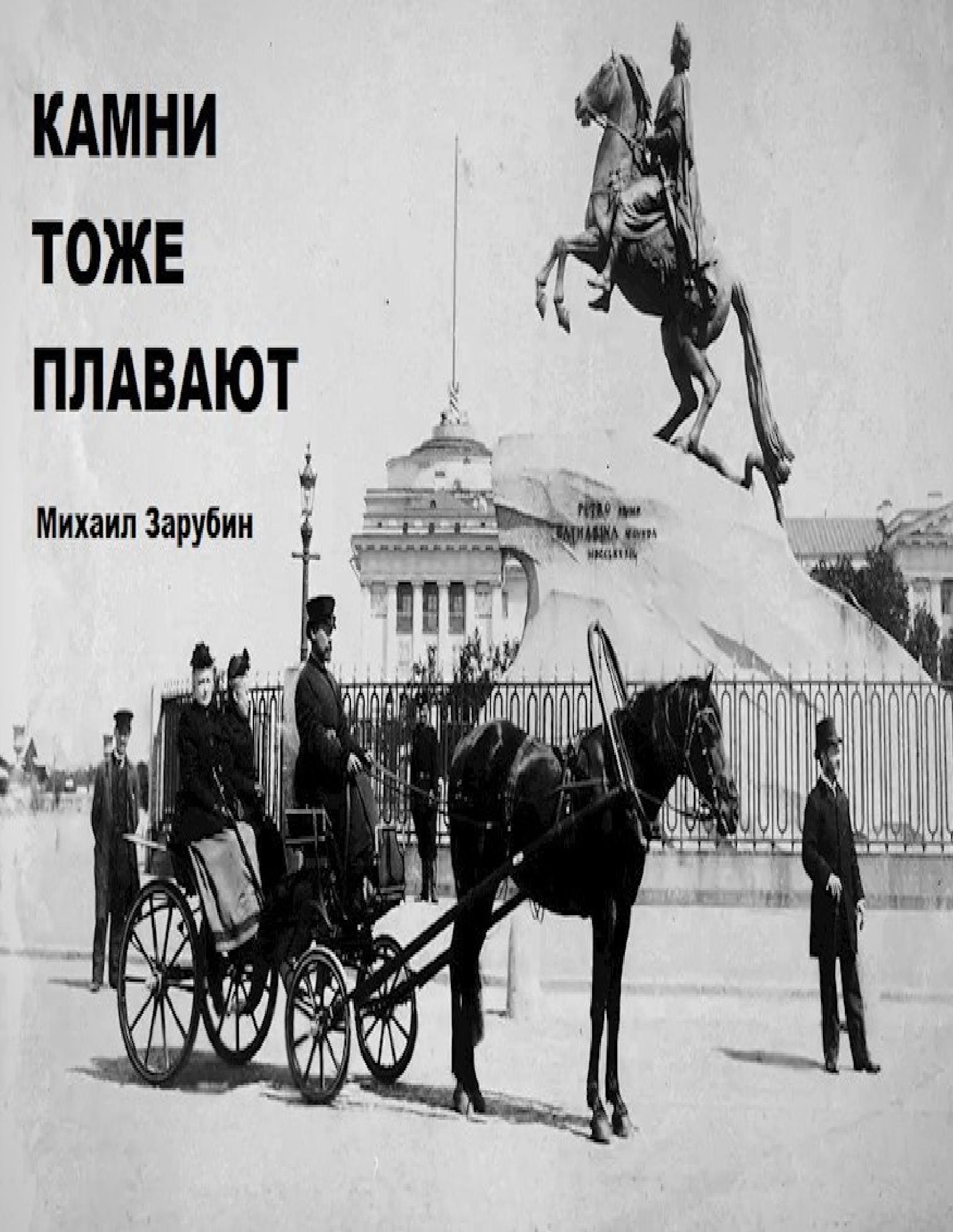

КАМНИ ТОЖЕ ПЛАВАЮТ

Михаил Зарубин

Из Кустаная 202х в Санкт-Петербург 1904 года...

Вообще в предыстории этого действия был спор в комментариях к одному шикарному произведению, была русско-японская война, флот, эскадра Рожественского и Цусимское сражение. И "посыл" меня написать свое видение. Вызов принял и попробовал написать так, как, по-моему, простой человек крутился, если бы попал. Почти без "роялей" и почти без знаний истории того времени.

Но как-то сразу засылать на корабли эскадры своего попаданца мне показалось неправильным, поэтому он попал в первоисточник всех событий. А дальше все пошло не как я планировал изначально. На флот он не хотел категорически и сопротивлялся мне как мог. И героем быть не хотел. Хотел уюта, денег, любви, женщин, тишины и как-то странно получилось — хотел домой. В итоге Российская империя 1904 года и что получилось, то получилось.

Глава 1

Авария

Интерлюдия первая. Где-то в Москве

Отделанный морёным дубом кабинет, монументальная темная мебель. Несколько мужчин в дорогих костюмах расположились вокруг овального стола. Молча изредка бросая взгляды на моложавого головастого мужчину с большими залысинами.

Ещё один, лысый, даже без бровей, в джинсах и зелёной ветровке, вольготно развалился на кожаном диване у стены.

— Алексей Евгеньевич, что там по казахстанскому проекту?

— Да в общем всё почти штатно. Как и планировали. Реактор, как и рассчитали, выдал запрошенную пиковую мощность. Установка, как и ожидали, бахнула. Из нештатного — разнесло отведенный под нее корпус.

— Итог?

— В общем, успешно. Червоточину создали и даже почти пять секунд смогли удержать активной.

— Где точка финиша?

— Планировали штатно в Обнинск. Но то, что получили ни отследить, ни вычислить так и не сумели. В зоне зафиксировано неучтенное пятно источника слабых электромагнитных полей. Видимо, работала какая-то электроника. Полевика группы Лемехова считают — она и послужила причиной перекоса полей ловушек... ну и взрыва в конце концов...

— Что по людям? Пострадавшие?

— Есть, куда ж без них.

— Кто на этот раз?

— Местный, казах Камнев в зоне червоточины оказался и остальные наши. Двое бойцов ССО пропали и пятерых яйцеголовых группы Лемехова стеклами посекло, да один чуток обгорел.

— Что нельзя нормальную безопасность обеспечить? Если в прессу вылезет, опять вой поднимут...

— Сергей Владиленович, ну понимаете же, сложно всё. Такие энергии. Да и такая авария, если совсем без жертв вызовет слишком уж назойливый интерес наших «друзей». Приходится...

— Кстати по «друзьям»... — не отрывая взгляда от перебираемых бумаг за столом встрепенулся и влез в разговор худой с явно военной выправкой — наши заокеанские ммм... коллеги неожиданно задействовали в Казахстане спящих агентов. Похоже чуть не всю сеть разбудили. Да и китайские — мужчина усмехнулся — «друзья»... активизировались. Слишком много вопросов к людям Александра Васильевича как там этот Камнев оказался.

— Поясните.

— Ну одни местные субподрядчики как бы случайно перебили компьютерные сети, вторые — в лице мутного Камнева — взятой просочились на объект в день X как бы чинить эти сети. Еще и с чемоданом.

— Местный колорит?

— Нет. Бойцы охраны и не мои, и не Александра Васильевича. Но и не местный ЧОП. Выясняем, как и почему пропустили на режимный объект постороннего. «У него раньше пропуск туда был... Бухали вместе... Попал бы мужик... Жалко стало...». Бред. Мои не исключают, что это заранее подготовленный подвод. Как итог сработали нейрозакладки. Хотя и медикаментозное воздействие, и ретроспективный гипноз даже зацепок где и как охранникам залили «закладки» не выявили.

— Кто этот Камнев? Почему казах?

— Сложно всё. Иван Сергеевич Камнев. К полтиннику приближается. Казахом зовём, потому что бабка по материнской линии казашка. А так больше украинец, хотя в паспорте написал, что русский. Камненко, а не Камнев по итогу. Но в Казахстане с Целины это норма. Намешали крови... Доктор наук, работает в местном университете. Можно сказать, ИТ-шник из старых. В свободное время подрабатывал в ИТ-компаниях прокладкой оптики. Калымил, по-местному. А так идеальный — хоть на доску почета вешай: дети, семья, постоянная любовница.

— Идеальный и любовница? Может на разоблачении любовницы «взяли»?

— Ну так в его-то возрасте это и есть идеал. — худой вздохнул, — Статус, чтоб его... Да не, вряд ли на ней. Про нее даже жена, как выяснилось, знала. Начни крутить — как токал в дом забрать мог. И вся раскрутка насмарку...

— Кем забрать?

— А... токал... Второй, можно третьей или как казахи говорят младшей женой.

— Чего!? Вот...! Хорошо соседи устроились!

— Ну это с какой стороны посмотреть... Две «мозгоклюйки» дома... и тещи тоже две...

— Кхм... да... На объекте как оказался?

— Калымил. И калымил, как уже говорил, не первый раз. В этот раз у нашего подрядчика. Там это тоже норма. Одни тендеры выигрывают и деньги гребут. Вторые работу работают. — худой прервался и порывлся в бумагах, — За океаном не был, но контактировал с учеными, курируемыми нашими коллегами. В Европе был и жил, в Китае был неоднократно... И семью, и любовницу, и окружение тоже прошерстили, но глухо... Короче и связи, и знания имел. Вот с мотивацией сложнее — ничего стоящего пока не нашли. Так, мелкие грешки, что у него, что у семьи.

— Деньги?

— Денег пока не получал. Или не нашли пока. За окружением наблюдаем.

— Но чемодан с электроникой ваш Камнев-Камененко в зону протащил?

— В том-то и дело...

— Чемодан нашли?

— Да, обычная дешевая корейская паяльная станция. Проверили — без закладок. Но и пустого места в кейсе хватало.

— Вы хоть что-нибудь у себя точно сказать можете!? — главный раздражённо сдёрнул очки и шурясь повернулся к дивану. — Евгений Викторович может ваши слетают, по-своему там потрясут?

— Можно и слетать... — лысый на диване как-то враз сбросил всю вальяжность и стал похож на питбуля перед броском.

— Наши «умники» не исключают, что Камнева и в «темную» могли играть. И как наживку. — худой снова прервался и опять пролистал свои бумаги, — И тогда мы вообще все

«концы» обрубим.

— ...Ъ!

— Сергей Владиленович, ну невозможно там стопроцентную безопасность обеспечить.

К нам надо эти эксперименты переносить, к нам!

— И реактор для питания к каждой установке в придачу? Будем АЭС как французы в Олкилуото двадцать лет запускать, да? Затраченные гигаватты как прятать будете?

— Ну в Москве можно...

— Вы с червоточинами в пятнадцатимиллионной Москве «играться» предлагаете?

* * *

Авария

Строим под Кустанаем, ой, пардон, Костанаем, ядерный реактор. Ну как строим. Участвуем.

Давно мусолили проект — Казахстану нужна энергия. Но, то денег нет, то экологи против, то ещё какие проблемы. А с прошлого года вроде всё согласовали, и деньги где-то нашли, и проект выбрали обалденный — реактор-ускоритель на синхрофазотроне, да еще с наработкой ядерного топлива из отходов. Ну, и там фундамент, здания построили, саму бочку реактора поставили, синхрофазотрон из России приволокли, канал с Тобола для охладителя прорыли.

Короче, все денежные работы москвичи из РосАтома под себя подгрести, из наших местных почти от всех доходов оттерли. Но и отработали оперативно. Всего полгода прошло, а они уже, на сегодня пробный пуск синхрофазотрона запланировали.

Местных, подряжали всякие вспомогательные системы соорудить: кто ЛЭП, кто подстанции, ну а нас на цифровизацию подтянули. Если, по-русски, то мы Data-центр поставили, сеть протянули и персоналки раскидали.

Работа не напряженная и не пыльная, но деньги обещаны очень приличные. Намного больше, чем у меня в вузе. Вот у друзей в фирме и подработать подписался — шабашить, по-вашему.

Всё бы отлично, но иногда такие долбодятлы тут попадаются, что думаешь: «чем же таких родители делали и кто учил, да не прибил?»

Вот и вчера один такой Алибек Иванович «мастер-террорист» нам оптоволокну умудрился порвать. Теперь я вместо выходного, ношусь — выбиваю допуски и разрешения на устранение. Допуск еле получил, не хотели из-за пробного пуска разрешение давать. Хорошо хоть ребята попались знакомые, не раз коньячили вместе, да в баньках отдыхали. Вошли в положение, правда и своего, не упустили — на лапу тоже взяли хорошо.

А тут еще жена пристала: «к маме надо ехать, к маме... Да как ты к маме в джинсах поедешь?!». Легко! Короче попёрся я в субботу, нагруженный резаком-скальвателем и паялкой, в особо охраняемую зону ускорителя. Да еще почти при параде. Брюки, рубашечка наглаженная. От пиджака с галстуком хоть в пользу кофты у жены отвертеться смог. А тут и так постов на каждом шагу было как блох на собаке, а с учетом запуска, ещё и кучу коридоров, опечатанных, обходить пришлось...

Скажите, вот как можно под подвесным потолком в канале оптоволокну перерубить? В трех местах! Еще и обрывки кабеля вытащить! А между обрывами больше сотни метров.

Короче «засувался» я менять и паять кабель до звездочек и чертиков. И напрыгался по лестнице. Вверх-вниз.

Наверное, поэтому и вой сирены прозевал. Каюсь, еще и айподсы вкупе с Металликой не способствуют оперативному восприятию мира. Вот на сына ругаюсь, что вечно уши заткнуты, но и сам — когда никто не видит — грешен.

В действительность я вернулся, когда здание не слабо так трянуло, а меня сдуло со стремянки.

Стёк по стенке, оглянулся, все перегородки как корова языком слизала, рам в окнах нет, а весь коридор ломаной мебелью вперемешку с оргтехникой завален... и тишина. Только ветер где-то железом звякает.

Трухнул, конечно, сильно. Зато здравая мысль сразу седалищный нерв скребанула: «Валить надо отсюда. Срочно!» Прикинул, до лестницы по этому лабиринту за час не доберусь. Это если во что-нибудь повезет не впороться. Проще до запасного выхода. Через него по лестнице на крышу, а там по пожарке и до земли добраться можно. Ну или снимут с крыши на крайняк. Спасать-то будут, надеюсь.

Двинул и половину пути преодолеть успел, даже паялку с собой прихватил — кровная, почти в семь тонн зеленых мне встала — когда что-то заставило глянуть назад. Ощущение — на спине волосы дыбом стоят.

Позади, бетонные плиты подняло в воздух. Под ними белое пламя, и какая-то черная хмарь в фиолетовых искрах расплзается. Сюр.

А потом время понеслось вскачь. Бабахнуло так, что я снова улетел метров на десять. Кувырком. И опять в стену влетел. Ну и для полного счастья в ногу арматурина прилетела. Надежно так — насквозь. И к стене как бабочку пришилила. Боль вам скажу — адская!

Но жив. На две ладони выше — и можно было не дергаться. А так, кости целы, кровь хоть и течет, однако не ручьем — прорвемся.

Когда чуть очухался, перестал дергаться и стал хоть немного соображать — понял, штырь самому не выдернуть, придется с него сниматься. Да и до крыши мне теперь не добраться. Банально по вертикальной лестнице не смогу подняться.

Вы пробовали сняться с крючка? Вот и протащить себя по арматурине оказалось то еще удовольствие. Мало того, что арматура гнутая, так еще рифленая! Три раза почти терял сознание, но стянулся. майкой по-быстрому кой-как перетянул рану и ползком пошустрил в лабиринт обломков.

Честно, сколько я полз, не помню, мне кажется — вечность. Возле выхода на лестничную площадку нарвался на залом из исковерканной мебели, сверху обильно присыпанный битым стеклом.

Вот когда его штурмовать начал и обратил внимание, что вокруг сумеречно стало. Не от потери крови, а реально, та хмарь пол здания наполнила и ко мне подползать стала.

Только вот с пробитой ногой на пятом десятке козлом по завалам уже не поскачешь. Вот и я рванул почти ползком... и сполз обратно. Только пузо стеклом изрезал.

Ко второму заходу подошел более продуманно, даже почти до вершины добрался. Но итог тот же — опять куча меня победила.

Последующие три попытки отличались разнообразием, но не финалом. А в центре зала что-то типа черной дырени с фиолетовыми сполохами клубится начало... Типа симулятора черной дыры.

Выползти из коридора я так и не смог. Отрубился, переползая эту кучу, как будто свет

Переулоч

Пришел в себя с ощущением как после дикой попойки. Голова неподъемная, свинцом налитая. Мысли тяжело-тяжело переваливаются. Медленно. И краями цепляются.

Веки слиплись и не хотят открываться. Думаю, сколько времени прошло, меня уже выковыряли, и я в больнице или еще битый мусор тушкой подпираю? Если на куче, то и кровью истечь можно. Хотя тушка вроде ровно лежит. Но на пузе. И ногу только слегка держит. Но холодно, как в талый сугроб или холодильник засунули.

Короче непонятно... может морг?

Продралось так, что шустро руками глазенки разлепил. И снова выпал в осадок...

Подворотня. Темная. Точнее полусумрак. Хотя небо вроде и светлое. Вдалеке фонарь болтается. Потухший. Дома древние, разваливающиеся. С лепниной и деревянными рамами. Стекла маленькие и грязные. Где еще остались. Сливы из мятой-перемятой, будто жеваной, жести. Ржавой до дыр. Сосульки метровые по карнизам. Гирляндами. Сто лет такое не видел.

Грязный снег вокруг. И я в нем. Ногами в намет у стены. Сверху изморозью присыпан. Хрустящей. Но ни души. И в окнах света нет. Вообще.

В полуметре над мною из стены выступает кусок стеклопакета с логотипом «...атом». Прямо из рассыпающихся кирпичей. А под ним аккуратно прислоненный к стене омовский берц с торчащей белой как будто обглоданной костью...

Алес. Приплыли.

Мысли метнулись и потерялись. Какой снег? Сентябрь на дворе. Прохладно, конечно, но до снега еще с месяц! Не мог же на куче столько проваляться. Точно не мог. Дуба б дал.

А здание где? Какие подворотни в Кустанае? Он вообще наполовину из частного сектора. А реактор? Там же «дура» под полтыщи тон только легированной стали, АБКшка, периметр, канал, охрана, наконец...

Люди, ау, люди! Вы что меня бросили?..

Из прострации вывел холод. Начало потряхивать. С темнотой в глазах и стал переводить себя в вертикальное состояние. Переводить. Громко сказано. Сначала на четвереньки, пару раз ткнувшись мордой лица в талый снег. Потом — на карачках до стенки. А уж по стенке и «вверх». Минут за пять.

Стою. Качаюсь. На двух ногах. Как на двух? И сел попой в снег. Все усилия насмарку.

Ногу облапал. Моя вроде. Чешется и зудит — да. А дырки нет. Намотанная майка поверх штанов есть, кровь есть, дырка в штанине есть, а раны нет!

Так не бывает! Бабочка на арматуре привиделась что ли? А кровь тогда чья?..

Короче, опять холод от рефлексии вылечил. Зубами стучать начал — сразу одумался. Доостудился. Не доостужаться бы только до полного окоченения.

С такими бредовыми мыслями и потащился по стеночкам к фонарю...

Всегда знал, что физическая работа прочищает мозги. Пока семеня ножками, мысли чуть упорядочил.

Вспомнил про телефон и связь. Обозвал себя болваном. Звонить нужно было еще из

корпуса, сразу после взрыва. Глядишь, уже б дома был, а не подворотни изучал. Дернулся, охлопал себя. В карманах пусто. Не поленился, развернулся. Доковылял до кучи снега и минут пять грёб там. Замерз, но нашел свой айфон. Точнее дочкин. Стекло разбито, шайтан-машинка на потуги никак не реагирует. Печально. Не перенесла тонкая китайская душа, суровых казахстанских реалий... Накрылась видимо. Со злости хотел запустить в стену, но передумал. И махать больно, и за симкой потом ковылять опять. Засунул в карман.

Снова потопал к фонарю. Поумнел чуть. По дороге провел поспешную инвентаризацию. Часы швейцарские электронные «Tissot». Состояние как у айфона. Дохлые. Тоже мне хваленая марка. Или импульс у реактора словил и электроника кирдыкнулась? Или на холоде батареи сдохли?..

На пальце обручальное кольцо и на шее цепочка. Золотые. Вот и всё состояние. Ни бумажника, ни документов, ни мелочи какой-никакой завалящейся.

Дотопав до фонаря, сообразил, что и очки на носу пропали. Сначала расстроился. Без очков очкарикам туго. Не зря очкарик очкарику друг, товарищ и запасные очки. Но дошло, что вижу и неплохо вижу. Однако, видимо, лимит впечатлений на сегодня выбрал, поэтому не удивился. Принял как факт.

Попытался кричать и долбиться в двери — тишина. Как будто все вымерли... Может правда вымерли?

Потоптался у фонаря. В голове пусто. Мыслей куча, но все матерные. И ни одной по делу. Что дальше делать ну не знаю.

* * *

Трое из ларца

Потоптался в этой подворотне, потоптался. Огляделся. Снег есть. Следов нет. Только проталины. Как весной.

Замерзать стал уже основательно. Промозгло. Одно хорошо — светать стало.

Где я и что делать — ни одной мысли. Одно ясно — тут искать нечего — околею. Надо двигать. Назад топтать тоже бессмысленно. Двор построен каким-то колодцем. Один вход. Он же выход.

Решил расширять изведенное пространство. Двинул далее. Какая-то стена кирпичная, высокая. Метров шесть. С другой стороны, такие же дворы-колодцы, полуразрушенные брошенные здания в три-четыре этажа с битыми окнами и вывороченными дверьми...

Нога, хоть и без раны, но дергает и подгибается, голова кружится, еще и наледь. Скользко. А я в своих туфлях как корова на льду. Короче пару раз раскорячился, попробовал сесть на шпагат, раз проверил землю головой на прочность. Поздно, но сообразил — нечего Волочкову по подворотням передразнивать. Не по статусу. Присмотрел у кучи палку. Вытащил, отряхнул, оперся. Она сломалась, а я опять наверху. Падла! Да что за жизнь сегодня такая? Чем я карму испортил???

Вытащил еще одну, потолще. Но это рыбки не обучаемые, а я всё ж доктор наук. Поэтому решил сначала попробовать на прочность. Сломалась. Тоже труха какая-то.

Не, так не пойдет. Я вам не Ванька-Встанька. Доковылял до кучи у забора. Попотел, ны выломал кусок ржавой трубы. Надеюсь, хоть она мою тушку не подведет. Тонковата и гнила. Чуть играет, слегка гнется. Но осторожно топтать можно. Только руки от металла мерзнуть

стали.

Обмотал руки обрывками майки. Перехватил. Жить стало легче. Наверно с километр вдоль этого забора отмотал. Не знаю. В голове плыло. В завалы трущоб желания лезть не было вообще. Только от мысли свернуть и топтать туда чуйка выть и стонать начинала. Вот и отдался чуйке. Плелся вдоль стен, обходил кучи мусора, искал выход.

Стало казаться, что недалеко плещется вода. Начал вертеть головой и прислушиваться. То ли кажется, то ли глюки.

Топаю...

Показалось, что впереди человеческие голоса. Обрадовался так, что даже про все боли забыл.

Точно, люди! О чём-то спорят, но о чем не разобрать...

— Люди, Ау! Люди... как я рад! Люди! Спасен! Больничка и тепло! И детям позвонить!

Попытался кричать, но только хрип и сиплый шепот вырвался. Пришлось хромать шустриком дальше. Не дай Бог уйдут, ищи потом...

В очередную подворотню влетел как на крыльях, влюбленный во все человечество. Улыбка до ушей, глазенки сверкают, ручонки трясутся, дергаются...

Выскочил и охренел. Двое из ларца месят третьего. Лежащего. Увлеченно так месят. Ногами. Хекают. Третий уже не дергается. Кулем светлым валяется.

Вот, что в такой ситуации умные люди делают? Правильно, молча испаряются. Но, то умные.

Мне же видимо приключений на пятую точку не хватило. Или преподавательские привычки на автомате в...опе взиграли. Ну я и вякнул:

— Что ж вы твари творите-то?!

Как на зло и голос прорезался. Даже петуха дал. Эффект от моего внезапного вопля, конечно, тоже случился. Только отнюдь не тот на который надеялся. Третий не подскочил, первые два не испарились.

Один, худой, отпрыгнул и руку в карман сунул. Из плюсов, только то, что тот что побогаче и потолще обделался. Звук его «газового завода» похлеще байденовского пердежа в Букингемском дворце оказался. Старый Джо только британское королевское семейство с герцогинями в краску вогнал, а тут и до меня звуковая волна докатилась. И мозги прочистила.

Очередной вляп. И уже не свалишь. Поздно. Шустрый хоть и молча, но так ко мне бочком-бочком и уже рядом. И перышком в руке машет. Железным. В меня целит.

Он махнул, ну и я махнул. На автомате так. Трубой, что в руке зажата. И попал. Всегда косым был, а тут с первого раза, да по бестолковке. Смачно. С хрустом. Испугался сильно видимо... Прав был Илюша Муромец, что дубинку железную таскал. Куда ни попади — промахом не считается. Это вам не ковырялки французские.

Шустрик с катушек сразу улетел и ногами задрывал. А у меня в голове как бомба бабахнула. Все посторонние мысли окончательно выдула. Кристальная ясность... жмур!

Допрыгался, семь бед, один ответ — поэтому спринтанул и еще раз махнул. Уже осознанно и вкладываясь. Пердуну. И тоже по голове. Очень уж мне его взгляд не понравился. И, что удивительно, тоже не только эффектно, но и эффективно. Правка не требуется.

Стою, дышу, успокоиться пытаюсь, зубами скачущее в груди сердце, поймать пытаюсь. Вокруг натюрморт — три тела живописно разложены. Лежат и не дергаются. И голова не

кружится. Вылечился, что ли? На востоке солнцем краешком показалось, а у меня мысль одна в голове одиноко крутится:

— Вот и допрыгался, мокрушник...

Валить надо. И следы заметать. Не было меня здесь. Вообще. Это они сами спотыкались и падали. Головой об стенку.

И уже рвануть, как заяц, хотел, но одумался.

Обстановка непонятная, а людей не слышно. Вопросов куча, ответов — ноль. И самое главное, им теплая одежда уже нафиг не нужна, а я и околеть могу. Короче, как не противно, решил помародерить. Хуже все равно уже не сделаю. Потом избавлюсь.

Начал с пердуна. И комплекция у нас похожая и выглядит побогаче. Значит и вещи покачественнее. Вытряхнул его из пальто с меховым воротником. Аккуратненько, чтоб в крови не измазать. То ли пиджак, то ли камзол тоже стянул. И побыстрее на себя натянул. Шапку непонятную подобрал и напялил. Охлопал. В брюках несколько смятых банкнот и мелочь. Не наши теньгушечки, и не российские. Но некогда разглядывать, засунул себе. Сгодится.

Стянул сапоги, а он в портянках. О как! Размер чуть больше, но это не страшно. Сапоги экзотика сейчас конечно, но в туфлях пальцы отморозить уже вполне реально. Уже и так их плохо чувствую.

Портянки, с армии не мотал. Но, как говорится, опыт не пропьешь. Намотал на носки. Побрезговал на голую ногу чужое мотать... Проверил шустрика. У него кроме ножа и горсти мелочи вообще ничего. Но и это забрал.

Последним решил проверить первого — виновника моих экстремальных танцев. Подошел. А он и не мужик. Девчонка. Молоденькая. Лет семнадцати. Вся как отбивная. Только глаза остекленелые с укором смотрят. Да зубы белые торчат из приоткрытого рта. И так на душе паскудно почему-то стало...

Короче не смог ее обыскивать. Только глаза аккуратно прикрыл.

Отвернулся. Подобрал трубу, майку и побрел подальше. Через пару домов размахнулся, закинул трубу в выбитое окно. Пусть менты орудие убийства подольше поищут. Под доски засунул остатки майки и туфли. Сунул руки в карманы пальто и осознал, что в правую руку упирается ствол.

— Мда, внимательнее Сергеич нужно быть, внимательнее. Но фартовый ты. Благоволит Фортуна тебе. А ведь мог бы рядом с девчонкой остывать. С дырками, не предусмотренными природой.

Перед тем как глянуть на ствол, зачем-то заозирался. Никого. Смешно. Осторожно вытащил оружие. Не пистолет. Револьвер. Древний. Тронутый ржавчиной. Чем-то на наган похожий. Только ствол шестигранный. Со стертым воронением. Шесть камер и в них пять патронов поблескивают.

Глава 2

Санкт-Петербург

Буре

Жизнь учит, поэтому перед тем, как двинуться дальше, подбил ресурсы.

Внешний вид не ахти, но и дикий диссонанс не вызывает. Сапоги, пальто, шапка — в одном стиле. И вполне себе ухоженные. Даже дырку в брюках на бедре под пальто не видно.

Брюки с сюртуком не сочетаются. Но хотя бы классика. Джинса или джоггеры вообще смотрелись дико. Ладно, сойдет за отсутствие вкуса.

— Ага, а если не распахивать пальто. Вот именно, что только сойдет... Где, куда вляпался? Хрен знает

Даже свитер, как ни странно, не выбивается из образа.

В кармане этот непонятный ствол. Еще раз достал. Осмотрел внимательнее... Потертая жизнью игрушка... вороненье почти отсутствует, клеймо полустертое, не разобрать. Калибр миллиметров 8–10 на взгляд. Попробовал взвести и, аккуратно придерживая курок, понажимать на спуск.

Мдаа уж... даже без самовзвода. Стрелять только по-ковбойски...

Достал, осмотрел и пересчитал мятые купюры. Три пятерки, трешка и рублики. Аж шесть штук. Всего 24 рублика. С 1872 по 1901 годы выпуска. Царские. И с ятями.

Мелочи рубль с копейками. Опять антиквариат какой-то! Еще полкопейки нашел. 1897 года. С буквами СПб и пятиконечными советскими звездами. Не слышал, чтоб в Союзе такая хрень с двуглавой птичкой и звездами раньше ходила. Да и рановато для Союза. Непонятно. Но и не увлекался, по правде сказать старыми монетами.

— Это, что, я нумизматов грохнул? Или антикваров?

Нож простой, на засапожник похож. Правда, без ножен.

— Вдвойне болван, забирая нож, хотя бы ножны поискал... да и кобура б не помешала...

— Если были.

Кажется со мой шиза заговорила? Или жаба...

Лезвие ножа чуть длиннее ладони. Сантиметров двенадцать-пятнадцать. С деревянной рукояткой. Острый. Сталь неплохая, но ни заводских клейм, ни цены не нашел. Самоделка? Может и так — ножи теперь на каждом углу и клепают и куют. Опять же, под старину косят.

Неожиданной находкой стали часы-луковица во внутреннем кармане сюртука. На цепочке. То ли серебряные, то ли под серебро. Опять антиквариат какой-то. С оторванной секундной стрелкой. Но, черт возьми, они шли в отличии от моих навороченных электронных!

Марка вбила в ступор. «Павель Буре». Не Фетисов, не Гречки и не Овечкин. Буре. Буре и точка. И снова с ятью!

Паше, что хоккея мало, еще и часы клепать стал? Так вроде часов время уже прошло. Смартфоны рулят.

Почему-то вспомнилось:

— Мы ведём репортаж с матча НХЛ. Сегодня на льду команды Флориды и Чикаго...

— Буре набирает скорость, пас Могильному... Зелепукин...

— Шайбу перехватил Каменский... обыгрывает Фетисова, бросок!.. Но в воротах как всегда надёжно играет наш Николай Хабибуллин.

— Вот такой он, американский хоккей...

* * *

Биржевые ведомости

Думу думаю. Что делать... Кто виноват и так понятно. На эту задачку еще Достоевский русским ответил. Не знаете? Идиот, конечно. Кто ж еще? Вопрос только в том, что идиот похоже я.

Что делать? Топать надо, это понятно. Или задубею, или загребут. Людей искать надо. Только «розовые очки» снять. И не лететь сломя голову. Понять куда занесло.

Двинул. Иду дальше по дворам. Верчу головой, что твой филин. На пятьсот градусов. Туда-сюда-обратно. От усердия ушами только не двигаю. Но тихо. Как вымерло. Зато плеск отчетливее стал. Слева.

Слева это хорошо. Русским налево завсегда комфортней. Направо сказки детские не велят.

Тоже загребаю налево. Где вода, там и люди.

Упс... канал! Не речка, а именно канал! Гранитными плитами обвалован. По краям лед, а по центру вода плещет. Черная.

Ну и где в Кустанае каналы спрашивается? Тобол есть, три моста есть. Каналов нет... только возле реактора, но он в бетоне, а не в граните. И уж его не спутаю. Да и руин таких не было, земля не из дешевых. Всё на кирпич растащили б давно и продали. Здесь тоже видно — мародёрят. Но до наших промышленных масштабов ой как далеко... так, любители. Стиль построек какой-то не такой... древний, тяжелый, монументальный. Сейчас, точно, так не строят...

С той стороны люди мелькают. Далеко. Кто такие, что делают, отсюда точно не разобрать.

Напрямую через канал не сунуться. Надо мост искать. И куда теперь? Направо? Налево? Направо ничего путного не видно. Канал длинный, хотя и теряется в туманной дымке, но с километр видно. Мостов нет.

Слева я притопал. Там канал загибается. Точнее не загибается, а искривляется. А все равно, далеко не видно и всё тут! И оттуда спонсоры до меня-душегубушки приперлись...

Вывод? Опять налево — русским витязям только налево. Аккуратненько. И лучше отойдя за развалины. Чтоб не видно было. Обойду поворот и там тихонечко повыглядываю.

Обошел. Выглянул. Опять стою. Опять смотрю.

Мост. Каменный. С той стороны какой-то чел с ребенком чапают. Дворняга ссыт у опоры. Тетка ведра потащила. На анахроничный вид, платок и деревянные ведра уже не плююсь. Примелькалось.

За мостом в дымке громада здания.

Возле моста ветерок треплет вмерзшую в наледь бумажку. Вроде газету. Попробовать потихонечку до нее доковылять? Посмотрим.

Высунулся из-за угла. Стою. Жду. Внешне спокоен, а в душе стрекача дать готов. Проходим на той стороне на меня похрен. Спешат по делам. Это радует. Значит, не

выделяюсь.

Ладно, хватит ссать. Двинулся. Отодрал.

— Ржевскому молчать! Тетка и собака утопали по своим делам. Нетронутыми.

Газету отодрал. От мостовой. Не «Правда», и не «Труд»... Видимо не того не другого уже не осталось. Давно газеты не читал. Может и правда нет уже. Какие-то «Биржевые новости». 1904 года. Февральские.

И все через яти! Ять их ети... Питерские, точнее буржские.

Про войну какую-то с Японией. Не понял, опять острова, что ли делят?.. Вроде вчера тихо было. Хотя не слежу. Давно не слежу. А Россия постоянно где-нибудь воюет.

Про подписку... Это понятно, не впаришь — не проживешь. Но цены смешные — 10 рублей. Если червонцев только. Золотых. Шутка. Хотя с этих станется — реконструкторы, тоже мне...

Про театры и выставки...

И не слова о котировках. Угу, биржевые... новости.

Понятнее не стало. В голове хрень и сумбур. Даже закрались сомнения о моём попадалове, точнее попаданчестве. Только не понятно куда. Всё, что помню о столичном дореволюционном Петербурге и пройденные руины как-то категорически не сочетаются друг с другом. В голову торкнулась мысль даже об альтернативном дореволюционном постапокалипсисе...

Хотя, понимаю, и то, и это полный бред. Современные сказки для взрослых. Невозможно попаданчество. И время не движется вспять. И альтернативных миров нет.

* * *

Походкой делового человека

Понимаю, что ничего не понимаю. Когнитивный диссонанс, однако. Мозг не может адекватно оценить окружающее пространство. Тут думать надо...

Думать долго можно, но это вредно — тело, побаливает, ноги подмерзают, да и кушать хочется. Поэтому по заветам великих Укров, решил немного поскакать. Не, не на месте, а к людям. И без кастрюли, естественно.

Поскакал из этих трущоб. Потихоньку, естественно. Шагом не очень спешащего, но делового человека. По мосту через канал и вырулил на широкую такую улицу. Почти проспект Абая — в зародыше конечно.

Иду, смотрю, отвисшую челюсть, пытаюсь не сильно заметно придерживать. Понимаю, что палюсь, но ничего с собой поделать не могу. Ну, вот скажите, как реагировать, когда мимо возок проезжает? С лошадью! Я лошадь-то раз или два в жизни видел. И то вареной, е бешбармаке! А тут уже четвертый тарантас с этой живностью.

Или пехота с мосинками строем прет? В городе! Да еще в папах! И гармонично, заразы, смотрятся! Аутентично обстановке. Не то, что я.

На витрины без смеха или боли глядеть невозможно. Сначала цены смешили. Рублики, копейки, полушки какие-то. Потом объявления читать стал. Через яти продирался, через переносы. Еле смысл дошел. Маркетологи отдыхали. Да и лингвисты-филологи, тоже.

«В сём доме продажа чая», «Пилюли Ара», «Пать Пампадурь», «Нитки Зингер».....

Реклама необычная. Почти вся на русском. Изредка на латинице. Пару раз вроде

французский попался. Раз — немецкий и иероглифы.

Но речь-то вокруг русская! Только велеречивая какая-то, как патока. Но это полбеда. Привык быстро. Отсмеялся.

Впечатлений навалом. Всё необычно, всё глаза режет, цепляет. Небедно одетых много гуляет, вроде и крестьяне туда-сюда шуршат, в лаптях. Лоточники всякую мелочь торговать пытаются. Служивые... Группами победнее и побогаче в одиночку спутниц выгуливают. Стайки мальчишек как воробьи шныряют. А вот пролетариата не видно.

Многолюдно. Но не как у нас, у нас все сами по себе, в себе. А тут лица открытые, не замкнутые. Эмоции читаются.

У нас такого уже давно позволить умные люди не могут. Спрятал себя поглубже, масочку натянул, а из «скорлупы» только дома вылезти себе иногда позволяешь...

Так бы, наверное, еще б и топал восторженным нихрена не понимающим туристом-болванчиком, если б служивые ко мне свои стопы не направили. Странные служивые. Тоже в шинелях, только в разных. Оба без винтовок и с пашками. Ну, или как там этот переросток ножа называется? Палаш? Сабля? Ага, вобля!

Служивые, ряженные или какие, но взгляд у них цепкий, оценивающий, профессиональный: какие грешки за тобой и сколько должен. А у меня два грешка на душе отдыхают вечным сном, это если от девочки попытаться абстрагироваться. И ствол в кармане. Короче, кто б эти служивые не были: полицейские, жандармы или там гвардейцы кардинала — не желательно нам пересекаться. Не желательно! Но и дергаться тоже не стоит. Догонят, потом уже точно не отбросишься. Поэтому морду лица кирпичом и топаем, топаем, топаем, не меняя маршрута.

Когда один из них, молодой, вдруг рванул как Усейн Болт в мою сторону, а второй, постарше да посolidнее, заорал: «Стой шельмец!» я, честно, даже присел, дернулся и... смирился. Отбегался. Не убегу. От этих уже не убегу. Люди шарахнулись в стороны, а я стою, жду. Потею.

Только спринтер мимо пролетел как болид. Запахом чеснока обдал, сапожищами пробухал и дальше поскакал, рысак орловский. Второй, с медалькой на черной шинели, подходит. Жду, в комок собрался.

Нервы как струны. Обнаженные. Тронь — порвутся. А эта морда еще и головой кивает так снисходительно:

— Сударь, ну нельзя быть таким!..

Шаг. Моё сердце замирает. Пропускает удар.

— Эта шельма уж чуть в карман не запрыгнул. А вы ворон ловите-с!..

Шаг. Забываю дышать.

— Потом жаловаться будете-с. Царская полиция, дескать, зря свой хлеб ест!

Стою. Язык к небу присох. Сердце бухает так, что, шапка на голове подпрыгивает. Стою и вякнуть ничего не могу. За заботу б поблагодарить что ли? Не могу!..

— Сударь, вы б карманы проверили. Не спёр бы малец чего. Петро-то его догонит, но и скинуть тот может вещички. Потом не найти. Проверьте карманы-с, сударь!

Ну и я, как дурак, сунул руки в карманы и... вытащил револьвер. Ну ничего там другого не было. Ничего! Деньги и часы в сюртуке, нож — тоже не лучший вариант, но — в сапог сунул.

Ой, дураааак. Полный дурак. Видимо, мозг мой решил в отпуск уйти. А меня оставить Типа сам влип, сам и выкручивайся.

Стою, руки с револьвером опустил, жду, сейчас крутить начнут...

— Сударь, вы лефоше в кобуру бы убрали-с! Не очень хорошо револьвер в кармане таскать.

ЧЕГО???. Кк...ккакая кобура? Какой лефоше? Это ж наган? Или не наган? Он что издевается? И снова на автомате:

— Нету кобуры, не попалась...

— Лучше купите или закажите-с. — Слава тебе, вовремя зараза невоспитанная перебил, а то о жмурике сам бы выболтал, — Не дело револьвер в кармане носить. И одежду попортите и оружие это не пользительно. Ничего этот шельмец не утащил-с?

— Да нет, вроде. Пустые карманы были. Только вот...

— Жалобы-с есть? Будете на воришку жалобу писать? А то пройдемте в околоточную. Провожу-с вас.

Ага, размечтался! Проводит и закроет. Дудки! Свободу добровольно не отдам!

— Нет, дела у меня... я б не хотел...

— У всех дела... Говор у вас странный, сударь-с...

Всё, прикопался! Теперь не выпустит! Что ответить!?

— Акцент это, обычный акцент. — а в голове мысли толкаются, спешат: «Что сказать?! Что сказать?!»

— Аа... чего, простите-с?

Мозг орет: «Про границу говори! Про границу! И на патриотизм налегай! И быстрее, а то еще и документы затребует!»

— С Европы только приплыл. Жил долго, вот и подзабывать русский стал...

— А сюда зачем вернулись? — а визави мой напрягся, «ножик» свой на поясе придерживать стал... Попадаю!

— Так война ж! А я русский! Родине нужен...

А визави подменили. Вытянулся на мои слова весь, козырнул, каблуками щелкнул!

— Сударь не смею вас задерживать-с. Хорошего дня!

— И вам...

И за первым потопал, шашку рукой придерживая. Г... гг... вежливый гад!

Стою. Мокрый как мышь, сердце молотит, а в ногах слабость. Откат. Опять пронесло, еще б чуть-чуть и не только б морально... Обошлось. Штаны сухие.

Надо куда-то забираться, хватит по улицам бродить. Нужно обдумать и перестать метаться. Иначе однозначно какое-нибудь очередное приключение найду. Или как советский программист в XIX веке влипну. Буду новым Сергеем Крапивинным. Не знаю, правда это или очередной фейк, но тот тоже вроде в 1897 год в Тобольск из Ангарска провалился и с городскими допересекался, а потом еще доутверждался, что оператор ЭВМ из будущего. Ну и как результат в городском скорбном доме кончил. А всего-то городским странным показался изначально... наводит на мысли, что делать стоит и не стоит, не правда ли? Хочу в скорбный дом психиатрической больницы? Неа...

Что может быть лучшим местом в непонятной обстановке для посидеть-подумать? Где незаметен и никому до тебя дела нет? Толпа? Нет — с улицей научили только что.

Тогда куда? Где? В столовой. Когда человек ест, мозг думать отказывается. Кровь с желудком делит. Значит, ищем столовую. Ну или по окружению: кабак, трактир, закусную или едальню какую-нибудь. Рестораны или, как тут пишут, ресторации откидываем. И с деньгами непонятки и публика там празднующая, как правило. Денди и светские

львята. Могут и пристать. Хотя могут и не пустить. Не та одёжка. Не стоит короче.

Кабаки, насколько помню из истории, в царской России были самыми низкопробными заведениями. Оттуда и кабацкие драки. Оно мне надо? Тоже отметём. Остаются закусовые и едальни. Столовые вроде изобретения нашей революции.

Сомневаюсь, что нужное мне попадется на этой улице. Широковата, слишком много прилично одетых. Мне поскромше нужно, попроще. Лучше в переулки позаглядывать.

Заглянул. В третьем посчастливилось увидеть... харчевню? Нифига! Кухмистерские столы! Судьба шутить изволила? Хорошо хоть колпак поварской изображен и половник, а так бы точно мимо протопал. Для слишком грамотных нарисовано. Типа меня.

На входе висит доска с меню и прейскурантом. Мелом намалеванными. 10 копеек за борщ и 7 за ушицу. Так и написано: «ушица». Самое дорогое — заливной осётр, аж целых 35 копеек! По моим финансам — я миллионер. Значит, будем столоваться. Главное, чтоб деньги приняли. Но кто не рискует, что там дальше? «Не ест ушицы»!

Зашел. Небогато. И почти пусто. Тяжеленные столы и скамьи. Прошел, присел. Тут подскочил дядька. Шустрый и угодливый. Назвать официантом не повернулся язык. Из памяти всплыло слово «половой»... Точно, пусть будет половой!

— Чего принести-с? Ушица отменная! Со щуки и пескариков! Борщ вчерашний, но со льда, пироги с рыбой и птицей. Каши греча, пшёная. Из напитков сбитень, чай и даже какава. Только дорогая...

Хамоватый половой оказался. Пришуршал-то угодливо, даже согнулся сначала, а потом мои диссонирующие брюки, видать, просёк. Сразу в панибратство кинуло. Я-то после жандарма уж подумал, что в сказку попал... вежливую. Угу. В Россию.

Сижу, перевариваю ушицу и пирог со щукой. Сбитень прихлебываю. Благодарь за 35 копеек. Из них 2 копейки чаевые. Я не жадный. Может повару с этого грошик перепадет. Уха и правда отменная. Для и сбитень оказался вещь. Точнее не так. ВЕЩЬ!!! Во!

Ем, а самому смешно. Вспомнилась в девяностые-двухтысячные смотренная американская комедия про штатовских подростков с 10 долларами в восточной Европе. Там те тоже на десятку баксов шикавали.

* * *

Язык мой — враг мой

С набитым животом, да в тепле жизнь сразу становится прекрасной. Мысли — вялыми и пошлыми. Еще б стопочку. И не только стопочку, но и девочку. Отпускает. Но с утра по заветам неподражаемого Папанова пьют либо аристократы, либо дегенераты. К первому вроде никогда не примазывался, а до второго еще не скатился. Да и развезти может. Поэтому воздержусь.

Лучше нос к хвосту приткну и думать буду, куда попал и что делать.

Куда, вроде, боль-менее становится понятно. Куда-то в...опу! И не Европу. Причем большую...опу, дореволюционную: с сударями, жандармами, половыми и ятями. Вот только наша это реальность в прошлом или какая-нибудь фантастически-фентезийная альтернативная пока не ясно. Фактов мало. Эльфов с гномами и колдунами не встречалось. Это факт. Или не факт?

Судя по газете, копейкам и рекламе — я в Питере. Угу. Ленинградской губернии. Санкт-Петербург — и никак иначе. Причем похоже еще царский, дореволюционный. Назови Питером и по мне дурка заплачет.

А так типа не плачет? Мало того, что за пару тысяч километров как-то телепортнулся, так еще и по времени сдвиг поймал. Или адресом ошибся, не на ту кучу залез? Планета повернулась, а меня подкинуло и в прошлое кинуло? Да не — тогда б в открытом космосе болтался. Первым космонавтом. А этот шарик долетел бы потом ко мне. Может быть... Полетел бы Гагарин, а я ему замороженной тушкой сверкал бы. С арматуриной и скальвателем... «Юра — привет! В очередь! Я — первый! А до меня еще бабка была. Яга. Но ее космическим ветром сдуло... поэтому не считается». Дурдом...

Значит параллельная вселенная? Тоже не факт.

Или крыша ускакала? Ущипнул себя. Больно зараза. Неправильные галюники. Откинем гипотезу. Болючая.

Вопрос «Как?» ставить себе не стал. Бессмысленно, все равно не физик. А тут теорией поля, видимо, не обойдешься. Да и теория струн вряд ли поможет. Затык. Короче, ни знаний, ни понимания. Обойдем и замнем на время. Чтоб крышей не уехать. Как вся немецкая школа Кантора. Знания запредельного слишком велики для нашего конечного мозга. И вместо познания непостижимого и беспредельного Бога — Эйн Соф — наш Георг познал палату № 6 желтого дома. Не любит Вселенная, когда человечество через ступеньки развития прыгает. Останавливает зарвавшихся. Кого физически, а кого и как тех математиков — поехавшей крышей. Поучительно. Лучше и я не буду пытаться.

«Что делать?» более актуально. Как домой попасть — не представляю. О детях подумать страшно. Доча, сын. Я-то прорвусь, а они как там? Мелкие ж еще, даже школу не закончили. Но ничего изменить не могу, значит пока и думать себе запрещу. Будет возможность — тогда и суетиться буду. И отсюда вряд ли сможешь... любое движение и не факт, что они вообще появятся... Тяжковато жене будет. Но она у меня умница — прорвутся. Буду надеяться.

Ладно, ближе к телам моим грешным. То есть делам. Сдаваться, думаю, не с руки. Скорее всего, тогда светит опять желтый дом и стены мягкие. Не, в психушку адназначна не хочу.

Даже если и поверят, «мёдом намазано» тоже не будет. Запрут куда-нибудь в клетку. И дай Бог, если золотая будет. Хотя сомневаюсь. Использовать по максимуму должны, а сытые остервенело не работают. Морковки нет. Стимула. Значит: «здравствуй страдания». А оно мне надо? Вывод: никакого прогрессорства. Сидим тихо, как мышка под веником.

Самому легализоваться осторожненько. Нужны жильё и доход. Хотя бы временный. С наличными грошиками долго не протянешь. Мало. И еще раз — сильно не «высовываться», мир давно во всех сферах поделен.

Вопрос только как легализоваться специалисту по вычислительной технике, когда этой техники еще полвека не видать? Знания есть, но не в тему. Не поймут-с, однако. Компьютер изобрести? А кому он здесь, нахрен, нужен?

Задач таких для него не найдется.

Радио заняться? Попова найти и его радиостанцию улучшить? Не спец, конечно, но справлюсь, думаю. Все ж это такие азы. На уровне школьной программы. Однако, опять же высунусь. Стоит оно того? Пока не знаю. Необходимости, вроде, нет. А «клетку» невыездного получить можно. Подождем.

По профессии? Учить? Не вариант. И даже если я квалификацию уж как-нибудь подтвержу, то с бумажками засада. Не то, что в университет, даже в училище какое-нибудь ремесленное вряд ли приткнусь. Не светит.

Писарем пойти? Тоже не вариант. Эти яти, да и язык здорово поменялись. За неуча сочтут. Смешно.

Не в рабочие ж топать. И руками давненько не работал серьезно, да и платить, несмотря на либеральные сказки про царизм, такие копейки будут, что ласты протянуть только останется.

Затыгыгыгык однако...

Ладно, пойдём-ка от обратного. Что я имею сильного и что слабого.

Сильное. Знания по вычислительной технике и искусственному интеллекту. Никому не нужные. Школьная программа — теплее. Неплохой английский. Тот, скажем, тамошний. Здесь какой он, кто его знает. Может тоже с ятями? Пока не столкнешься — не узнаешь.

Опыт в бизнесе есть. Лучше. В приказчики? Без знаний-то реалий? Быстро вышибут, даже если какой дурак примет.

Может электриком каким-нибудь? На уровне простого электрика, думаю, осилю. А возьмут ли без бумажек? Инженером — уже сложнее. Кроме Ома и Кирхгоффа ничего не помню. Почитать, конечно, можно. Должны быть и библиотеки, и учебники. Но опять упрусь в корочки какие-нибудь. Точнее в их отсутствие.

Минусы. Незнание реалий, привычка к свободе общения и неумение писать по-тутошнему. Возраст. Все ж почти полтос тут откровенно много. Дедушка почти.

Краевые условия. Нужна непыльная работка с минимумом привлечения внимания к себе. И с доходом средненьким. Исходя из виденных расценок — рублей двести-триста в месяц определим для начала.

Да, и в крупные компании не лезть. Там хоть и толпа, но все на виду. Поэтому, что там... Путиловские, вроде, и Обуховские заводы даже не смотрю. Не по Сеньке шапка.

Побегать нужно. Поспрашивать. А лучше газетку с объявлениями взять и поизучать подробненько. Думаю, что-нибудь приемлемое для залетного ученого найдется.

Вот жилье не проблема. Найду. Как помнится еще со студенчества, в России доходные дома как бизнес зародились еще в веке восемнадцатом. Историю в нас, госпожа-товарищ Абдрахманова, вдалбливала знатно. Думал интересно, но бессмысленно, а вот... пригодится, видимо.

Ну если не найду квартирку на съем, сниму комнатку в доме на окраине. Вдов и одиноких старух на Руси всегда хватает. И квартирантов к ним. Кстати, полового можно эти вопросом озадачить, пусть чаевые отработает.

— Любезный, подскажи-ка, здесь поблизости квартирку или комнату никто не сдает благородному господину?

Упс, что опять ляпнул? Смотрю, мой половой с лица сбледнул, чуть на колени не бухнулся, но аж прогнулся весь:

— Ваше благородие, простите не признал! За приказчика вас принял! Не губиите дурня... не признал-с!

Да что за день то такой? Что не сделаешь — только хуже. Всё через...опу! Цугцванг! Стоп, анализ, что ляпнул? Благородным себя назвал. Вот что! Общество-то кастовое выходит. Сильно кастовое! Неожиданно... А мужичок себя неподобающе вел с высшим сословием получается? Поклоны недостаточно низко бил или в чем другом провинился?

«Ку» не сказал или в уху, например, плюнул? Да не...

А я что уши развесил, унижением ближнего люблюсь? За примазку к чужому сословию как бы и влететь капитально недолго. Пугачева вон на голову укоротили не за восстание, а что царем себя звал. Поэтому осторожненько, но сюда больше ни ногой.

— Успокойся мил человек. Ты на вопрос ответь: где поселиться сподручнее и подешевле. Поиздержался. Да и газетенку с объявлениями посоветуй, если можешь...

Самое главное ласково, уверенно, по-барски. Противно.

А если всё ж плюнул, гад?

Глава 3

Первые петербургские будни

Газеты, газеты, газеты

Настроение на нуле. Понимаю, что глупо, не брезгливый по жизни, но не могу отделаться от мысли, что эта сволочь могла плюнуть в ухо. Или какую-либо гадость скормить. Раньше б посмеялся — переварится, а сейчас хожу, психую.

Чтобы успокоить воображение прогулялся до проспекта за газетами. На улице поймал пару пацанят-разносчиков. Купил с запасом — сразу несколько: «Голось», «Петербургский листок», «Русский инвалид», ну и «Перербургскія вѣдомости». Осиротел на 12 копеек. Подумал — опять дурак. Надо было полового напрячь, а я б в тепле почитал. Теперь иди — ищи место примостить зад и почитать.

Или опять в забегаловку раскошелиться... нет, лучше чуток по городу поброжу...

Побродил. опять замерз. Забрел в полуподвальный трактирчик. Сижу, читаю. Чай прихлебываю. Кулебякой с рыбой закусываю. Рыбный день у меня сегодня. Ну и газеты листаю. Карандашом, выпрошенным у нового полового, чиркаю. Новости интересны, но их на потом. И через яти потом, сейчас только заголовки:

— «Общество хоругвеносцев Троице-Сергиевского посада подносит командующему манджурской армией А. Н. Куропаткину художественной работы шелковый стяг с изображениями преподобного Сергия...» — зачѣт попам, прогнулись. Хотя... эти своё не упустят, с армейцев стрясут вдвойне...

— «Японцы заняли Пхио-Ян в Корее и укрепляют стены города...» — банзай желтолицыце!..

— «Владивосток... 5 неприятельских броненосцев и два крейсера подошли от острова Аскольд и, выстроившись в боевой порядок, открыли беглый частый огонь...» — о, и нашим наваляли...

— «Бельгия первая страна, которая решила прежде других предоставить беспроволочный телеграф в распоряжение частных лиц...» — а типа до этого нельзя, что ли было? Что? Только письмами? Или темнят или...

— «Филадельфийская кампания доставила японцам паровозы для железнодорожной линии Сеул-Фузан. Американцы не считают нарушением нейтралитета продажу товаров воюющим сторонам, особенно если плата производится вперед» — янки не меняются!..

— «Содержатель съестной лавки Андрей Алексеев, уходя из дому, спрятал от воров в печь бумажник с деньгами. Истопник затопил печку. Бумажник сгорел вместе с 6 000 рублей наличными деньгами» — о, счастливики! Прославились... Маркетологи, ау, где реклама банков-сейфов? Недоработочка... Прошляпили, однако...

— «Всеподаннейшая телеграмма генерал-адъютанта Алексеева на имя Его Императорского Величества из Мукдена от 27 февраля 1904 года...» — о, ответочка японцам. Россия щедрая душа. Миноносец потопили.

— «Внук последнего киргизского владетельного хана генерал Вали-Хан предложил правительству создать для партизанской войны конницу из киргизов...» — Наш Чокан? Валиханов? Генерал? Его ж везде офицером... Генерал значит... скромняшка!

— «В течение 1903 г. в государственные сберегательные кассы поступило взносов

на 564,2 мил. руб. на счетах...» — Всего-то? Меньше 22 миллиардов на всю Россию? А Россия-то нищая оказывается...

Театры, балеты, салоны, колдуны... Какие колдуны!? А не... спиритисты. Вызывают дух великого Джакомы. Черт знает кто это... А... Казановы. Шарлатаны. Но, заразы, ердечко-то ёкнуло. Хочется волшебства? Ох, хочется... волшебную палочку, деда Мороза и Снегурочку. Лучше одну Снегурочку...

— «15 февраля потомственный почётный гражданин Н. В. Сувилов проезжал на собственной лошади по Петербургскому шоссе... У Старой Башиловки лошадь его, испугавшись мчавшегося автомобиля... шарахнувшись в сторону... и опрокинула сани, причем сидевшие в них Сувилов и испанская подданная Жани Феррер получили ушибы...» — не повезло испанской Снегурочке, кататель хреновый попался. Помяли бедную. Автомобиль-то не сани, он рулит! Он железный! О точно, скоро ж 1911 год. И Генри соберет шайтан-арба Форд 1911. Или это Кольт? Не помню... Может Форда опередить и... ага, обломись, с 25 рублями-то...

— «Ресторань „Прогрессь“... обеды отъ 40 коп... Вина лучших фирмь...» — неслабо я в этих столах перекусил. По ресторанным ценам... Понятно теперь почему там пусто было...

Ладно. Это потом детально поизучаю. Может, что вспомню. Объявления надо смотреть:

— «Треб. оп. люди. Жал. 35 Р...» — маловато будет!

— «Треб. мальчики...» — Чего??? А... в лавку.

— «Требуется мальчик не мол. 17 лет. жив. в погребе...» — Чего??? В погребе? Живущий? Ох.....Ъ!

— «Треб. садовник. 15 Р...» — не густо...

— «Требуются опытные: фотографъ...» — может заглянуть? С пленками раньше возился, даже цветные проявлял — руки вспомнят. «фото-цинкография... ретушь...» — а это что за хрень? Пролёт.

— «Литераторъ...» — долбаные яти!!!

— «Треб. девочка 13–15 лет... вечером...» — ...Ъ!!..Ъ!!..Ъ!!! Это что — детская проституция? Слов нет!

— «Мастер автомобилей... муж. хор. знающ. рем. автомоб. На хор. жалован.» — об испанскую Снегурочку бампер помял? Теперь не знает, как деду Морозу сани править? Надо бы сходить, нашего автопрома этот пепелац велосипедом должен показаться. Или наоборот... Но сходить однозначно нужно.

— «Треб. ретушер негативный...» — мимо. Я позитивный...

— «Ищу жену — друга, владьющую каким-либо дьломъ или имуществомъ. Полякъ, редкой чесности...» — редкой честности поляк!

— «Молодой князь (стариннаго русскаго рода) желает обвѣнчаться съ богатой особой, чтобы выкупить имѣніе...» — щедрое предложение, княжеское. Хотя может каста всё это окупает?

— «Треб. кучер. жал. 45 Р...»...

И такой хрени шесть листов. Ничего стоящего. Отбросил шелуху и грязь — пара-тройка предложений. Да в общем, как и у нас. Надо идти, самому смотреть и разговаривать.

Жалования вот отнюдь не радуют. Всего от 15 до 50 рублей. Скромно и никакого хруста булки. Французской. Детям вообще копейки платят... Не пощикуешь.

С квартирами попроще. Про аренду куча объявлений. Только не в газетах, на улице на тумбах.

Удивительно, но почти никакого деления на богатые районы и бедные. Никакой Рублевки. Ну, если Зимний не считать. Предполагаю и свой Гарлем тоже водится. Только где он пока не понял. Но и туда, и туда соваться не стоит.

Почти везде бельэтажи — для богатых, но чем выше — тем дешевле. Под крышей каморки за десятку в месяц. Для крестьян и голытьбы. Ну, или ниже — в подвалы.

Хотя если вспомнить сказки про корову за трешку, то становится как-то совсем запутанно.

Жилье лучше после поиска работы смотреть, думаю, чтоб потом через весь город не таскаться... Ну и карту города прикупить... А то «Петербург», «Петербург», а я в нем ни разу не был. Не ориентируюсь.

* * *

Да торкнет свет

Почитал объявления, выбрал интересные. Карандашом на карте места потыкал, где ждут работодатели.

Долго искал, где же я. Катастрофически геолокации не хватало. Привык, расслабился, но в конце-концов справился. Нашел — Обводной канал. И теперь по Садовой-стрит путь держу на северо-восток. В культурный центр — осваивать Невский и Васильевский. Проспекты. Острова. К Медному загляну хоть, наконец-то на коне увижу лучшую работу скульптора Фальконе.

Решил — для начала попытаю счастья электромонтером или наборщиком в типографию. Не понравится — потопаю к автомобилистам. Хотя последний вариант откровенно смущает. Уже пару часов тут «зажигаю», а из транспорта только кобылы да носильщики разных мастей. Ни одной машины. После нашего шумного Кустаная этот древний Питер большой деревней смотрится. Еще и дымком отовсюду веет...

Местные энергетики сначала откровенно не впечатлили. Я б даже сказал, наоборот. Но это сначала... Потом правда так впечатлили — чуть до седин не довели.

Снежок к центру пропал. Дома вдоль проспектов красивые, каменные. Монументальные и с лепниной все. А они в бревенчатом флигельке внутри дворов ютятся. Да еще в подвале. Захожу, на двери вывеска «Электрическая мастерская Савелия Кеслер-Котельниченко». Ага, как Петров-Водкин...

За дверью не электрик. Магазин, не магазин, лавка, не лавка. Но точно не мастерская. Все свободное пространство разными лампами, торшерами и люстрами позаставлено-позавешено. Серебряными. С чеканкой. И тканевыми абажурами. Ощущение, что попал в какой-то бутик восточного базара. Галопроекции джина только не хватает.

За стойкой рыжая веснушчатая юная особа лет десяти-двенадцати бумажки перебирает. Счетами щелкает. На джинна не тянет. И меня, кстати, в ноль игнорит.

Подошел. Увлеченно щелкает. Покашлял. Прыгнула зайцем. Испугалась. Вроде и пакость человечку сделал, а улыбнуло. Настроение поползло вверх.

— Юное создание, здравствуй, тут написано «Электрическая мастерская». Может, подскажешь, где хозяин?

Стоит, глазенками хлопает, побелела. Счеты к себе прижала. Неужели так сильно перепугал? Или трусиха по жизни? И вообще я не страшный! Почти... Такс, будем пробовать

пакость исправить, успокоить ребенка. Конфет нет, тогда что? Что лучше всего на детей и женский пол, что действует? Похвала, комплименты и оскорбления. Оскорбления оставим на потом, мелкая еще — подсластим:

— Вау, какая тут красота растет! Сказочная принцесса, наверное? Красавица, мне б Савелия, как там его там? Батьковича. Электрического мастера.

Девчонка вспыхнула, запунцовела. Ну и оттроллила за испуг. А язычок-то острый — как бритва:

— Ой, дядька, какая вам красавица да ищо принцесса, вам поди теперя все тетеньки принцессами кажутся. Я-то маленькая ищо! А вы старенький. А хозяин в мастерской с Игнаткой свет делают. И не Батькович он, а Мыколович. Вы в ту дверку загляните...

Сто слов, как из пулемета. И старым пнем обозвала, не приставай к малявкам, — знай наших! Не трусиха. Шустрая. Будет Анькой-пулеметчицей...

Пытаясь сохранить серьезную мину и спрятать лезущую изнутри улыбку протопал к дверке. Заглянул. Темно. Стены черные, закопченные так, что весь свет скрадывают. Сыро, так еще и на полу перевернутая бадья и лужа воды по комнате растеклась. И два чела. Старый — на кривой стремянке балансирует. И молодой — на подоконнике с ногами влез и, похоже, медетирует.

Только зашёл, даже «здрасте» сказать не успел, как старый нагрузил:

— Человече, подай вон тот провод. У табурета.

Не жалко. Помочь не жалко. Прошел. Поднял. Подал.

— Значит не под напряжением... «Подключил!», «Убьёт дядько»... от бисово отродье! Убью сдёргоумка!

Меня с опозданием, но торкнуло! Адреналина хапнул аж до икоты. Правда, пока дед по лестнице кряхтя прыгал, а я от охречения отходил, малого и след простыл. Был на окне и... нет уже. Из подвала как телепортом выдуло. Мне же старому в хитрую морду так дать захотелось почему-то. Сильно. С мыслями о работе сдержался. С трудом, но сдержался.

Старый же, как не в чем не бывало, доковылял до бадьи, перевернул ее и сверху уселся.

— Межеумок недоделанный!.. Что хотел, человече? Покупать чаво ль, али работу шукаешь? Заместо Прошки?

Я встречу перевариваю, стада мурашек разгоняю и что-то работать тут уже вообще не хочу. У этого Мыколыча, похоже, все провода делятся на «Тот!» и «Твою ж мать!».

Однако ж, и перспективы пока вообще непонятные, поэтому взял себя в руки. Нужно условия узнать. И про работу. Если приглянётся — уж технику безопасности я им поставлю. Да и дурацкие проверки отучу устраивать. Или стоматологов будут искать.

Поговорили. Поднялись в лавку. Прошел испытания. На все его хитрые подковырки столетняя история мне фору дала. Так что ответил легко.

Тут и посетительница пожаловала. Дама бальзаковского возраста. Ага, за тридцать. Далеко за тридцать. Вплыла. В два моих объёма. Головка в шляпке. Носик чуть потолок не царапает. Служка с лампой за ней семенит. Одним глазом косит.

— Савва, деньги возвращай прохиндей! Опять ерунду втюхать вдумал? Пары дней не отработала твоя лампа. Так я покажу... Сколько денег без толку тебе, проходимцу, отдала и опять не работает...

Дедок глаза выкатил, рот открывает. Явная растерянность. Хреново. Потом, что его в таком виде видел, не простит. И клиентка уплывет.

Влез в разговор, спасая положение, говорю:

— Сударыня, давайте глянем. Может и поломки там нет? Может провод какой отошёл просто.

Дама пыхтит, но в итоге тоже пересиливает себя и соглашается. Приводи, говорит, этот провод сюда быстрее. Чтоб заработало. И чтоб больше не отходил.

Мастер кивает: глянь мол. Забрал у служки лампу, глянул — провод у лампы обуглился и на тряпичной обмотке болтается.

— Мадам, у вас тут короткое замыкание было, поэтому не работает.

— Словесы давай не разводи! Сделай мnedлинным, замыкание это, чтоб работало! И побыстрее давай, мастер!

Хмыкнул. «Длинное замыкание» звучит... Но уже «мастер»! Открутил провод, взял поданный девчушкой новый. Присобачил. Подсоединил к розетке. Включил. Светит. Куда ж денется.

Тетка пыхтеть перестала, лампу служке всучила. Типа не отдаст. Интересуется, откуда у Савелия такой новый мастер появился. Расту — уже второй раз мастер! Сама ж на меня глазками щёлк-щёлк. И двумя сотнями кило колых!

Дед же гоголем расхаживать стал, грудь выгнул, надулся.

— Вот с заграницы выписал! Будет мне помощником, работы несложные делать.

Молчу, охреневаю я от него. Наглая морда. Безумно наглая. Тётка же подтрунивает, что, поди, это он на подхвате будет. Я-то вон лампу всделал, а он оставлял на ремонт, по седмице делал. Дед от наезда аж заикаться стал. Разухарился, руками замахал. Тётка ехидничает. Я молчу.

Ну дед и предложил, ехидно, то на меня, то на тетку поглядывая, кто быстрее лампы новые повесит. Утрет он меня. Умения мои проверить захотел, да собой похвастать. А мне всё меньше нравятся такие выкрутасы. Но согласился. Выбор-то небольшой: или «Да», или топай дальше.

Взяли по лампе. Савелий мне из-под стола какую-то старую достал, с жестяным отражателем, дешевую. Себе из коробки с полки взял. Девчушка табуреты притащила из-за прилавка.

Начали. Дедок шустрikom в свой угол поскакал, а я на прилавке с лампой разложился. Пока тряс — провода и плафон отвалились. Вот гнилой дедок...

Но сложного вроде ничего: и цепь собрал, и плафон прикрутил, и провода соединил, несмотря на тряпки вместо изоляции. Ни винила, ни резины еще, видимо, не водится. Провода и по комнате на штыречках под потолком на фарфоровые изоляторы посажены. Повыше, чтоб ненароком не зацепить. И киперкой обмотаны. Жуть, а не электрика! Или это дед такой зажмотистый?

Сделал. И оконфузился. Работу-то сделал... но быстрее потенциального начальника. И это при клиентке-то! Перед которой он тут петухом гарцевал. Эх, тупею что ли? Головой вертеть надо, а не провода крутить. Ну и пигалица, Анка-пулеметчица, соли дедку добавила. Смеяться начала.

Тётка тоже посмеялась и уплыла. А я с дедом перспективы выяснять остался.

Короче не рад он, очень не рад, но на работу взять согласен. Вот только рабочий день поставил от зари до темна — часов 12 ежедневно. И шесть дней в неделю. С заработком тоже не обрадовал. Предложил тысячу, но в год. Это всего-то 80 с копейками рублей в месяц, что ли получается? Да еще при таком душистом начальничке-то? И нафига мне такое счастье? Решил дальше по адресам пробежаться.

По пути заглянул в переулок. Вывеску-рекламу на афише увидел. В представительство фабрики наждачных изделий. Угу, звучит, может и громко: «Первая российская...». А на деле изба-избою. Мелкая и приземистая. Если б не окна — так и с сараем перепутать недолго. И мужики деревенского вида туда-сюда жернова и круги по двору таскают. Кто на телегу, а кто с телеги. И куры под ногами бегают...

Пыль, гомон, кудаханье и всё перекрывает как пароходная сирена возмущенный вопль какой-то тетки: «Какая тебе тут... шкурка? Это у тебя на... шкурка обрезанная! А это наждачная бумага!..». Ну и конструкции трехэтажные. Любят в России лаяться. Хоть тогда любили. Хоть сейчас. Любят. И наслаждаются. А потом удивляются, куда клиенты разбежались. Нет у русских восточного терпения. И умения постоянно улыбаться нет... Нет...

Постоял, абразив повздыхал. Маты послушал. Ну его. Не впечатлило. Потопал дальше.

Глава 4

Автомобильный клуб

Дед

Не дошел я до типографий, полюбовался на медного Петра на Адмиралтейской и в гараж заглянул. Ага, гараж. Белоснежное здание, с карнизами и лепниной. В четыре этажа. И стеклянными витринами по всему первому.

Гараж, с собственной вывеской. Санкт-Петербургский автомобильный клуб. И адресом. Владимирский проспект, дом 8. В элитнейшем районе, как я понимаю столицы Всея Империи.

В парадный подъезд швейцар меня всё-таки не пустил — рылом не вышел, но снизошел объяснить, что мастерская с черного входа. Туда идти. Пошел. Обошел здание. С торца настоящий симпанк — локомобиль — паровая телега припаркована! Походил кругами, полюбопытствовал — всё ж первая самобеглая телега в этой реальности.

Телега и есть телега, даже оглобля зачем-то спереди приделана. Причем только одна. Для надежности что ли? Когда пар кончится — полкобылы впрягать... или рулить при поворотах. Ни руля, ни даже намёка на эту приبلуду. Правда, они соскакивают и переставляют ее, вручную при поворотах что ли? Не понимаю... И котёл на корме...

Полюбовался и хватит — пора и о работе подумать.

Постучал в дверь возле гаражных ворот. Зашел. Прихожая и комната квадратов 50. Три двери. Пара кресел, здоровенный роскошный диван и журнальный столик. Камин и ковер на полу. Роскошно, хоть и минималистично. И три мужика в шахматы время коратают. Старый, в сером костюме за судью или болельщика. Второй какой-то дерганый, зашуганный, в черном пиджачке, за столом скрытый.

И последний, самый молодой, в кресле развалился. Но пижон! Коричневый атласный пиджак и рука на перевязи.

Дядьки холеные, блестящие, ленивые. Как коты. И такие же хищные.

Зашел, поздоровался, спросил на счет работы по объявлению. Старый с перевязанным переглянулись. Думал главный старый, но спросил почему-то молодой:

— Машину-то хоть раз видел?

Пошутил, что да, только что. У входа паровая машина стоит. Про телегу умолчал. Молодой хмыкнул, но снизошел уточнить:

— А автомобиль?

Поддерживая выбранную линию, сказал, что в Петербурге нет. Только про аварию читал, а так да, конечно. Иначе б не пришел. На что молодой почему-то скривился. Зато старый заинтересовался, что умею.

Рассказал, что неплохо разбираюсь в электричестве, с трансмиссией повозиться пришлось, да и двигатели перебирал. Фиатовские. Молодой снова хмыкнул и безапелляционно заявил, что заливаю! Старый глянул на мои руки, потом просто встал и направился к одной из дверей.

— Пал Палыч, проверю, со всем усердием проверю, и, если врёт, Архипу скажу, чтобы выпорол, — и мне, — Ну что пойдём, посмотрим на твои умения, белоручка. Пальто, вон на вешалку повесь пока.

«Выпорет» — ага, размечтался! Ну что ж, пройдем, покажем, что тут стоит простой автовладелец двадцать первого века...

Зашел, а там это чудо. Полированное дерево и темная кожа. Рояль и чемодан в одном флаконе. Кабриолет с кожаным верхом.

Шикарный кожаный диван, откинутое ветровое стекло, деревянный лакированный корпус и деревянные же колеса. Но тоже полированные! И обрешиненные. Позолота на металле и дереве. Обалдеть! Вот это древность, вот это роскошь. Игрушка...

— Ну что, показывай мастёр, что умеешь. Пой сказки, пой!

Обхожу машину, кончиками пальцев еле касаясь дерева. Любуюсь.

— Кабриолет...

— Сам ты кабриолет! Торпедо!

Хм... Торпедо? Не слышал о таком. Но ляп очков не прибавляет.

— Подвеска рессорная...

— Ух ты, не слепой!

Глянул под машину. Ну что сказать, телеги я не видел, но это чудо от телеги пока еще не далеко убежало, точно вам говорю. Колеса на втулках. Желтых, вроде бронзовых. Смазаны какой-то вонючей черной хренью. Масло не масло, деготь что ли? Мазнул пальцем, понюхал — а хрен его знает, что это. Густая, скользкая, да и ладно.

На задней оси звёздочка как у велосипеда. И цепь... Цепь! Натянутая. Ни амортизаторов, естественно, ни дисков тормозных. Даже барабанами тут еще не пахнет. На ось насажен деревянный чурбак и на него в канавку накинута толстая кожаная лента. На тяге, уходящей к салону. Это что, ленточный тормоз? Или его прообраз?

Стояночный? Или основной? Другого вроде нет... Может на передних, что поставили? Оглянулся. Там вообще голые колеса. Значит основной... Блин, вот это раритет. Никогда таких анахронизмов не видел.

Дааа, и как тут тормозить?.. Ладно, не мне водить. Мне ремонтировать. Хотя тут, похоже, больше столяр нужен, чем механик.

— Ступицы на втулках...

Молчит. Может, тут еще не знают, что такое ступицы? Опять сумничал? Да не, на телегах вроде так же назывались. Хотя черт их знает...

— ...бронза или латунь. Думаю, бронза...

— Ну так, латунь-то мягкая. Какой умник латунь поставит? Слесарил?

— Нет... Привод на задние колеса...

— Ну-ну...

— Передача цепная. Цепь в натяг. Натянутая так или натяжитель есть?

— Слово-то какое заумное выдумал. Натяжитель. Звездочка на пружинке. Вот и не провисает. Умником тебя буду кликать.

— Тормоза тоже на задние. Ленточные.

— Какие-такие ленточные? Нука-нука, поумничай. Где?

— Вот лента от рычага, обвитая вокруг... — чуть не ляпнул, что чурбака, но вовремя прикусил язык и продолжил, — барабана на оси? Вот... как работает рассказать?

— Не, Умник, дальше пой про машину.

Вот заноза. Специально принижает, чтоб потом меньше платить или по жизни такая зараза? И речь с одеждой опять не совсем стыкуется. Точнее совсем не стыкуется. Из крестьян выбился что ли? Или солдат? Но бесит. Да и не привык я уже к тому, чтоб так

безапелляционно тыкали... мне. Но, они хозяйева, а я проситель. Короче, везет мне что-то сегодня...

Заглянул в салон, две палки типа рычагов. Правда полированные и с золочеными набалдашниками. Руль и две педали. Автомат? Вряд ли... Скорее газ и сцепление. Тормозить рычагом-палкой.

Про то, что праворукая, умолчал. Не стал про японцев умничать. А то правда глупым выглядеть буду. С такой-то компоновкой руль не то, что справа, но и сзади вполне мог оказаться.

Прошу открыть капот. Кивает. Вытерев об ветошь руки, осторожно прикасаюсь. Дерево, полировка, лак. Ни защелок, ни фиксаторов. Просто клееная деревянная крышка. Под собственным весом. На навесах, как дверь в квартире. Поднимаю сначала ветровое. Потом капот, ставлю, упирая в стекло. Держится...

Полюбовался на ржавеватый выхлопной патрубок.

— Двигатель. Один цилиндр. Вот. Стоит поперек. Ну, с цепной-то передачей вдоль и не поставишь...

Молчит.

— Цилиндр большой, объем побольше полулитра, наверное. Но с учетом цепи — вряд ли больше десятка лошадей дает. Скорее пять-шесть...

Молчит. С одной стороны к цилиндру приделан небольшой вентилятор. Да и радиатора нет. Значит воздушник. С другой — металлическая коробка с крышкой. И звездочка с цепью — думаю сцепление с коробкой в одном флаконе...

— Охлаждение — воздушное. Это сцепление, думаю, и коробка сразу в ней.

Молчит. Поворачиваюсь. Стоит, с прищуром на меня смотрит. Ну, выпрямился, стал, тоже молчу. Молчим.

— И откуда ж ты такой умный к нам свалился? Двигатель ему не такой, да не так стоит, да тормоза не нравятся... а, мил человек?.. Ты знаешь, сколько этот автомобиль стоит?

Молчу. Прокол. Опять прокол. И он молчит, разглядывает. В общем, прав мужик, мутный я для него. Поэтому первым прерываю молчание, отвечаю:

— Предполагаю. В Европе жил, приходилось иметь дело, правда с другими моделями...

Главное ни словом не врать. Когда люди врут — умные это видят. А дед отнюдь не дурак. — Жил и в Европе, — правда умолчал, что не этой Европе, и не долго. И модели другие видел. Получше этой, ага на столетие получше...

— У Даймлера работал?

Э нет, вот здесь положительно отвечать не стоит. Могут и проверить. Но и чуточку баллов себе накинуть не помешает.

— Нет, хотя и его машины видел, — и про себя — видел, видел, только через сто с лишним лет. В музее Штутгарта.

— А у кого?

Вот ведь назойливый, видимо, здесь еще очень маленький мирок автовладельцев. Все друг друга знают. И владельцы авто, и мастера тоже...

— Да так, мелкие мастерские...

— Не хочешь говорить... В чем замешан?

Молчу. Он тоже молчит, напряженно разглядывает. Вижу, что как спец приглянулся, готов взять. Но не отвечу, чувствую, не возьмет. И правду сказать нельзя. Думай голова, думай... Медленно, словно нехотя отвечаю, что женщины сгубили. Жена хозяина клинья

подбивать начала, а я не повелся.

Смотрит еще напряженнее. Смотрю в глаза и продолжаю, что страшная. Очень. И злопамятная. Вот и допилила мужа... и меня гонять стали. Отовсюду. Поэтому уехал.

Спрашивает: «Кто?». Молчу. И он пытливо молчит. Смотря в глаза отвечаю.

— Не в привычках про женщин рассказывать. Тем более нелицеприятное.

Напрягся — опять пролечу, а он, зараза, смеется, расслабляется.

— Мы не Европа, они не указ нам. Пошли в контору. На довольствие тебя ставить. — Не угадал, не крестьянин. Всё же хмырь военный похоже.

Зашли в следующее помещение. Уже без роскоши. Мужики более привычно одетые, без вычурности. В масле. Дед ко мне повернулся:

— Зови меня, Иван Данилыч, будешь хорошо работать разрешу величать просто Данилыч. Считай, я помощник Беккеля тут. Пауля Фридриховича, — и, видя мой недоумевающий взгляд, пояснил:

— Пал Палыча, ты его видел только что. Не признал, что ли? Он же во всех газетах сейчас... мда... Европа...

Постоял, что-то прикинул, посмотрел на меня и добавил:

— Для тебя, Умник, он господин Пауль Фридрихович! И про аварию ему не напоминай. И так по больному проехал, как стерпел. Я бы выпороть приказал... не знаю...

Пока мы выясняли, что да как, мужички подошли. Четверо и один здоровенный бугай.

— Архип, Петро, два Ивана, и Захар. Ты, Умник, с Захаром будешь работать. Захар знакомься к тебе Умник в помощники. — снова глянул на мои руки. — Или тебя Чистюлей прозвать?

Молчу, пока ноль на палочке, лучше гонор не показывать. Потом посмотрим.

— Пока три червонца в неделю тебе поставлю. Потом посмотрим. Столоваемся тут. Жить где есть?

Походу Данилыч расщедрился. Под впечатлением честно отвечаю, что только сегодня приехал, еще не искал. Дед называет адресок, обратиться к хозяйке от его имени. Комнату даст. Благодарю.

Думал, повезло. Эх, если б знать...

* * *

Котёнок

Заселился по протекции Иван Данилыча в деревянный трехэтажный флигелек во дворах за доходным домом Тряничева. На Стременной улице. Что торцом к Владимирскому. Ожидал, будет далеко. Оказалось, почти за нашим клубом. И пяти минут ходьбы нет. Однако удобно!

Ну и Петро там с семьей живет. Тоже по протекции. В мансарде. Так что до места своего будущего проживания был торжественно отконвоирован всей бригадой. Как то ли механик-инженер, то ли непонятно кто заселен в отдельные две комнаты на втором этаже. Всего за скромную плату в 20 рублей в месяц. Без пансиона.

Ну бригада и где столоваться проводила. Там и проставился сразу за новоселье. Зря что ли водили?

Посидели, поболтали, по нормальному познакомились. Про себя повторно наплел

сказки про работу в Европе, когда чуть подвыпили, зачем-то сказанул, что новый двигатель изобрести хочу. Не внутреннего сгорания, а дизель. Посмеялись...

Короче, после всех этих телодвижений осталось у меня на руках меньше трех рублей мелочью, квартирка и работа. И первая зарплата через неделю. Если будет денег не хватать, может еще сходить кого замочить?

Встретившая в холле подъезда хозяйка доходного дома скривилась, почуяв легкий запах и уточнила, что постояльцы у нее не пьют и гулящих девок не водят.

Ну а я, повторно забирая ключи, поинтересовался:

— Будет ли прекрасная Мадам меня каждый раз в подъезде у дверей встречать, буду ли я так ошастливлен?

На что охреневшая семидесятилетняя сморщенная курага смогла только крикнуть:

— Тут нет подъездов, у меня — парадная! — Ага, а я — Балбес малохольный, Санкт-Петербург с какой-то окраиной, то ли «Парыжем», то ли «Лондо́ном» попутал! Парадные тут и точка! С поребриками и шавермой! Хотя последнего и в помине поди нет...

В общем устроился, обжился почти.

Скучно только одному по вечерам. Придешь с работы, ни компа, ни телека, даже допотопного радиоприемника и того нет. И мозг никто не клюет. Сплошной информационный голод, мозг бузит и требует интеллектуальную пищу. Из информации тут только книги, журналы и газеты. Но первые и вторые хрен бесплатно достанешь, а за денежки — цены кусачие. Остаются газеты, но и то в отсутствие электричества читать, придя затемно с работы под свет лампадки как-то не вдохновляет. Темно. Но и спать рано.

Попробовал ложиться как все, так под утро такие кошмары сниться начинают: то я в аду, то меня ловят и в дурку пихают, то Беккель зубами как акула загрызть пытается, то пороть Архип тащит, то семья зовет... Короче кукуха от одиночества и пересыпа улетать пытается.

Решил котейку какую завести, чтоб с ума по ночам не съехать. Оказалось проблемно. Пришлось даже проверить классическую маркетинговую акцию.

Мужиков наших гаражных на обеде спросил, где можно найти или прикупить котенка. Лучше рыжего. Сосед Петро, печально покачал головой и посетовал, что хозяйка не разрешит, у его детворы вон щенка забрала и утопила в прошлом году. И чуть не выгнала с семьей, ладно Данилыч заступился, уговорил оставить...

Принял к сведению, но все же решил попробовать, о чем и сказал. Мужики хмыкнули и тоскливо отвели глаза. Ладно... Захар даже на рубль забиться предложил, не верит еще в меня!

В среду утром обратился к домохозяйке, ну то есть флигелевладелице за разрешением на живность. Но эта сушеная курага ни в какую: «Проссыт мне все, вонять будет!»... На мой вьяк, типа, так со «скворечником» на три посадочных места во дворе не воняет, она в ответ свою шарманку завела: «Заведешь, утоплю и выселю»... Топительница...

Петро, поджидавший меня у двери, пальцы колечком сделал, на рубль, продутый намекая. А я что? Ну ладно, нет, так нет. Спорить не стал...

В субботу попросил мужиков в гараже посоветовать, где всё же котенка купить. Петро засмеялся:

— А ты упертый! Не боишься?

Посмеялись и все снова глазенки в сторону. Вот только Архипа зацепило, неймется ему. Видимо, как всегда, сходу не догнал, вопрошать стал зачем, да почему, да кому котенка.

— Домой хочу взять, — говорю. — чтоб урчал...

— Так хозяйка ж твоя их терпеть не может. Утопит божью тварь. Не бери грех Сергеич! А рубль я тебе с зарплаты подарю, не расстраивайся проигрышу — вместе пропьем! — вот, добрая душа... Передразниваю:

— Так хозяйка эта ваша и попросила утром сегодня купить, даже вон десяток копеек дала... — приятно все-таки смотреть на разинутые рты. Умным себя мнишь.

— Врешь! Зачем?

— Она мышей очень боится.

— А мыши откуда?

— Ну я позавчера принес, пацанята наловили.

— Для чего?!

— Ну так я ж хотел кота завести...

В общем в воскресенье рыжий котенок Мартын под завистливые взгляды дворовой детворы был вытащен из бумажной коробки и справил у меня новоселье... А наша котоненавистница, на которую в предыдущие две ночи свалились три мыши, даже снизошла самолично мисочку молока принести. Чем вызвала выпадение в осадок уже всей взрослой части двора.

Как, как? Да очень просто — нужно правильно мотивировать. Подумаешь, всего-то две ночи наша хозяйка весь флигель истошными воплями будила. Так сама виновата, добрее быть нужно, терпимее и толерантнее! Ну и, конечно, лучше доски потолка над своей кроватью без дырок от выпавших сучков выбирать, да полы постояльцев лучше прибивать. И, самое главное, чокнутых попаданцев прямо над собой не селить!

А теперь всё — будет плохо себя вести, еще мышей ночью десантирую...

* * *

Зубы дракона

Всем хороша работа. И непыльна, и интересна, и кормят неплохо. Не разносолы, конечно, но очень не плохо. Ожидал худшего. Даже регулярно мясо попадает. По текущим меркам это для работяг роскошь. Я, конечно, могу себе позволить прикупить и мяса, и готовой еды, а вот для гаражных мастеровых это реально семейное подспорье. Не разбежишься работягам шиковать.

А вот кто я и для меня и для всех большой вопрос. И не работяга, и не приказчик, и не инженер. Так, какое-то камси-камса... И знания вроде адекватные есть, и понимание принципов, и уважение появилось, хотя и пытаюсь не выделяться. Но, черт возьми, постоянно влипаю в «косяки». Сложное для всех делаю легко, а в легких вопросах постоянно попадаю «впросак». На первой неделе Данилыч даже штрафанул на полтора червонца. За бытовую тупизну.

Второй минус работы — на молебен ежедневно после работы ходить приходится в Свято-Троицкую церковь. Блажь у Беккеля такая или карму правит, не знаю. Но ходим. Всем клубом. Во главе, как про себя шучу, «мастера-приказчика Данилыча». Беккель, естественно, отдельно. И не по чину, и немец он. Хотя и под русского по документам «косить» пытается.

И всё б ничего, молитва, исповедь — привык за двадцать лет в вузе к бессмысленным

задачам. Заказчик платит, значит и даму танцует. Но поп на исповеди похлеще инквизитора-дознавателя душу каждый раз вынуть хочет. Всё ему расскажи, да всё покажи — и дела, и мысли, и прошлое раскрой. Как же, шазз!!! Верчусь, сочиняю. Пытаюсь в брехне не запутаться...

А вчера вечером за едой два зуба враз вытащил. Куснул пирог и зубы вытащил. С пломбами. Пластиковыми — еле спрятать успел. А через день еще три вытащил.

Испугался, думал цинга. Сначала зубы — потом слепота. Прискакал в ближайшую аптеку — витамин С скупать — и обломался. Нет его. И не знают, что это такое. Даже волшебное слово «аскорбиновая кислота» ничем делу не помогло. Только «аскорбление» мелкой девчонки-аптекарки вызвало. Глянула на мои руки с вьевшимся маслом, нос задрала и чуть взащей не потребовала вытолкать. Во второй — та же песня...

Обострять и доказывать не рискнул. Да и бессмысленно.

Ради этого витамина даже до торгового дома Чекушина добежал. Пусто. Только на меня как на идиота опять посмотрели...

Всю ночь ломал голову, вспоминал, в чем он есть, этот долбаный витамин Цэ, как с цингой бороться. На ум пришли только яблоки и лимоны. Ну и морская капуста, но, вроде, в ней йод.

Вновь по городу круги наматывал. Естественно, ничего не нашел. Какие лимоны, какие яблоки? Март на дворе. Им еще расти и расти. Даже яблоки моченые уже все подъели. А лимоны вообще только князья да император здесь едят. Дефицит-с! Кто ж их мне продаст? Как на полоумного смотрели...

Почти не спал. Думал. Вспомнилось, читаное, что с цингой капустой на кораблях вроде боролись. Вечером почти три рубля на капусту спустил. Полбочки притаранили. Квашенной. Меньше продавать отказались, сволочи! Начал жевать усиленно, витамины восполнять. Навосполнялся. С раздутым пузом еле уснул.

А утром два сюрприза: первый — десны зачесались. Жутко. Как будто зубы режутся. Ага, как у дракона — навместо выбитых. Аллергия на долбанную капусту, наверное.

Второй сюрприз — капуста своевольно решила, что я и она несовместимы. И выхода затребовала. Настоятельно. Спринтера до вечера исполнял. От клуба и до деревянного домика. Набегался так, что под конец штаны надевать уже не хотелось. А мужики втихую смеются, новый двигатель изобрёл — дизель дворового засирания. Выживу — припомню. До кровати дополз обессиленный, с желанием сдохнуть.

А утром новый зуб прорезался. Новый! Мой! На месте дырки. И как это понимать? Что правда, дракон!?

Неделю хожу как бобер, всё грызу, пока никто не видит. Зубы чешутся невероятно. И старые выпадают. Зато как-то шустренько лезут новые, беленькие.

И волнительно, и страшно одновременно. Что дальше отвалится? Если старое отвалится, а новое не вырастет? Или рассосётся?

Еще и седина пропадать начала, борода почернела. Пришлось сбрить нахрен...

На исповеди священник прикопался, почему морда лица как коленка голая? Почему, почему... патамушта-патамушта (непереводимый казахстанский юмор)!

Хотел вставить цитаты с историческими комментариями, но пока не разобрался как это можно сделать. И можно ли вообще...

Уважаемый читатель! Для «подогрева» моего интереса прошу не поскупились и поставить лайк книге!) Вам все равно, а мне за мои труды приятно!

Сила есть

В клубе снова аврал. Пал Палыч катал юную особу известных княжеских фамилий, ну и уступил желанию дамы дать порулить. Дал... Или просто полапать хотел, на коленки усадив? Последнее вероятнее, особа-то красива. Даже очень. И знатна. Тоже очень. А Беккель, что удивительно — разведенка. С прицепом.

Покатались, короче, порулили. Естественно, до первого столба. Передок вдребезги — Ржевский заткнись, — у машины конечно. Про даму история умалчивает, да и я лучше помолчу, а то ляпну что-нибудь вслух еще.

Машину в сарай, чтоб не растащили, местные мужики загнали, говорят. Беккель с вывихом ноги дома залег. Но, счастливый — юная особа, шепчут, вокруг него вьется, с ложечки кормит...

А нам опять над машиной колдовать...

Угадайте с трех раз, называется, кого Данилыч послал через полгорода ее эвакуировать? Ни в жизнь не догадался бы! Конечно меня. Как самого новенького. Правда подсластил пилюлю, что как Умника. С гигантом Архипом. На телеге. Кому ж еще по такой промозглой погоде тащиться, да тяжести тягать? То дождь, то снег, то слякоть. Весна идет.

Пока ехали, понял, что правду говорят — сила есть ума не надо. В мозгах рассчитывать на моего попугайчика не стоит. Ходячий навигатор? Да! Тащи больше, кидай дальше? Да. Вот и все его достоинства.

На переезде застряли, Архип телегой дорулился и уснул. Колесо в щель между рельсом и настилом попало, да еще перед самым носом у состава.

Знаков нет, шлагбаумов нет, я — доверился и проспал, Архип — тоже клювом прощелкал. Стоим. Дергаем, а паровоз свистит и не быстро, но приближается. Если у него тоже ленточные тормоза, то всё — не остановится. За телегу вроде похрен, а за лошадей с нас три шкуры спустят. Надо постромки, кричу, резать, лошадей уводить. А наш геракакл вместо этого под телегу полез, на горбу поднять пытается. Глупый как ребенок малый и безбашенный. Естественно, не осилил.

Хорошо, что паровоз остановился. Машинист с кочегаром хотели кулаками уму поучить, но увидев, вылезшего двухметрового красного Архипушку, почему-то резко передумали. Я б тоже, наверное, передумал, когда этот лось тебя почти на две головы выше и на тебя прёт. Однозначно передумал...

Телегу вытащили уже вчетвером и дальше поехали без приключений — я бдил. Доехали до адреса, нашел хозяина сарая. Открываю — мама родная — передок точно всмятку. Передние колеса выворочены, отдельно у стенки кинуты. Одно вообще поломано, щепки только торчат. Из рессор только одна в наличии. Капот на дрова...

Ладно, надо думать, как эту жертву любви к нам дотащить. Аппарат теперь не самоходный. Хотя узкий, в телегу должен войти. Только чтоб телега на по́па не встала ее догрузить чем-нибудь спереди сначала решил.

Походил кругами, подумал. У хозяина сарая выцыганил десяток мешков и лопату. Набили камнями и песком. Еле отколупали, земля мерзлая еще, но справились. Закинули мешки, а потом вшестером приподняли и поставили на задок телеги нос машины.

Посмотрел на моего напарника, почесал затылок, сплюнул и заставил его впереди

телеги топтать, лошадь за узцы держа. То уснет еще опять... сам залез в машину, диван шикарный. Архипу сказал, что рулить буду. Поверил...

За часа два дотопали до клуба. Архип хоть бы раз обернулся. Топал и топал. Биоробот. А я, наконец-то, сегодня выспался. И зубы чесаться перестали.

* * *

Тормоз

Привезли и затащили наш несамобеглый груз в гараж. Не рояль уже — так, жалкая поломанная деревянная игрушка. Дед кругами походил, языком поцокал, на телегу покосился. Потом приказал одному из Иванов к плотнику-краснодерёвщику сбегать. Капот, ось и колесо новые делать. Озадачил мотор проверить. И к себе утопал.

Я ж решил чуть толкнуть прогресс, да и себе баллов подзаработать — тормоза улучшить. Покумекал, да потопал за Данилычем с набросками простенького дискового тормоза, колодок, ну и педали с гидроцилиндрами. Час рассказывал, убеждал. Ну да, колодки чугунные, не помню я состав ферродо, хоть убейте не помню. Да и к толщине он вроде критичным был. Не напильником делать. А чугуний, что чугуний? Сточится? Поменяем или потолще сделаем. Всё равно надёжнее и долговечнее ремня.

Почему дисковые, а не барабанные? А потому что тоже ни хрена я не знаю, как они были устроены. Дисковые видел и даже раз разбираю, а вот барабаны уже не застал.

Данилыч сходу загорелся идеей, увлекся — видимо тоже водила, ручкой и ему тормозить не в кайф. Даже к хозяину степенно ходил, разрешения спрашивать. Хотя со стороны видно было — готов сорваться и побежать.

Порешали баре сначала на телегу поставим, попробуем. Если работает — авто апгрейдим. Поэтому все лечат машину, а я тормоз ваяю.

Хотя, чего тут ваять? Никаких расчётов, всё интуитивно. Только кроме кованой педали, бронзовых колодок и луженого бачка наши мастера ничего сделать не смогли, не на чем. Я уже о тросиковом тормозе задумываться стал. Как на велосипеде. Однако Данилыч помог, отправил на Обуховский завод: диск вырубил из котельной стали в сантиметр толщиной и обточили. Из нее же и скобу там выгнули. А вот с гидроцилиндрами пришлось к токарям идти. Выточили. Кто ж за червонец не выточит? Всего шесть бронзовых деталек — и нет моего личного червонца. Жаба чуть не задушила золотом платить. Правда, клапан бесплатно дали. Сперли, видимо, откуда-то. Ну, на этом всегда Русь держалась — что плохо лежит...

Цилиндрики на загляденье получились. Гладенькие, блестящие. Тормозной — маленький, всего в два дюйма — ага, дюйма. Нет тут сантиметров. Дюймы, футы и аршины, — главный побольше и потолще в пять раз. И ремонтируемые, на сальниках. С резиновой манжетой идеально ходят.

Притащил эту прелесть в мастерскую и зарылся в поиски. Трубки нет, шлангов нет. Точнее трубка есть, нашлась — полдюйма или больше. Водопроводная. Хорошо хоть не магистральный корабельный паропровод. Шутка. Грустно...

Захар посмотрел на мои мучения и выдал:

— Сходил бы ты к лудильщикам, они тебе трубку хоть какую спаяют. Только медную.

Точно, когда-то на самогонном аппарате такую видел! Побежал к лудильщикам — послали. Далеко-далеко. Невежливо. В местный аналог пешего эротического путешествия.

Пришлось топтать к Деду и с ним назад. Прониклись, зауважали — обещали к вечеру сделать. Припомнив посыл, сказал, что каждый дюйм проверю. Надулись чудики — добрее и отзывчивее быть нужно! Ну как минимум со мной...

Что сделать еще не знал, слоняться бездельником, когда все ковыряются не хотелось. Поэтому с облегчением услышал зов к обеду. Да и есть, уже хотелось, если честно.

За обедом травлю байку как с Архипом за машиной ездили:

— Переезжаем мы, значит, через рельсы, а у телеги колесо бац и в щель попало. Застряли. Архип под телегу нырк. Прятаться, похоже, полез. — хмыкнули, заржали, покосились на моего напарничка и умолкли. Архип надулся, — Паровоз идет, гудит, а я дырг-дырг и никуда. Архип снизу дергает, смотрю, не струсил, помогает. — Архипушка снова за ложку взялся, плечи расправил, ну чисто дитё, — Сейчас в лепешку нас размажет...

Все напряглись. Мы тут рядом, а они за нас переживают. И смешно, и приятно:

— Свист пара, состав лязгнув встал, из кабины машинист выпрыгнул. Злюющий. Матюкающийся. Ну и к нам. Морды наши кулаками править. Подбегает, ну и Архип навстречу вылез, спрашивает «Чяво хотел? Вишь работаем!», а машинист ему чуть выше пупка. Замер, глазенками лупает, ну и выдает: «Мужики, это... у вас ключ на 17 есть?», — а Архипушка ему: «...до 48-ого руками заворачиваю!»...

Посмеялись. Архип пошел ключи перебирать, 48-й искать, примеряться как откручивать. Ребёнок...

С утра собрал тормозную, залил водой. Нигде не течет, цилиндры работают. Позвал Данилыча. Достижения и успехи всегда нужно лично показывать — тогда начальство тебя ценит. Ну и проблем не создавать, конечно. Или с ними кото-то другого отправлять — закон степи, однако.

Дед подергал цилиндры, попытался тормозной удержать при нажатии — только палец прищемил. Ойкнул, матюкнулся, сказал ставить на телегу. Сам пошел палец насасывать. Больно, видимо. Ну а я что, я ничего. Молчу, главное морду лица кирпичом удержать. Не заржать.

Не особо утруждаясь, к обеду собрал систему на телеге. Корявенько, но не красота ж цель?

После обеда устроили демонстрацию. Впечатленный Данилыч к Беккелю снова сбегал. Уже не скрываясь и семеня. Тот на что хромой, но прискакал. Даже юная прелестница не удержала. Тоже интересно.

Повторили демонстрацию — мне не жалко, опять мужики толкали, а я тормоз жал. Потом меня Беккель согнал и сам на телегу полез. Повторили с ним — телега юзом, колеса колом, Пал Фридриховича в полете поймали. Повезло — не уронили. Зато Деду снова палец прищемили. Для симметрии на другой руке.

Объяснил, что жать нужно плавно, что сила торможения зависит от силы нажатия. Пауль, просёк сходу. Приказал ещё повторить. Раз десять.

Накатавшись, наградил меня царской премией — в 200 рублей. Правда, когда он к себе упрыгал, Дед половину внаглую отжал, заявив: «Тебе хватит». И тоже утопал палец насасывать.

Касторка самогонная

Весь день лазил под машиной, тормоза монтировал. На телегу, не задумываясь, прилепил — главное, чтоб работало. Тут — еще и красиво сделать нужно. И чтоб диск по колее не цеплял. Вот и ломал голову.

Коллеги за эти два дня колеса на место поставили. Только капота еще нет.

Смонтировал. Вроде нигде ничего не торчит, не мешает — диск один всего, поэтому к правому колесу сместил, чтоб дорожный просвет не уменьшать. Армированного шланга не нашел — пришлось трубку пружинкой в два витка завить, за счет гибкости ход рессор компенсировать.

Неожиданно неприятно осенило, что залить систему нечем. Водой конечно можно. В гараже даже работать будет. Или летом на улице. Но у нас-то ранняя весна. Замёрзнет вода и похерит всё мое изобретение.

А чем залить — не знаю. Тормозная жидкость у нас в будущем вроде из полигликолей состоит. Только от этого не легче, что это понятия не имею. И не спросишь ни у кого. Проще гравицапу или милофон Алисы Селезневой выспрашивать.

Сижу, думаю, чем тормозную заменить, чтоб не замерзала. Масла здесь все растительные, в двигателе и то касторовое залито. На морозе вроде густеют. Минеральных масел и в помине нет еще, не то что синтетики. Из нефти керосин с мазутом только получают. Ну и чуть бензина.

Залить керосином? Так он текуч как не знаю что. Через сальники вытечет. И вспыхнуть может на диске...

От безысходности решил попробовать масло. Налил в бутылку касторки. Побултыхал — ну почти как подсолнечное. Густовато конечно. Вопрос как поведет себя при понижении температур?.. Провел эксперимент, выставил за окно — через примерно час получил киселеобразную желтую субстанцию. Ерунда получилась. Не подойдет...

Сел снова думать. В голове крутится «этиленгликоль, этиленгликоль»... Ну и чем мне этот «этилен...» заменить? Спиртом? Там не этилен, там этил, но вроде те же производные. Сбегал в лавку, купил поллитру самого крепкого самогона. Мужики увидели, руки потирать стали.

Припомнил им двигатель внутреннего засирания и показал фигу — ржут... но на пузырь косятся, предвкушают. Наивные.

Сижу, смотрю на стоящий пузырь алкоголя. Рядом банка с касторкой примостилась. Чтобы подразнить мужиков достал стакан — налил половину. Поставил перед собой. Смотрю, думу думаю. Мужики слюной давятся стали... Это вам за двигатель!

Плюсы спирта? Не замерзает вроде до минус 30. Жидкий. Минусы? Легко испаряется и горюч... Посмотрел на косящих коллег. Дааа... слишком легко «испаряется»... Не напасёшься.

Краем глаза увидел вошедшего Деда. Пока тот на Архипа отвлекался — распекал за что-то — спрятал бутылку. Не нужно перед начальством так подставляться, чревато. Не объяснишь. Куда деть стакан не придумал. Решил, что прятать лучше на самом видном месте, поэтому просто плеснул в стакан поверх самогона касторки.

Вполуха слушающий распекания Архип, косящий влюбленным глазом на самогон, такого святотатства не выдержал и уронил Деду на ногу какую-то железную хрень. Распекания перешли с матов в ультразвук, потом в рёв.

Проравшийся Данилыч приказал выписать Архипу плетей и похромал к себе — может,

пальцы опять насасывать... Вот дурная привычка, всё в рот тянуть, только, теперь как он изогнется? Канючащий Архип поплелся за ним — помочь, что ли захотел? Этот согнёт...

Перевел взгляд с этого цирка средневекового барства и бесправия на стакан и чуть не обомлел. Вместо двух слоев, касторки и самогона, была однородная красноватая жидкость. Осторожно перелил в банку, побултыхал. Жидкая!

Чуть не бегом побежал ставить на улицу. Засунул в снег и полчаса плясал шаманские танцы вокруг — жидкая и однородная!

Замерзший, но счастливый прискакал к своему верстаку, а на нем пустая бутылка стоит... Выпили, гады!

Шпилечный патрон

Беккель уехал в Царское село. Порядка тридцати верст — по нынешним скоростям, если завтра вернется — быстро. Дед тоже исчез, правда, предупредив, что сегодня уже не будет.

Только остались без начальства — все работнички рассосались по своим делам, семьям. Раз, виновато потупились, помямлили и потерялись из вида. От дисциплины выпал в осадок, но я не начальник. А вот сам свалить не смог — совесть отчего-то взбрыкнула. Махнул рукой и остался один. Типа дежурным.

До обеда возился с тормозами. Сто раз примерялся, осторожничал, чтоб не испортить дерево. Собрал. Где нужно подпилит, где нужно просверлил.

Шурупов еще нет в помине, только гвозди и болты. С гвоздями сразу решил — не вариант. Вылезут. Поэтому сначала сверлил, потом болтами стягивал. Под шайбы — чтоб дерево не смяло. Муторно и одному до жути не удобно, но справился. Машина стала походить на привычную механику — три педали.

Залил тормозную в бачок, сбегал, поставил банку и открутил болтик у тормозного цилиндра, выпуская из системы воздух. И так несколько раз по кругу. Прокачал.

Посидел за рулем, подавил педали. Работают вроде...

Помаялся бездельем, полистал местный клубный журнал «Автомобиль». Не вошло. Понарезал круги, даже спать пытался лечь. Скучно...

Зазудело в одном месте прогрессорство. Решил подправить ленточный тормоз, добавив ему фиксатор и кнопку как на ручнике. Потом мелькнуло, что нормальный ручник — это конечно хорошо, но хозяин может и не понять. А Дед потом шкуру плетью спустит за самоуправство. Ну его...

Пообедал, вернулся, полежал. Не спится. Перебрал и разложил инструмент, убрал на верстаках, даже подмел всё. Чем еще заняться — не знаю. Худшее состояние — и уйти себе позволить не могу, и делать нечего!

Пошлялся, заглянул в кабинет Данилыча. Наткнулся взглядом на клинки, ружье и револьверы, развешенные на стене. Вспомнил про свой — какую неделю таскаю в кармане пальто. Привык, уже даже не ощущается, забыл про него...

Сбегал в мастерскую, достал свой револьвер. Как там городской называл... лермонт? Не, не так... лекроф, лероше! Точно — лефоше!

Осторожно покрутил барабан, отодвинул щечку, вынул патроны. Блин, это что с чем? На патронах сбоку штырёчки какие-то... И как эту хрень в бою заряжать? На адреналине метиться и штырёчком в паз попадать?

Глянул в ствол. Грязный. Ржавый, дааа... запустили тебя...

На полке рядом с двурогой масленкой приглянулась початая бутылка «Балистолъ». Почитал — ружейная смазка. Думаю, что пропажу нескольких капель Дед не заметит, поэтому решил вычистить свое оружие. Пока никто не глазеет. Тем более раз делать нечего.

Ушел в мастерскую к верстаку. Разобрал. Револьвер и гладкоствол. И хорошо подушатанный гладкоствол. Прутиком с намотанной тонкой стальной проволокой заменил шомпол. Почистил...

Сунул в ствол пулю патрона. Болтается... Это как же было нужно расстрелять тебя дружок? От нечего делать попробовал восстановить. С нарезным бы и пробовать однозначно не стал, а с гладкостволом можно и потратить чуток времени. Всё равно делать-то нечего. Скучно. А ствол жалко. Кто имел оружие — поймет. Только чем вот... Лучше хромом, но где ж его найти здесь. Попробовать простым железом что ли?

Взял доску и высверлил на половину глубины в ней отверстие. Капнул со свечи воска и воткнул револьвер стволом в доску. Паз для герметизации тоже прокапал свечкой. В центр вбил обезжиренный гвоздь. Залил почти под уровень разбавленной кислоты и притащил аккумулятор. Железо-никелевый эдисоновский агрегат 1902 года. Над которым вся наша клубная богема трясется как Кощей над последним яйцом... Ну и присоединил клеммы. Минус, естественно, к стволу. Плюс — к гвоздю, пусть послужит донором. Простейшая гальваническая установка. Оставил. Пусть ночует, утром гляну что получится.

Сам пошел чистить механизм револьвера. Вычистил, смазал и собрал. Мелочь, а время до вечера убил. Можно с чистой душой и до дому...

* * *

Аста ла виста

Утром по дороге на работу совсем чуть задержался. Вроде и проснулся пораньше, но с соседкой в парадной пересекся. И зацепился языками. По местным меркам — уважаемая матрона, трое детей, муж вроде при мелкой должности в городской управе, а по мне так девчонка ещё — 23 года всего.

Поболтали, пошутили, вроде и без намёков, а ощущения недосказанности с ее стороны остались. Типа муж не стенка — двигай. Шёл, обходил лужи, солнышку улыбался и думал: с одной стороны, вот и дама симпатичная, с другой стороны — зачем мне олень рогатый в моей парадной?

Доулыбался, уже на повороте, на Владимирском, какой-то мажор на карете грязью окатил, а в ответ на комментарий в зрительных способностях — меня вожжами кучер оттянул — будет де его хозяину тут ещё всякое быдло пасть разевать, да под копытами коляски путаться. Типа белой кости чернь дышать мешает.

Коричневое внутри булькнуло так, что не то что чуть штаны не прожгло, чуть крышечку со шляпой не унесло! А на дороге кроме луж, грязи и конских раскисших каштанов как назло ни одного камешка завалиющего. В итоге пока искал «аргументы» коляска укатила. Повезло и мажору, и кучеру — револьвер в мастерской остался. Так бы точно не сдержался.

Всё утреннее настроение под ноль убили, гады...

Булькающий и злой пришел в клуб, а там аншлаг. Данилыч цирк устроил. Сам в машине с девочкой лет десяти сидит — рулит, а мужики машинку толкают — катают. Чуть зазеваются, Дед хлоп, тормоз нажмет и толкачи все вповалку. У Захара уже юшка под носом появилась. И снова:

— Ноо, лошадки, встаем, покатили! Ноо, родимые! Ноо, совсем ослабли, с работы уже мне сбегают, может в живодерню сдать?

Беккель стоит у стенки перед кучкой клубных завсегдаев, наблюдает, улыбается. Дочка, что ли? Тогда зачем особу катал? Хотя, чего это я... разведенка ж.

Все смеются. И «лошадки» облегченно тоже смеются. Понимают, играют благородные. Наказать нужно, но не лютуют баре, так — шуткуют.

Дед, увидел меня, входящего, разулыбался, рукой машет, зовет:

— О, дитя, смотрите, еще лошадка! Умник, пошли катать! Впрягайся, нечего опаздывать!

— Угу, — думаю, тебе раз позволь, потом заездишь... подхожу и говорю, принимая игру, — Дедушка, а дедушка, вы пипочку-то вон ту красненькую нажмите, стартер проверните и машинка сама поедет! Быстрее чем с лошадками!

Данилыч, на «Дедушку» тормоз резковато нажал — «лошадки» опять вповал, — вылез, ко мне подошел. Пауль Фридрихович, смотрю, тоже со спины подходит. На меня вприщур смотрят. Что-то взъерошились начальнички:

— Водил?

— Эту? Нет, а вообще — конечно. Ничего тут сложного...

Беккель дернулся, как в тот первый раз, когда принимал на работу.

— Врешь!

Данилыч попытался сгладить:

— Иван, мастер ты хороший, головастый, рукастый. Но зачем врешь, что водить сможешь? Тут талант нужен, простолюдинам неданный!

«Простолюдин...», а ты значит «белая кость» морда ехидная? Баре-то наши расисты выходит или как там это называется? Стою, молчу, улыбаюсь. Давно меня так макнуть не пытались...

Доказывать, оправдываться? Зачем что-то доказывать? Молчу и взгляд не опускаю, а Беккель закипает. Да и мне отступать не резон... будет меня еще балаболом славить всякая благородная вошь. Даже двойной интеграл взять не способная! Аж опять забулькало всё внутри, чуть ему про 17 год не ляпнул — дождетесь матросов с Авроры!

Стою, зубы сжал, всё что думаю — удержать в себе пытаюсь. А эта сволочь на машинку кивает, мол, не для сиволапых сей девайс. Мол, куда уж черни с её-то куриными мозгами. Вон — в навозе иди копайся, место знай. Стерпел бы, деньги нужны, но тут малявка подбежала к Беккелю и влезла:

— Папочка, mutter говорит — мужиков пороть нужно!

— Правильно дочка mutter говорит. Пороть их надо, чтоб врать не смели хозяевам и место свое знали.

Порщики тоже мне. Достали, вот и не стерпел, говорю: так может прокатить? Или страшно — увиливать будет, заявит, что зазорно с черню-то? Дед дернулся, ударить в лицо хотел, но я просто шагнул назад и вбок к верстаку, и он пролетел. С верстака я кривой стартер прихватил. Железяку такую. И у Деда почему-то сразу желание руками махать пропало.

Мастеровые притихли, сжались.

Стоим, Дед примеряется, но просек — нахаляву не прокатит, ответка прилетит, а ему явно не хочется, да и староват он для таких скачек. Беккель просто мнетя — трусоват, походу. Пат. Тут еще девчонка еще маслица опять подлила, вякнула:

— Рара!

Беккелю перед дочерью видимо стыдно стало, трусом выставил какой-то мужик,

говорит — поехали. Ну или за дочь испугался...

Сели мы с ним в машину. Он первым — пассажиром, я — водителем. Завел, кривой стартер рядом положил, чуть подгазовываю, машину пробую. Хотя, чего тут пробовать — десяток лошадок всего.

Мужики ворота бросились открывать. Говорю с веселой злостью:

— Держись барин. Прокачу с ветерком!

Зло улыбаюсь.

— Маршрут: по Владимирскому до Невского, через Аничков мост и до Садовой... По ней до Московского, через Фонтанку и назад по Загородному... до Владимирского... — и Данилычу, — Засекайте время, вашбродь!

Тапок в пол, только — без рывков, а то цепь еще порву, — плавно! Но до упора — и машинёшка, как получивший пинка спаниель рванула вперед.

Беккеля бросило на спинку, в поворот вошел с легким дрифтом, брызгами и звоном сигнального колокольчика.

Подруливая, ухажу от столкновения с проезжающей бричкой, и снова тапок в пол! Под ржание испуганной лошади клуб остается далеко позади. Прохожие как цыплята бросаются в рассыпную.

Беккель кричит:

— Стооой!!! Раа... — подпрыгивает на кочке, на секунду смолкает и продолжает, — ... бьемся ж! Стооой!.. Се... Сергеич...

Про себя шепчу: «Срашно, буржуйская морда? Отчество вспомнил?..» и вслух:

Ползем от силы километров сорок, но какой адреналин! Кузов высокий и открытый, дверей нет, седушки без боковой фиксации — болтает, на любой кочке вылететь можно. Баринок наш, вцепился в кресло, аж побелел. За нами бросается матерящийся городской, но быстро выбирает только первое. Бежать и одновременно материться — неудобно. Доказано собственным армейским опытом — всегда выбирай одно.

Машинка лёгонькая — от силы пара сотен килограмм наберется, поэтому движок-слабосилок не кажется таким уж беспомощным. Тянет. Вылетаю на Невский, с выжатым сцеплением выворачиваю руль и снова полный газ. Машину юзом кидает к бордюру, выравниваю и бросаю к Аничкову мосту...

Пролетаем мост, какой-то зазевавшийся прохожий испуганной рыбкой сигает с моста. В ледяные воды-то весенней Фонтанки. Придурок!

За Аничковым дворцом разгоняем гусарский строй. Кони шарахаются в стороны, кто-то падает. Пара вояк бросается в погоню, но лошади не приспособлены к городским гонкам. Вхожу по лужам со скольжением в поворот у Гостиного двора — к Зимнему не помчусь, не самоубийца. Там царь живет. Стрелять сразу начать могут. В поворотах молюсь, чтоб не отлетели колёса. Гусар пронесит дальше по Невскому. За грохотом движка слышны звуки падения, звон разбитого стекла, конское ржание и отборные маты. Один, по-моему, в витрину на кобыле въехал.

Садовую, несмотря на самый длинный кусок дороги, прохожу почти без приключений. Редкие прохожие заранее испуганно жмутся к стенам домов и не создают проблем. У Сенной площади разгоняем какой-то крестный ход. Опять маты... Святоши оказываются бойчее вояк — чуть не получаю в лоб пролетавшим навстречу кадиллом, от летящего в ухо яйца уворачиваюсь. Беккель не успевает, ловит глазом. Мимоходом отмечаю — сырое было...

Московский проспект встречает лужами и солнечными бликами. Приходится маневрировать, по-максимуму спасая прохожих от грязных струй из-под колес. Удастся не всегда, некоторых купаю. Хорошо гаишников еще нет. Беккель уже не матерится и не просит, просто стонет.

Перед Обуховским мостом затор, но вид несущейся, ревущей и дымящей самобеглой коляски подвигает возниц и лошадей на чудо. Пробка рассасывается еще до нашего приближения, правда кто-то снова купается в Фонтанке, кто-то матерное кричит из-под моста.

Поворот на Загородную дорогу дается с трудом. На лужах и остатках снега машинку заносит и начинает крутить, Беккель пытается вылететь — ловлю за полу его франтовой кожаной куртки, приземляю и снова стартую. Маты и стон...

Царскосельский вокзал пролетаем как на крыльях, вдогонку только обиженный паровозный гудок, окаченный грязью строй охренивших солдат и свист городских. Ну и маты конечно, куда ж без них.

У клуба толпа, впереди Дед и девчонка — притормаживаю, выжимаю сцепление, максимально выворачиваю руль и газую — машинка послушно шлифует, делая оборот почёта! Справа раздаётся такое характерное «Бее...». Поворачиваюсь, из кресла торчит благородный зад теперь бывшего шефа — свесившегося за борт Беккеля неблагородно рвет на мостовую. Укатал благородненького.

После такого не работают... Спрыгиваю, салютую замершей перед Дедом с открытым ртом хозяйской девчонке

— Аста ла виста, беби!

— Стой Иван... Бее... Стоооой... Беее... Повторить сможешь???

* * *

Железные шапочки

По-хорошему поговорить не дали. Пока Беккель пришел в себя и смог вернуть на место желудок, да я чуть одежду от налетевшей грязи отчистил, пожаловали конные дядьки. В почти летней форме. С саблями. И в железных шапочках а-ля каска с плюмажем! Питерской весной-то! Красавцы!

Думал — бить будут. За размётанный строй в таких же мундирах на Невском. Но нет... меня, однако, эти с морожеными мозгами проигнорировали в ноль, а вот Беккелю представились.

Правда, только один — моложавый, усатенький — корнетом Аршеневским. И пригласили с собой. Вежливо! А Беккель стоит, слушает и фонарь от попавшего яйца под глазом рукой прикрывает. Красивый фонарь, на всю правую сторону его благородной морды.

Кивнул, попросил минутку, схватил дочь в охапку и умотал наверх переодеваться. Что удивительно, через каких-то пять минут при параде, сияя как начищенный пятак. Правда уже с окончательно заплывшим глазом. Даже ванну, по-моему, принять успел. Или душ. Не из ковшика ж благородным в тазике поливаться? Шутка.

Убыл с конными. На их карете. Оперативно. Куда его интересно?

Ладно, мы не гордые, как говорится: «Держись подальше от начальства и поближе к кухне». Повернулся к Деду, тот замер соляным столбом и стоит. Ни жив, ни мертв. Однако...

— Иван Данилыч, куда это наше благородие повезли-то?

Стоит, рот как рыба открывает, глаза таращит, но — молчит! Пальцем только в удаляющуюся карету тычет и мычать пытается.

Смотрю на мастеровых, те вообще в каком-то благоговейном экстазе. Толкни — на колени бухнутся. Куда это его?

Толкнул старика, Дед отмер, пискнул:

— Батюшки святы! Императорская карета! Лейб-гвардия! К императору позвали! — и сел.

Белый-белый. Сейчас точно Кондратий хватит. Хоть и козел тот еще, но местный, а мне все ж тут еще жить — спасать, короче, надо. Рывкнул на мастеровых: одного за чаем бегом послал, второго — в лавку за коньяком. Мигом притащили.

Чай хлебнул — горло, пока матерился и гонял, пересохло, — остатки выплеснул прямо на пол. Налил коньяка в стакан до краев, сунул Деду под нос:

— Пей!

Тот походу даже не понял, что выпил. Как воду, но, смотрю, отпускать его стало. Розоветь начал. Но ещё в протрации. Ну а я что, я ничего — чисто в медицинских целях вlepил пощечину. От всей широкой русской души, чтоб в дальнейшем про кулаки даже не помышлял.

Сидящего Деда мотнуло, но взгляд в точку сошелся, меня нашел:

— И... Сергеич ты чего, совсем охренел? Чего дерешься? На кого руку... — и приподняться пытается.

Тут главное, что? Главное инициативу держать!

— Сидеть! В медицинских целях!!!

Плюхнулся, послушался...

— Так...

— Куда увезли?!

— Так... Так к Государю ж, сподобились, батюшки святы...

— К какому Государю?

— К... как к какому? К Николаю Александровичу, Государю-императору Всероссийскому, царю Польскому и великому князю... — понесло, похоже, Деда опять.

В смысле к Государю? К Царю что ли??? В СМЫСЛЕ К ЦАРЮ???

Глава 6

Штурмовщина

Интерлюдия вторая — Фурштадская, дом 40

— Ваше Высокоблагородие, господин ротмистр, разрешите доложить? — Заходи вахмистр, заходи. Хорошо выглядишь, помолодел прям!

— Спасибо Вашсокбродь!

— Ладно, докладывай. У меня мало времени.

— Слушаюсь! В районе у Обводного канала околоточный 2 марта нашел чудное место. В развалинах как гигантским шаром все выжгло. И камни, и стены, землю. Двадцать три аршина от стены до стены. А потом битым кирпичом с обвалившихся стен кучами завалило. Я приказал от греха оцепить.

— Зачем? В чем дело, докладывай яснее, не мнись, не гимназистка! При чем тут шары какие-то и мы? Отправь городовым, пусть разбирают.

— Вашсокбродь! Трупы странные, не наши. Вот околоточный бдительность и проявил. Нас дернул.

— Что?

— Нашли несколько трупов двое мужчин в странной серо-пятнистой, как понимаю, форме. С с почти российским гербом.

— В смысле?

— Ну герб как бы наш и как бы не наш. Вот господин кадет Георгадзе сравнения писал. — мужчина шагнул к столу и, положив перед сидящим бумагу, снова отшагнул. — Найденные разорваны на куски. Были вооружены пистолями неизвестной модели. Пистолы одинаковые, номерные, но сильно покореженные. Мужчины перед смертью не защищались. Пистолы заряжены полностью. Интересные машинки. Господин кадет говорит на новый американский Кольт похожи, только на 8 патронов. У одного на левой руке был браслет. Кожа ремешка гибкая... странная. Как литая железяка выглядит. А мнется. Я такую, Вашсокбродь, не видал никогда. И дырка. Что в ней — покорежило сильно. Черный комок просто. Распознать не смогли. Думаем часы... Последней нашли женщину годков 25, от силы 30. Из особенностей: азиатка и много золотых цацек на ней. Порвана тоже вся. По хорошему кроме лица и груди ничего не осталось.

— Японка?

— Трудно сказать...

— Не мнись вахмистр! Четко докладывай! Документы?

— Слушаюсь! У одного из мужчин бумаги скорее всего были. Но не повезло, только пепел нам достался. И серебряный доллар. У других — ничего. Но повторюсь, обгорели навроде полосами. Сильно. Бумаги могли просто сгореть... На стене обрезанного дома кусок оконной рамы из лёгкого кхм... металлу торчмя. Выдолбили вместе с кирпичами. Такое впечатление, Вашсокбродь, что они правда срослись. Кирпич, стекло и этот, как его,... металл. И еще три разукрашенных предмета, похожих на яйца наши. Ме... металлических!

— Что за «яйца»?

— Непонятно Вашсокбродь, разбираемся. Я позволил себе в университет и к ювелирам обратиться. Показал фотокарточки. Говорят, что наверное украшения с внутренними

секретными механизмами. Одно и правда в золоте и мелких камнях всё. Очень на последние часы Фаберже похоже, говорят. Оно с ключиком на золотой цепочке. Ювелиры в восхищении — занимательная безделушка и не наша. Плетение, говорят, наши так не делают... Остальные два яйца проще и дешевле. Просто гладкий... тьфу!.. металл узорами угорскими расписанный. Только не нравятся они мне...

— Ещё что? Где яйца и пистолы?

— У меня, в сейф закрыл. В районе, меньше чем в 200 шагах, нашли еще двух убитых мужчин и женщину. Мужчин похоже забили железной трубой. В ссадинах ржа осталась. Обобрали до последней копейки. С одного даже верхнюю одежду и сапоги сняли. Женщину запинали ногами. Серьги золотые не тронули. Понимаете, Вашсокбродь, для криминала не характерно. Все трое лежали рядом, местные. Опознали. Савва-франт. Мелкий уголовник, душегуб.

— Всё?

— Никак нет, видели мужчину лет пятидесяти, выходящего с того района. Предположительно, в одежде одного из жмугов.

— Нашли?

— Нет. Ищем.

— И что тут странного? Американцы, японка, ну и местный криминал... Оформил бумаги и спихнул людям Лаврова. Пусть у его контрразведчиков голова болит. А нам своей работы хватает. Яйца — потерять! Золотое мне... и пистолы сначала покажешь.

— Если бы так просто было. Во-первых, моя группа и околоточный, что там первыми работали, сильно изменились. Доктор за ночь годов 20 скинул...

— ???

— Да. Помолодел. Повезло... Как и мне, как видите...

— Где говоришь круг твой?

— У Обводного, в руинах сгоревшей старой верфи...

— Едем, сам посмотрю!

— Не стоит, моим нижним чинам, что там работали наоборот как двадцать лет теперь накинута. Стареют, как свечи горят. Пока наказал по домам сидеть, чтоб не болтали и не смущали. Проверил и околоточного, что место показал. На службу утром не явился. Думали запил. Приехал, не открыл. Выломал дверь — у входа мертвый ссохшийся дедок в мундире. От старости похоже умер. Тоже сгорел.

— Мда... Молодец что засекретил. Что делать пранировал дальше? Излагай.

— Если бы молодец, Вашсокбродь!.. Рядовой Агафонов на исповедь ходил. Выложил священнику все. Ночью к этой... этому чертову кругу неизвестный в рясе прокрасться пытался. Унтера засекли.

— Поп? Взяли?

— Ушел.

— Да что у тебя за люди!? Вареные, как ты! Наказать и гонять! Вот, японский городской, отдельный корпус жандармов и попа не смогли задержать!

— Не получится наказать, Вашсокбродь. Мертвы они, поэтому я прибежал доложить. А он ушел... Хорошо хоть господин кадет за ним не побежал... И духовника Агафонова я трогать запретил пока... Давайте правда господину Владимиру Николаевичу дело передадим, а? Только меня не передавайте, если затребует! Ваше Высокоблагородие, боюсь я этой чертовщины, у меня уже на половина группы полегла!

Перспективы

Дед в ах... то есть прострации, царский вызов для него, что-то невероятное. Сроду нашествия марсиан или второго пришествия. Божественного. И это-то живя в паре верст, пардон, километров от Зимнего — резиденции. Не понимаю.

Чтобы своим видом не вводил в прострацию всех остальных, приказал утащить в его кабинет. Всучил на всякий случай коньяк — ладно уж, пусть допивает. Захару сказал приглядывать, нянькой приставил. Всех разогнал по рабочим местам, а то кони не доены, коровы не гуляны — нечего баклуши бить. Самим же потом опять перепадет, когда बारे очухаются. Хотя, думаю, и мне спасибо тоже не скажут.

Думаю, чем грозит вызов Беккеля к царю. Ведь понятно, что инициатор я. Точнее устроенное мною шоу.

Может царский возок обогнали, или того хуже — перевернули и в Фонтанку столкнули? Я, четко сказать, по сторонам головой мало крутил, нашу тарантайку от переворотов удерживал, уж слишком неудачная конструкция... Да нет — тогда б жандармы были...

Свалить подальше пока не поздно? Или не набегаяешься и лучше подождать?

Чтобы как-то отвлечься от тревожных мыслей решил посмотреть, что там со стволом. Оказалось, всё очень даже неплохо. Гвоздь похудел, зато на стволе новым слоем металла выровняло все каверны, да и пуля стала туго входить.

Нет пределу идеала, поэтому полировальной пастой отшоркал изнутри ствол до блеска, точнее отшустовал. Теперь сижу, думаю, чем бы от ржавчины защитить. Хрома нет и где его взять не могу представить. Думал, думал... оставить как есть — замучаюсь чистить, меднить нет смысла — слишком легко медь стирается... замучался и пошел за чаем. На глаза попался мельхиоровый подстаканник. Почти как серебрянный. Решил попробовать, пока никто не видел от него отковырял проволочку. Ну и здравствуй снова гальваническое осаждение... Покуда пил чай — ствол покрылся тоненьким блестящим слоем никеля. Сойдет! Смазал, собрал револьвер и сунул в карман пальто. Пусть лежит.

Привезли Беккеля. Зашел, фонарем сверкает на всю мастерскую, меня увидел, скривился, махнул рукой, мол пошли со мной, и потопал на верх, в кабинет Деда.

Поднялись, Беккель коньяк унюхал, бутылку и Деда забрал и из горла оприходовал. Угу, белая кость, прихватило — плебейские замашки вылезли. Я же в кресло уселся, ноги хотел на столик закинуть, но не стал явно хамить. Поостерегся. Захар вообще с интерьером слился.

Беккель понарезал круги по кабинету, посмотрел на Деда, потом на меня уставился и выдал:

— Меня Михаил Александрович вызывал... — и глядя на мой покер-фейс добавил, — Сергеич ты вообще откуда? Это же Романов который. Сам!

— Ну сам и сам... и что? — Царь Михаил? Вроде ж Николая быть должен уже, который Второй и Кровавый? Да что ж я творю? Столько времени тут, а так и не удосужился хоть такие факты сопоставить. Ладно... Михаил, так Михаил. Значит параллельная реальность. Жаль. А может и к лучшему? Пренебрежительно выдохнул, но ой, как мне нелегко это пренебрежение далось, но удержался.

Зато Деда, по-моему, пробрало. Вскочил по часовой стрелке бегать, руками махать. Но молча. Прогресс. Беккель же, видимо, проникся моей невозмутимостью. Обреченно махнул

рукой:

— Он на Невском у Пассажа был, когда мы на Сенную вылетели. Ну и видел все пролеты гусар... Понравилось... — не вытерпел, тоже сорвался с места, и нарезав круг по кабинету, продолжил, — Хочет, чтобы мы для Двора такой показ устроили!

Дед тихо присел, хорошо хоть на стул, а не мимо. Повезло старому козлу, что, рядом пробежал, и Захар успел подставить.

— Ну и в чём проблемы? — с одной стороны, говоря это, думаю, «оно мне надо?», но с другой стороны, такой тихой сапой в царское окружение влезть можно. А, соответственно, это и другие возможности, да и уровень защищенности другой.

Беккель аж споткнулся.

— Как в чём? Я ж никогда такое не делал! Ну ладно Волхонские гонки... но тут перед Зимним! Сразу перед императорской семьёй! Где машины, гонщиков взять? Кто порядок обеспечит? — ну и ещё кучу кто, где, как... — ну и еще полпрограммы «Что, Где, Когда» мне перечислять стал.

— Ну и какие проблемы? — ладно, пока принимаю для себя, что вписываюсь, а там посмотрим, — В чем разница? Определим улицы, можем даже рядом с Зимним, организуем их оцепление. Там канаты, например, натянем. Позовете ваших друзей-знакомых с автомобилями, приз посущественнее назначите, ну и объявления в газеты дадите. Проблем-то... Просто расписать всё нужно, план составить.

Оба на меня смотрят обалдевшими глазами, как котята на мамку.

— Берем листок бумаги. Делим на две половинки. Пишем, что нужно и кто отвечает. Ну и даты крайнего срока. Плюсиками отмечаем, что сделано... В конце не забываем банкет! — вот всему учить нужно, не маленькие ж, а туда же. Только из привычной среды выдернули — и всё, поплыли.

Сели, начали считать, Захара за чаем отправили. Посчитали возможных участников, получилось от 15 до 35 машин. Негусто, чтобы не заставлял скучать высокородную публику, предложил урезать осётра — сделать маршрут мимо Зимнего, но не длинным. Для зрелищности — чтоб машин поболее казалось. Стартовать от Медного всадника с Сенатской площади, до Исаакиевского собора, потом по Большой морской до Дворцового проезда, мимо Зимнего и по кругу. Вдоль Александровского сада. Мосты не — пересекать — а то опять кого-нибудь искушаем.

Прикинули, получилось чуть меньше двух верст, ну или около двух километров. Минуты три-пять езды. На 10 кругов получится отличное часовое шоу. Ну и призы, напоследок, предлагаю автомобильные, машины там, допустим, новые подарить — статус царской гонки обязывает соответствовать.

Отлично, но Беккель опять скисает, пытается малину испортить.

— У меня денег на такую организацию не хватит, занимать придется много. Боюсь быстро не смогу сумму набрать... — тухнет на глазах и печально вздыхает.

— В смысле? Вы что свои хотите вкладывать?

— Ну да, наследник про деньги не говорил...

Мда, нет повести печальнее на свете, чем денег нет, но вы держитесь. Удивляюсь я им. Стоп! Какой наследник? Михаил наследник? А кто царь? Ладно... мои терзания потом, сейчас решаем проблемы.

— Как думаете, Пауль Фридрихович, заинтересует такая гонка высший свет Петербурга?

— Конечно, — вздыхает, — тут и из Москвы поедут, и из Европы...

— А простой люд пойдет? — хитро смотря на замершего с заварником Захара.

Захар теряется, пятится. Додавливаю взглядом.

— Ну, дык, баре, кто ж его пустит. — Вот ё-мое, тоже верно. Упустил. При такой короткой трассе и такой скученности важных персон, нам еще каких-нибудь бомбистов или террористов не хватало.

— Ну, тогда на гонке устроим тотализатор, а на саму гонку рекламодателей позовем. Пусть кошельками потрясут.

— Кого, чего? — Дед, видимо, старый уже. Не успеваает. Тормозит.

— Лотерею устроим, как на скачках... — включились, червонцы в глазах защелкали, — а рекламодатели... Кто хочет представить свою продукцию высшему свету? Банкиры там, промышленники, может кондитеры. И эксклюзивные интервью гонщиков газетам... Да и приз — машины — в такой-то гонке тоже неслабая реклама. Потрясём производителей — может, и подарят машины. Только быстро надо.

Беккель сразу включился, а Дед еще кивал, что-то прикидывал, сомневался, а вдруг не дадут.

Захар стоял не отсвечивал, только рот забыл закрыть. Пришлось встать — помочь.

За пару часов мы скидали положение по организации Первого Русского Императорского Невского авторалли, всё что требуется и кто, что будет делать. Беккель умотал в Зимний, получать высочайший одобрямс. Дед, как особо доверенное лицо — поехал потенциальных гонщиков заинтересовывать. Ну а я — список спонсоров составлять, да думать, что и где на трассе разместить.

* * *

Миноритарный акционер

Называется, не хотел высовываться. Третий день мотаюсь по Петербургу. По Санкт-Петербургу. Святому. Объезжаю торговые дома — уговариваю спонсоров.

У Беккеля коляску экспроприировал. Не самобеглую, ту не дал, жмот, а конную. И кучера. Кучера Дед приказал взять, когда увидел, как я к лошадям сзади подхожу. Спасибо успел отдернуть. А так бы я, наверное, в лучшем случае фонарем светил похлеще шефа. Лошади-то, оказывается, лягаются!

Денег не дадут, как же! Первым приехал в Проводник, потом и в Континенталь. Так те чуть не передрались, хотели единолично присутствовать. Взятки предлагали. Отбрыкался, стряс с каждой по паре тысяч рублей векселями и вкинул идею натяжных баннеров. Проводники зажались, а континенталевцы умные, сразу отдарились — пару сотен рублей мне за идею в кармашек уронили. Желтенькими неподотчетными кружочками.

На обед вернулся в клуб, узнать, что мои начальнички понарешали. Беккель озадачил-обрадовал полным одобрямсом и идеей создания учредительного комитета гонки во главе с самим цесаревичем Михаилом. Клуб с его Уставом побоку — оперативно царствующая семейка просекла идею и присоседилась, упав на бабки. Однако, умеют делиться заставлять, половина их. Ну и вопросы создания, правда, с ходу фамилией порешали.

Фридрихович имеет долю вместе с Дедом в четверть уставного капитала. Почти как и присоединившийся князь Мещерский. И, что особенно приятно, меня Беккель в этом взлёте не забыл, я теперь в учредителях аж с двумя процентами. Миноритарный, так сказать,

акционер. Согласно веса и вклада. И даже бумажечку с подписью главы правительства Империи — самого Ивана Николаевича Дурново мне вручил. Обалденный Самоход! Такая бумажечка значительно поценнее двух процентов будет!

Дед же за это время успел четырех автовладельцев объехать. Трое дали согласие участвовать, и обещали своим знакомым сообщить. Один отвалился. Ну и наши клубные 12 машин рискнули выставить.

После обеда продолжил объезд потенциальных спонсоров. К концу дня еле ползал: и зад об коляску отбил и на языке мозоль натер. Но и вопросы порешал и себя не обидел — почти тысяча рубликов накапала в виде благодарностей.

Замучавшись мотаться, решил сменить тактику. Заехал в пару газет. Заплатил по империалу и выкупил на всю неделю первые полосы со статьями о предстоящих гонках. Подумал и в тройку бульварных газетёнок тоже заскочил. В двух хвалебные статейки заказал. В третьей хейтерский заказ. Поскандальнее, но — в рамках! Пусть интерес подогревают.

Интересно получилось с ограждениями. Сначала мы хотели искать канатные заводы, ну канаты для ограждений покупать. Даже телеграммы в пару верфей отправили. Безрезультатно. Но неожиданно, в клуб заявился дядька с таким характерным говором. Представился Айзиковым Абрамом Ароновичем, одним из помощников главы Нового Адмиралтейства и сходу решил наши проблемы, предложив доставить старые канаты со списываемых парусных судов. Естественно, за малую мзду.

Знаю, кого в помощники возьму!

* * *

Царская воля

Мы-то втроём переживали, что машин будет мало, что будет не зрелищно, что часть не сможет доехать... трассу укорачивали. Ага, гонка городского масштаба! Как же... от желающих отбоя нет. Беккель даже регламент гонки поменять хотел. Разбить, как принято, на разные категории. Выделить легкие, средние и тяжелые авто. Ну и чтоб я все это организовал. Но я как представил сколько на меня опять гемороя свалится, не постеснялся, послал. Я что лошадь ему? Что удивительно — послушался и пошел. Поэтому, несмотря ни на что, наше детище будет внеклассовым. Едут все у кого четыре колеса...

Отбиваемся от жаждущих участвовать спонсоров. Это первые дни мы их искали, сейчас — прячемся.

Мои статейки в «Русский инвалид», и «Перербургскія вѣдомости» подхватили сначала местные, петербургские, а через день московские и европейские газеты.

Что тут началось! Денежные мешки, прочитав волшебное слово «император» между строк узрели, видимо, «большие деньги» и «госзаказ»! Ну и рванули искать подходы и лазейки. Нефтяные магнаты Нобель с Манташевым чуть не подрались на чьем бензине соревнования пройдут. Типа — честно, чтобы умники-попаданцы закись азота не придумали в баки лить. Шутка конечно, какая закись? Движки и так рвет нередко. Просветили — газовать страшно! Чья лейба будет висеть на транспарантах над царской ложей, вот в чем вся соль. И к кому деньги потекут...

Конечно, основной поток денежной реки пошел через царских дядек и более

приближенных особ, но и нам перепало внимания. А мне и снова денежек накапало, главное не теряться, а то некоторые спонсоры сами не догоняют подмазать, почти прямым текстом намекать приходится. Некоторые производственники тупят, продукцией пытаются подкупить. Ну спрашивается зачем мне коньяка дюжина ящиков? Вы мне рубликов накапайте, а коньяк ваш или там Смирновский я куплю сам. Так уж и быть...

На счету учредительного комитета гонок уже почти полмиллиона рублей, рекламные пространства расписаны и выверены до метра! И это несмотря на то, что трассу удлиннили почти в три раза, круг теперь в дюжину верст! До Садовой и по нашему старому маршруту. Мишлен Бибендума, ну того, который Мистер Мишлен, с Парижской выставки притащили и собрали из шин. Белых, черт возьми, шин! То ли переросток-мороженка, то ли костюм-монстр водолазный, моряки спорили — трехболтовка это какая-то типа новая или что...

А трасса теперь дюжину верст! Ровно дюжину! Даже священники подключались. Ни нам, ни градостроителям, ни землемерам не поверили, перепроверяли! Чтоб упаси нас чертовой эта дюжина не оказалась, наверное. Шагами пара десятков монахов трассу вымеряли! Для точности...

Журналисты вперемешку с жандармами дежурят возле клуба, ловят каждый чих и вздох. Ну первые друг с другом дерутся, разносят по миру и новости, и сенсации. Вторые... Чтс делают вторые я не пойму.

Приз за первое место благодаря вливаниями спонсоров и богатых семейств перевалил за сто пятьдесят тысяч! Об участии в гонке почти сразу в газетах заявили французы Луи-Рене Панар на своем Панар-Левассор-Б1, Жорж Леметр на новом Мерседесе и сам красный дьявол — Камиль Женатци! На спортивных автомобилях. Для их доставки правящие дома Европы выделили литерные поезда! Причем из Парижа и Вены. Чартеры-экспрессы нового времени. С имперскими гербами.

Ну и каждый поспешил уверить, что приз русского царя будет его! Остальные отсталые — им не светит... Под этот шум, пришли телеграммы-заявки еще почти от трех сотен европейских особ. Причем и от таких брендов, что мне жутко стало: Ролс-Ройс, Веллер, Бенц, Фиат, Рено, Кадиллак, Форд, Паккард! Это я еще впервые слышанные не озвучил: Прюннель, Ришар-Брезье... Ну и создатель нашего клубного раритета — Дион-Бутон...

Из россиян тут же была доставлена телеграмма с Нижнего Новгорода от Фрезе. Убей не знаю кто, но Дед возбудился, опять кругами забегал. Еле с Беккелем поймали.

Аншлаг полный! Паулю, пардон, Фридриховичу достается по максимуму, позавчера выдернули почти ночью в Зимний лично к Николаю. На гонки едут эрцгерцог Фридрих Австрийский с семьей, это тот, который фельдмаршал Австро-Венгрии, и Шарль Луи Фушк Д'Отранте, уф, выговорил! Страшный, ну то есть старший сын герцога Отрандского. Француз. Ну и в добавок принцесса Елизавета Гессен-Дармштадтская на яхте идёт. Любимая правнучка, между прочим, королевы Великобритании и внучка Александра III, папаши Николая. Это мне Дед потом персонально, видя мою индифферентность, разжевал. Чтоб, типа, проникся и прихренел, что одним заездом натворил. Три императорских рода!

Что-то у меня в голове о принцессе тревожное тогда тренькнуло, но не помню, всю голову сломал, но хоть убей, не помню! Плохо историю учил, видимо.

Но это не главное, главное, что император Всея Руси Николай Второй снизошел благодаря своему братцу Мише к автопрому и теперь захотел, чтобы гонку непременно выиграл российский гонщик. И автомобиль. Непременно российский. Аж целых 10 тысяч рублей ассигнациями на это положил. Ну или сами понимаете... Прямо как раньше ложил,

так и теперь положил... Как он правит-то еще с таким подходом?

За полторы недели-то до гонки! Царь хочет и всё тут — шустрите!

А после царя Беккель имел интимную беседу с Виктором Вильгельмовичем фон Валем Или Вале... не понял я. Командиром Отдельного корпуса. Жандармов который.

Фридрихович приехал белее своей рубашки. Сначала ко мне дернулся, типа «Ты, быдло иностранное, виноват!», Дед поймал, придержал. Потом сдулся, махнул рукой и за коньяком поплёлся. Как будто воздух из него выпустили разом. Как из шарика. Деду, правда, сказал, чтоб попытался семьи вывезти подальше. Царь батюшка гневаться изволил за возможный ущерб имиджу России...

Хренею я от наших верхов, захотели — чтобы було! И неважно, что ничего для этого нет. Вы подданные, царь изъявил божественную волю, расшибайтесь! Вечные Потемкинские деревни, чтоб пыль пустить. Не системная работа, а именно, держи вокзал, мешки уходят, чтоб завтра мы были первые, да чтоб с рекордом! И не важно, что кровью... Штурмовщина сплошная.

Против заявленных топовых машин, как ни крути, беккелевский драндулет не тянет. От слова вообще. У тех лошадок минимум раз в пять поболее, да и скорости уже за сотню. Ну и драндулет этот Бутоновский не российский само-собой.

А мне-то что делать? Совать свою голову в этот пантеон? Сожрут же. Или по-тихому отчалить в дальние теплые края? Несколько тысяч уже прилипших к умным рукам золотых кружочков, думаю, перекантоваться первое время позволят...

* * *

Спидстер

Короче, и так и так стремно как-то. Зашел на кухню, нагрузил повариху заданием сварганить закусочки: бутербродиков с колбасами и рыбой. Забрал тарелки, ей наказал чайка принести попозже, да потопал к начавшему отчаянно бухать начальству. Голову ломать.

Как там потом самодельные гоночные машины назывались? Кабриолеты, родстеры... а нет, те вроде с верхом, нам и без верха сойдет. Попроще. Во, спидстеры!

В кабинете картина маслом: Беккель с Дедом коньяк в занюх рукавом квасят и револьвер на столе между ними блестит. Русско-немецкая рулетка.

Кота в Зимнем моим «мышам» показали сильно жуткого, похоже. Придется путь к морковке указывать. Ну и лечить от безысходности, не впервой приводить начальство в чувство. Призываю волшебное средство — шокотерапию, алкоголя пока хватает.

— Коньячком делимся с пролетариатом, — и тарелки, в наглую подвинув благородных, на стол сгружаю.

Пробрало благородненьких, Беккель подавился рюмкой, Дед не донёс, за револьвером дёрнулся. Всё ж флюиды революции уже гуляют в умах, хотя буржуи ещё не пуганные. Но уже чувствуют. Пятой точкой чувствуют ветер перемен.

— Что сидим, что глядим как бедняк на буржуазию? Коньяк не тырим, делимся, делимся! Рюмки нет, Данилыч, плесни в стакан. Вон за тобой на полке.

Дед отмер первым, похоже все же военная косточка, в стрессовых ситуациях поустойчивее будет.

— Сергееч ты б на поворотах полегче, пристрелю ж ненароком? Ты точно стол не перепутал?

— Пусть пьёт... всё равно теперь... Не простит Николай. Хх... — а Фридрихович-тс похоронил себя. Отходную справляет. Надо трясти. Жесче.

— А ты, Данилыч, ручки от револьвера убери от греха, пуганый. Да на бутерброды налегай... Да ему вон дай. Кстати, хочешь историю расскажу?

— Чего?.. Ну, давай попробуй...

— Две мыши попали в банку с молоком. Одна подыгралась немного — «Ну всё, не выплыву» — и пошла ко дну. А вторая стала сучить лапками, масло сбила и вылезла... Ну ты, Дед, и сам всё знаешь, в общем.

— И?

— Так ты это... Сучи лапками. Пока лапки есть.

— Не понял. Мне сучить?! — о, взметнулся! Пробрало!

— Ну не сучи, дрыгай. — перехватывая руку с револьвером, продолжаю. — Я за вас машину делать буду?

— Сделаешь ее... — сдулся.

— Ну и что нам мешает? Деньги ж есть!

— А ты умеешь?

— Не могу. Пусть казнят... — это грустный ноющий Беккель.

— Сучи лапками! Что, три умных человека, да с деньгами, да не смогут получше каких-то там бельгийцев или французов телегу с моторчиком сделать?

— Телегу... за неделю только телегу... Ну рассказывай давай, что придумал.

— Ну а что тут думать? Наливай!.. Ищем двигатель, делаем корпус, привинчиваем колёса. Остальное нюансы.

Беккель долго-долго смотрел на меня, потом кивнул Деду, мол разливай.

— Давай о нюансах тогда.

— Пришел как-то Соловей Разбойник к Илье Муромцу и спрашивает, что такое «нюансы». Почесал Илюша затылок и говорит: «ложись!». Ну лег Разбойник на лавку, а Илья штаны спустил и голым задом ему на лицо уселся. Соловей дергается, а Муромец сидит, причиндалы чешет и глаголет: понимаешь, получится, что и у тебя нос, пардон, в жопе и у меня нос в заднице... Но есть нюансы!

Посидели, подумали, дошло, грустно поржали, выпили. Беккель разлил. Потом философски заметил, что парадоксальная ситуация, он, потомственный дворянин в хрен знает каком поколении, пьёт с простолюдином, ещё и сам наливает. — Вот жеж жлоб благородный, я его нос из жопы достаю, а он еще его воротит. Добавляю:

— Соловушка, что такое «парадокс»? Уйди Илья, я с тобой после «нюансов» не разговариваю!

Посмеялись уже как нормальные. Выпили за парадоксы. Помолчали, подумали. Каждый о своём.

— Давай уж про твои нюансы, правда подумаем, а то телега получится — император не поймёт.

— Ну а что я-то? Я вам, что лошадь. Это у нее голова большая. Давайте вместе и думать. — какие хитрые, всё им готовенькое выложи. — какая машина нужна?

— Ну быстрая...

— И как мы ее быстрость обеспечим?

— Если б знать!

— А подумать? Почему тройка лошадей быстрее одной?

— Сил больше... Хочешь сказать, мотор нужен самый сильный?

— Не, Данилыч, заметь, это ты сказал! Значит, ты и ищешь самый сильный мотор. Еще нюансы?

Сидят, тупят, думают.

— Ну... скользить по дороге не должна?

— Сергеич, потяжелее не сделаешь, двигатель тогда силу потеряет... Машина легкой должна быть.

— Угу, а если колеса нормально обрезать, да пошире сделать? Заодно и ехать мягче будет.

— Нормально? А эти тебе чем... А что так можно?

— ...! Нельзя! Лучше думайте как сделать, чтоб на поворотах не «разувалась»... и как легкой делать будем?

— Дерево полегше возьмем? Бальса, говорят, вообще легкая. — Дед, видимо необучаем, — Правда её сейчас не найти...

Беккель, похоже, смысл понял. Напрягся, мышцами мозга шевелит. Что-то прикидывает. Наконец родил:

— А если оставить только каркас? Хотя не, дерево не выдержит...

— Ну тогда давайте из металла. Труб, например. Что еще у нас?

— Из труб? Каркас? Как Эйфелева башня в Париже?..

— Устойчивой должна быть?

— И что для этого нужно?

— Ну, это просто, пошире сделать, — Фридриховичу похоже понравился процесс нюансов, трет виски и, подумав, добавляет, — ну и пониже сделать... наверное... чтоб не переворачивалась...

К рассвету окончательно додали коньяк и, как ни странно, протрезвели. Ну и обдумали почти все. Нужно завершать, глаза уже слипаются.

— Что можно резюмировать? Максимально легкий трубный кузов... Двигатель сзади, цепь туда же. На заднюю ось. Что еще?

— Колёса стальные. Рессорная или пружинная подвеска? Тормоза.

Сидим, чертим. Как я привык. Карандашом на ватмане. С размерами. Я в миллиметрах, Беккель в дюймах дописывает.

Рама, рычаги подвески, рейка с рулём, тормоза. Даже кресла, сдвигаемые под размер. Два. Всё красиво, только печально. Самого главного у нас нет. Ни двигателя, ни коробки.

Правда и с колёсами помучались. Думали-думали, ни расчетов, ничего. Я так не умею, но и как считать понятия не имею.

Делать нечего, решил «плясать» от обратного. Ткнул пальцем в радиус в 20 дюймов и шириной в 8. Большие, хоть ямы машина будет «глотать» получше.

Сначала хотел сам нарисовать Беккелю знакомую мне конструкцию, время сэкономить, но потом передумал. А оно мне надо, так выставляться? Отлягет и спросит: «почему такой умный, где видел?»... Снова устроил мозговой штурм. Додумались до катанного профиля диска. А вот от спиц отговорить уже не сумел. Инерция-с мышления!

Вырисовали мне знакомое колесо: камера с ниппелем, низкопрофильная покрышка и диск... на спицах.

Ну и предложил отправить запрос нашим спонсорам. Оказалось, мои буржуи еще и конченные патриоты, о Континенталь даже заикнуться не дали. Про вякание о Мишлене мне чуть морду лица не набили. Только наш петербургский, только Проводник!

Хватит, всё. Забил и пошел спать на диван в парадную. Домой идти лень уже.

К завтраку меня растолкал Дед, типа, что спишь? Труба зовет, вперед во славу царя и Отечества.

Беккель уже усвистал на своём драндулете в Проводник договариваться о колесах. Гаишников на него нет, это-то после ночи пьянки.

Посмотрел на порожденный движняк и тоже решил не засиживаться. По старой памяти махнул на Путиловский завод, пружины, втулки, прообразы амортизаторов и рейку делать. Ну а Деду осталось корпус из труб в мастерской ваять, да о двигателе думу думать.

Завод почти не огорчил. Мастер потыкал пальцем в чертежи, почесал то, что на шее сверху и затребовал пару импералов вперед. Зато к вечеру обещал не только выточить необходимое, но и с курьером прислать в клуб. Пружины делать отказался. Только рессоры. Понятно, только хардкор. Ладно.

Посетовал ему о проблеме двигателя. Посочувствовал, но ничем помочь не смог. Предложенный вполцены, видимо откуда-то заныканный, паровой двигатель с катера мне никак не вписался. Как и сам катер, впрочем. Отказался.

Приехал, а Дед уже не только корпус сварганил, но и плотника с шорником выискал и сиденье сделал. Роскошное, мягкое, из белой кожи, но... Одно, но на двоих! И задрал высоко, и спинка низенькая. Ну и никакой эргономики в помине нет. Короче кожаный диванчик. Ладно, на первое время и так сойдет.

К обеду принёсся звеня и брэнча на тарантайке Фридрихович. Возбужденный, грязный, подпрыгивающий и, я не поверил, притащивший пять готовых колёс! Пять! Шикарных, с нормальным протектором! Они там, что завод ради нас остановили или как? Правда колеса, зараза, почему-то не черные с белой надписью как заказывал, а белые... с черной! Но это всё ерунда! Главное не квадратные. А в черный — покрасим!

Оказалось, про завод пальцем в небо ткнул и угадал. Императорское желание... и «самоход» Беккелевский от фон Вале.

Только сели обедать прибыл курьер путиловцев. Мой заказ привез. Вы думаете, мы пообедали? Щааз.

Я ещё дверь закрыть не успел, а эта банда уже с железяками в мастерскую рванула. Причем наши барчуки чуть с пролетарием Архипом не подрались, кто «железо» потащит. Архип выиграл. Как дети право, только вот не оставишь — обидишь.

Отобедать мы смогли только часам к шести, зато спидстер был собран! Спидстер... Громко сказано, так — багги без крыши. И без мотора.

* * *

Пламенный мотор

Пятый день ищем мотор. И ничего. Точнее есть, даже отечественные, но... в две-пять лошадей! У меня на мопеде в детстве мощнее был!

Объездили всё: заводы, верфи, фабрики. Беккель уже и в Новгород мотался. Ничего... Хоть, правда, паровую машину с катера ставь. Или паровоза. И кочегара нанимай.

Дед ходит вокруг меня, как на Деда Мороза и Снегурочку в одном флаконе смотрит. Роди ещё одно чудо! Думаю, зевани я — облизывать начнет! Ага, как же, хрен ему. Нереально.

Неожиданно с двигателем помог Архип.

Притаранил на взмыленном извозчике новый четырехцилиндровый двигун «NAPIER». С обломками досок, прикрученных к алюминевым проушинам. Откуда-то с «мясом», похоже, выдрал.

Еще коляска не остановилась, а он ко мне бросился, орет:

— Сергеич, дай куму червонец! Я обещал.

Прифигел, вот расценки у местных таксистов, но червонец отдал. Нашего добытчика только хотел спросить откуда мотор-то, но тот, от натуги крикнув, попер его быстренько-быстренько в мастерскую. А извозчик втопил от нас как в одно место ужаленный.

Понятно. Спёрли где-то. Беккель и Дед только переглянулись и тоже в мастерские рванули. Дед мотор облизывать, а Фридрихович — трясти Архипа.

— Архип, где взял?

— Нашел, барин...

— Где?!

— Ну... там...

— Где там!??

— Ну...

— Где, Архип!??

— Ну там лодка, битая, была... Вот... сняли...мотор... — ага сняли. Только врет. Там лодку, похоже, с мотора сняли. Разобрал.

— Где лодка была? — перешел на шепот Беккер.

— Там... — я позавидовал упорству Архипа и на всякий случай втянул голову в плечи.

— ГДЕ ТАМ!?? — Беккель перешел на ультразвук.

— Ну... у речки! — просиял Архип.

— ...! КАКОЙ РЕЧКИ!?? — Беккеля, похоже, удар хватит. Красный уже. Все пыжятся Дед хрюкает отвернувшись.

— На берегу Большой Невки... в Старой Деревне...

— Там же дача камергера Дурасова!...!!! — ахнул Дед. — Да что ж за год-то такой! — смех как рукой сняло.

— Вроде, ходили слухи, он ее продавал... Может пронесет? — махнул рукой Фридрихович, при этом смотря в окно на злющего, матерящегося бородатого дядьку. Спрыгивающего с взмыленной лошади у нашей парадной.

Дядькой оказался Золотов Александр Леонтьевич, Петроградский 2-й гильдии купец Владелец раскуроченной яхты. Наши умельцы с его строящейся яхты новый мотор умыкнули. Разломав половину посуды.

Дядька нормальный оказался. Узнав куда пойдет мотор, проникся. Даже жандармерией грозит перестал. Хотя может и упомянутая Беккелем фамилия фон Валя подействовала. Или имя. Императора. Правда, шесть кило рублей он с нас всё равно стряс. Видимо на две новые лодки.

Зато мотор зачётный, аж в 75 лошадиных сил. Правда, тяжеловатый, почти одиннадцать пудов. Но найденному коню в зубы, сами понимаете, не смотрят.

Дед всю артель припряг проушины приваривать, пардон приковывать, да ставить мотор.

Сваркой тут еще не пахнет, все на заклепках, да на ковке. Коробку от Бенца сняли, а вот радиатор подобрать не смогли, поэтому наплевав на эстетику пошел по пути автовазовских фриков — временно вlepил здоровенную «дуру» двухведерного самовара. Чугунного радиатора системы отопления не было за неимением пока что самой системы водяного отопления. А жаль...

Завтра придется лудильщиков припахать — пусть ваяют медное чудо из трубок.

Беккелю опять гонять пришлось. Поехал звёздочки и цепи на Петербургский Арсенал заказывать, оказывается, там велосипеды для армии сейчас делают.

Привёз. Отличные звёздочки. Только ведомая пара на ось не лезет. Первая на ось коробки встала как родная, а вторая — на заднюю ось — ни в какую. И вроде и те и те по размерам, но не лезет! И с маслом не лезет... Это-то при снятых размерах и чертежах! Не знаю, изобретут ли когда-нибудь вечный двигатель, но где искать вечного тормоза в России я уже знаю... в автоклубе.

Ну не лезет, и не лезет. Не привыкать. Не лезет, это не болтается. С помощью напильника и всем известной матери подогнали пару. Забили и цепи натянули.

Мотор хоть и лодочный, но на наш спидстер встал как родной. На стенде колеса крутит обалденно.

Еле уговорил до утра подождать, да в городе машину не светить. Пусть на гонку сюрприз останется.

Думал всё, отдохнуть можно. Ага, два раза шазз! Дед ускакал жестянщиков и краснодеревщиков напрягать. Видите ли, внешний вид не вдохновляет. Императору может не понравиться. А то, что лишний вес, то не его проблема.

Ладно, чем бы дитя не тешилось... Украшательства и отломать потом ненароком можно. Главное — в последний момент.

Глава 7

«Северное сияние»

Тест-драйв или стритпоинт по-русски

Третью ночь подряд учу трассу. Беккель опять ушатал свой лакированный ландо. По слухам, хотел мой заезд перед царевичем Михаилом повторить. Покрасоваться, видимо. Само собой движок перегрел. В итоге и сам облажался, и движок мне спалил. Теперь тарантайка дымит и вообще не тянет. А тренироваться мне нужно — как Фридрихович вертелся ужом, какими путями, но то ли он взял в аренду, то ли у кого-то экспроприировал еще один самобеглый пепелац. «Как», — сия тайна покрыта мраком и молчанием бледнеющего Беккеля, но машина для тренировок есть.

Штучка, конечно, та еще. Круче прежней, высокая, слабосильная — движок всего пять лошадок, вдобавок без тормозов нормальных и глушителя. Тарантас, короче.

Тормоза пришлось ставить в срочном порядке. На глушитель я забил — уши и заткнуть можно. Бегаёт, да и ладно, а тарантайка или тарантас — какая разница...

Спидстер не светим, пусть будет всем сюрпризом. Днём и ночью нарезаем круги по маршруту. Днём — медленно и аккуратно, чинно, не пугая прохожих, запоминая нюансы, ямы-кочки, повороты, ночью — сплошной стритпоинт. От точки до точки. На пределе возможностей.

Пара друзей Беккеля выступают нам оппонентами. Немец и финн. Вот и носимся с ними по полночи, ревём моторами, царю спать не даем, ночных прохожих пугаем.

Фары на машинах, чистая профанация. Я когда первый раз увидел — в осадок выпал. Собрались ехать, а Беккель за карбидом отправил. Спрашиваю: «Зачем?». Думал переиграли, варить глушитель, например, планируют. Как же! Оказалось для фар. В бачок горсть карбида сыпанул, воды плеснул, бачок закрутил. А вот теперь в фарах горелки зажег. И минут двадцать у тебя фары светят. Потом по новой.

Короче, по моему, ночью ездить невозможно, не то, что гонять. Фон Вале пошел на встречу и выделил пару рот жандармов. Жгут костры на поворотах, да и посторонних на трассу не пускают. По крайней мере, стараются. Учения у них.

Фридрихович с секундомером Петра Первого охраняет. Шучу: «чтобы курсанты морских училищ неприличные места пастой Петру и коню не натирали». Ну и между делом время кругов нам засекает.

Деда попробовал за штурмана посадить. Пришлось списать после первого же круга. У гонщика должны быть яйца. И отнюдь не из хрусталя, а он на поворотах глаза жмурит, и молиться начинает.

Зато юная пассия шефа, княжна Танечка Николаевна Долгорукова, теперь со мной гоняет. Напарницей. Штурманом боевого русского болида. Только так: Танечка Николаевна и никак иначе!

Когда ссаживал Деда, она и предложила:

— А можно мне попробовать? Я Танечка Николаевна, — и, подумав, добавила, — Долгорукова!

Я — против, не женское это дело. И тяжело, и риск большой, и ставки высоки, струсит, испугается — тормозить и высаживать некогда будет. Так и говорю. Но кто здесь во что-

либо ставит мое мнение, получаю в ответ высокомерно-пафосное:

— Я Долгорукова! Мы Руси служим четыре века!

Хмыкнув, беру в экипаж. Беккель тоже против, но подсаживает, и остается, закусив губу, в клубах выхлопа.

На первом же повороте, порыв ветра, игнорируя короткую моднячую шубейку, доказывает, что Танечка Николаевна не только Долгорукова, но и обалденно длинноногова. О чем, не подумав, сообщаю пассажирке.

В ответ получаю яростный взгляд и... никаких действий. Руки заняты у обоих — работаем. Мои — на руле и рычаге скоростей, её — на скобе и секундомере. Машина в заносе, не до платья. Не улететь бы. Поэтому рулю и просто краем глаза люблюсь обтягивающими шикарными ножки шерстяными чулочками.

Выходя с поворота, кричит остановиться, что с сожалением выполняю. Дурень, что тестостерон думать мешает? И девочку смутил, и проблем, похоже, себе капитально нажил.

Девочка же, покраснев, просит помочь подоткнуть платье... под то место, где её, говорит, длинные ноги начинаются... чтоб не мешать заезду!..

Однако!.. В заезд уезжаю, семафора её красоте — брюки капитально жмут. Она смеётся:

— Пауль увидит — отстрелит! Или папенька... отрубит!

Приехав к Медному, с машины, однако, не слезла. Загнав в аут папаню и моего шефа, заявила, что гонки — это её вклад в защиту Отчизны!

Чтоб не простыла, забираю у Пауля шерстяной плед, укутываю. Простудится ещё, защитница... кто детей потом Отчизне рожать будет?

Визжит на поворотах — уши закладывает! Визг, по-моему, в ультразвук, уходит. Случайные лошади приседают, собак как ветром сдувает! Но с работой справляется на ять! Сначала время, угол, потом визг. Причем единственная чистокровная русская из всех трех экипажей. Теперь мы с ней «Русская сирена».

Когда проносимся мимо, Беккель и папаша, князь так и не понял то ли Долгоруков, то ли Долгорукий, молятся и крестятся. Беккель путается, то по-лютерански, то по-православному. Волнуется, видимо. С князя на «автомате» копирует. Приезжаем — мне голову оторвать обещают втихаря. Оба. Но не мешают.

Следующий заезд проходим куда уверенней и спокойней, трассу я более-менее запомнил, и можно сосредоточиться на правильной траектории. Да и штурман работает как часы. Ну и визг помогает, в отличие от оппонентов к нам под колёса никто не бросается. Звуковой волной сдувает!

Как итог, лучшее время — 16 минут и 34 секунды. Мы, естественно, лучшие. И я тайком от всех достаиваюсь дружеского поглаживания... По коленке передач.

Почти пятьдесят километров в час, на тарантасе с пятисильным моторчиком-то! У мопеда в юности и то мощнее вроде был! Но выше нас только звезды, а круче — только яйца! Во!..

Последний день перед гонкой посвятили обкатке спидстера. Понимаю, что неправильно. Наоборот надо было, но сроки, сроки...

Обкатываем в Шушарах. Это деревенька такая, тут у Беккеля дача. Конечно, не шесть соток. Усадьба. И деревенька оказывается не простая — с историей. В Шушарах в России первая железнодорожная катастрофа произошла. Англичане поспособствовали. Точнее машинист-англичанин. Набухался и уснул за «штурвалом» паровоза...

Ночью мужики по тихому укатали машину прицепом за телегой. Накрытую тентом от сглаза... и любопытного глаза. Что-то этих «глаз» больно много последнее время вокруг клуба крутится... Особенно англоговорящих и взяточующих...

Утром поехали и мы на тарантасе. Белая кость мы или как? Правда, любопытных с хвоста «рубить» тоже пришлось. Ну, так брички не машина, лошадки устают, на поворотах скользят, дым нюхать не хотят...

Беккель за рулем прогрессирует, хотя в гонке ему однозначно не участвовать — императорскую фамилию кто будет развлекать, да и организационные моменты решать. Ну и гонщик, если честно, он хреновый...

Приехали и устроили кольцевые гонки вокруг деревни. Это в городе тепло и сыро, а за городом снежок местами лежит. Дороги подморожены, грязи нет. Машина идет хорошо, только боюсь тоже перегреть мотор. Ни датчиков, ни тахометра. Всё на слух, да на ощупь. Нужно перед гонкой хотя бы вентилятор на вал поставить — пусть принудительно обдувается.

Скорость обалденная. На прямых участках явно за сотню. И динамика отличная, и торможение, а вот устойчивость не очень — узковата получилась мечта отечественного автопрома, да и высоковата...

И ревет. Княжне приходится, напрягая связки кричать. Чтоб я услышал.

Вы пробовали на УАЗике без крыши и дверей гонять? Ощущения похожие: «сейчас, сейчас... мама, вылечу!». Ладно, я хоть за руль держусь, пассажирке вообще кайф. Улётный. В смысле, расслабилась — улетела. Недодумали, однако. Привязываться, по ходу, нужно...

Дед, как нас мотает, даже садиться отказался. Наотрез! Беккель серым приехал, а княжна кайфует, визжит на поворотах и быстрее требует. Вот адреналиновая наркоманка!

Полдня откатали, три бака топлива сожгли, у меня уже руки трястись начали. Устал — пора завершать. Вылез, ноги держать отказываются. Отстоялся, пошел с Дедом в усадьбу чаёвничать, «голубки» наши ворковать остались.

Нипочём им ни промозглая погода, ни усталость. Ладно, княжна — молодость, но и Фридриховичу, по-моему, любовь годы списала... И ума!

Только сели, глянул в окно, а там наш влюблённый «Ромео» свою «Джульетту» учить водить опять вздумал! Одну! На спорткаре!

Ловлю Дедов испуганный взгляд:

— Идиот влюблённый! — и бегом на улицу, хрен бы с ними, но и сами убьются, и машину перед гонкой утробят!

Выскочили из-за стола одновременно, Дед меня чаем обварил. Потом!

Спидстер ревет и стартует. Вижу белое лицо княжны. Дед орёт «Тормози! Тормози дура!», бесполезно! Движок без глушителя. Почти прямоток, рёв как у стартующей ракеты!

Бросаюсь наперерез, и... под визг княжны и шипение покрышек улетаю в канаву... Не успел.

Тишина. Ни криков, ни рёва. В небе облачка, на кустах — темные весенние сосули. А я в стылой яме, в луже холодной воды. И мысли: «...кто первый земли горсть бросит?.. Дед?.. Княжна?.. Беккель?..».

Повалялся и хватит, ушибленный бок болит, ободранное об кусты лицо дерёт, но это не повод валяться. Переворачиваюсь на пузо, жив вроде. На четвереньках лезу из канавы и первое, что вижу, взгляд огромных испуганных зеленых глаз. И ладошки, прижатые к ротику. Жива!

Ищу взглядом Деда, Беккеля, мужиков и не удерживаюсь от комментария:

— Женщина за рулем — это сногшибательная женщина! — под взгляд зеленых глаз продолжаю, — И взглядом может поразить, и с ног сбить...

* * *

Вампирский кусь

Пока вернулись в город — уже стемнело. Конечно же наши великосветские джентльмены повезли княжну домой, на Литейный. Ну и, судя по всему, Беккелевское величие там и заночевать намылился. С Дедом за компанию. А вот мне как-то никто ничего не предложил. Отношение к главному гонщику и минаритарному партнеру, однако, показательные, но... такова жизнь.

Я тоже не от большого ума капитально ступил. И денег с собой с утра ни копейки не взял, и чаю в Шушарах перед дорогой напузырился. Ладно, простительно. Утром понадеялся, что не бросят, а после обеда головой ушибленный был.

Самому проситься в гости к княжне как-то не по статусу и просто по-мужски стремно. Но, спрашивается, какой черт меня дернул попросить высадить на Лиговской улице? Нет чтоб хотя бы до Невского потерпеть, не лопнул бы!

Высадили и укатили. А я попрыгал, попрыгал и поскакал закоулки искать, чтоб мокрое дело сотворить. Ну и дорогу до дому срезать. По дворам идти совсем ничего вроде.

Лучше бы я прямо, например, на Невском, на глазах припозднившихся прохожих, какой-нибудь фонарный столб окропил. Думаю, меньше неприятностей было б!

А тут... да что там говорить, только нашел темный закоулок и сделал не только темным его, но и мокрым, как сзади топот раздался. Сначала подумал городской или дворник сейчас морали по морде учить будут, поэтому отскочил в тенек, подтягивая штаны, — типа, это не я, оно само! Но два проскочивших мимо моего отнорка мужика в сером рванье с блеснувшим в лунном свете ножом разом развеяли мои иллюзии о мордобитии и морали.

Нарвался на так воспеваемую Петербуржскую гопоту...

Не знаю, как в такой ситуации должен поступать героический попаданец, а я, честно, струхнул. И даже забыл, как дышать. Хорошо хоть стена дома мокрой чуть ранее успела оказаться. И намочить опять мог бы. Наверное...

Пока я отходняк ловил и крался к выходу, один из «скакунов» вернулся к входу моего тупичка. Без ножа который, но зато теперь со стволом в руке! Ну и спиной к углу устроился... значит все-таки не мимо, значит по мою душу...

Что делать!!?

Тянуть время и ждать? Надеяться на авось, что пронесет? Ага... если меня гоняют, то жди, когда дойдет по следам глянуть куда я зарулил, и всё — приплыл котенок! Вон он, злыдень, прямо по моим следам топчется, других на свежем инее еще нет...

Попытаться спрятаться в этом закутке? Так он маленький и тупиковый. Нашел, вот, себе на голову мокрый угол, скромняшка... будет тебе, щаазз, и угол мокрый и мокрое дело...

И ничего с собой! Спрашивается, на... зачем у меня во флигеле Ле Фоше где-то валяется. И засопожник под матрасом? Выживу, стволами как ежик... колючками обвешаюсь! Обещаю!

Оглядываюсь вокруг — тоже хоть шаром покати: ветки, подмерзшая грязь,

полузастывшие фекалии. Ни палки приличной, ни камня. Идеальное место сдохнуть в дерьме, а жить хочется хоть вой!

Кинуть в него какашкой? Катит? Ага... и получить в ответ пулю! Не катит!..

Пока мял булки, разглядывающий следы гопник до чего-то допер и неожиданно шагнув в мой отнорок нос к носу столкнулся со мной!

— Упс, красавчик! Попался!

В фильмах драки могут длиться часами. У меня вечность тянулось только время пока я замороженным зайцем смотрел сначала на ухмыльнувшуюся усатую рожу, а потом — на поднимающийся ствол револьвера. Дальше все понеслось вскачь. Мой рывок к руке с оружием завершился столкновением двух тел, по закону сохранения импульса и всемирного тяготения приземлившись в кучу подтаявшего дерьма.

В наказание за резвость я получаю коленом в пах и сгибаясь дугой, втыкаясь головой мужику куда-то в шею. Пытаюсь одновременно не выпустить руку с оружием, сообразить, что делать дальше и не заорать от боли, чтобы воплями не привлечь второго. В большей степени из-за последнего схлопнул раззявленный в немом вопле рот у него на шее и на автомате сжал зубы.

В ответ на это мужик надо мной рвется и дико орет, паля из револьвера в белый свет. Мне же в горло бьет что-то пузырящееся, горячее и соленое, льется по лицу, заливая глаза. А я, захлебываясь, все сильнее и сильнее сжимаю челюсти, уже догнав, что мне в очередной раз фантастически повезло и второго шанса сегодня ждать точно не стоит.

Через, кажется, целую вечность, хватка мужика слабеет и я, извернувшись и откинув его, еще слабо подрагивающего, от себя подальше на карачках стартую по Лиговской куда глаза глядят. Видимо в очередной раз под ржач Фортуны, потому что только потом, отвернув за вроде бы хрен знает какой по счету угол, понимаю, что интуитивно стартовал в противоположную сторону от того, с ножом.

Человеческий мозг очень пластичная штука — наглотавшись крови из прокушенной артерии только чуть удивляюсь отсутствию рефлексии по поводу заживо загрызенного мужика. Думать о том, опыт ли в том виной или я еду кукухой, не оставляет времени приближающиеся шаги. Выследили! Перетряхивает адреналином. Коря себя, что при поспешном бегстве не прихватил ствол, ныряю в очередную подвернувшуюся подворотню. Молясь тому, чтобы двор оказался проходным, а не очередным отнорком или так любимыми в Петербурге домами-колодцами. Пересекаться и выяснять со вторым гопником, что лучше зубы или нож нет ни сил, ни желания...

И только через час, испетляв пару районов и добравшись до дому, отмывшись от крови и дерьма, да забравшись в обнимку с револьвером и бутылкой коньяка в постель, понимаю, что меня скребло. Сразу в темноте и адреналине не обратил внимание, а сейчас понял — тонкий цитрусовый аромат женских духов, хорошие сапоги и чистые ухоженные ногти на руках моего очередного «крестника». Никак не вяжущиеся с лелеемым образом подзаборной гопоты...

* * *

Час X

Отечественный автомобиль, он как любимая женщина — всегда сверху. Вот и наш

родненький спидстер характер показывает, лежу под ним на старте, день X, а я цепь, слетевшую, натягиваю, что отнюдь не добавляет позитива и так паршивому настроению. Дед сверху вал потихоньку проворачивает. Натянул, выползаю запускать, тут какой-то умник на золоченом авто, а-ля карета с моторчиком, пытается самоутвердиться за счёт нашей княжны. Произвести впечатление на окружающих прелестниц:

— Дитя, уйдите к зрителям, к папеньке, тут опасно! Гонка это только для настоящих мужчин! — ну и грудь колесом, и ус накручивать. Под восторженные ахи окружающей стайки.

Хееерой! С девчонкой причиндалами меряться!

Но зацепил! При потенциальных конкурентках-то, да при женишке Беккеле. Княжна смурнеет и хмуро отвечает, что она не дитя, а штурман спортивного болида! На что, ожидаемо, напарывается на «геройское» продолжение и хихиканье окружающей стайки:

— Юное создание, вы хоть знаете как авто заводятся?

Княжна ожидаемо теряется. Заклюёт мне перед гонкой штурмана, потом расхлёбывает. Беккель почему-то молчит, вынужденно вмешиваюсь:

— Заводятся девушки, а двигатели запускаются! Сударь, вы б в вашу дедову карету лошадь впрягли, да трассу освободили. Она сегодня не для такой древности.

На его возмущенное кудахтанье просто газую, ревом затыкая его вопли. Пунцовеющая с моего отлупа стайка девчонок теряет интерес, чихает от выхлопа и перебегает к другой машине. К более героическим персонажам.

Умник же, потерпев словесное фиаско, да потеряв интерес девушек, морально утирается. Убирается на свой насест и, пованивая выхлопом, отползает в сторону. А я удосуживаюсь благодарного взгляда княжны и... тайком от Пауля, нежного касания кончиками пальчиков моего бедра.

Интересно, почему-то в России для мужчин вождение автомобиля, как занятие сексом? Почти каждый думает, что он умеет это лучше профессионалов?..

Колдуем над машиной. Дед доливает масло и бензин под пробку — чтоб хватило. Заливает и крепит канистры. Пит-стопов не предусмотрено — всё с собой.

Я — чуть спускаю шины. Проверено еще там, в будущем, на трассе от стартов и торможений нагреются. Лопнуть могут.

Княжна протирает стекла и нам очки. Забирает у отца и прячет под сидушку термос с горячим чаем. Почти три часа гонок в открытом авто по промозглой погоде — тот еще кайф. А я потихоньку прячу литровый пузырь спирта. Будет совсем плохо — буду как английские джентльмены писать свои правила. Бадяжить бензин спиртом. Но это совсем на крайний случай...

Беккель уносится по организационным вопросам. Это мы только экипаж, на нём вся гонка. И он сегодня в мыле...

К нам подруливает очередная разношёрстная толпа. Напрягаюсь, ожидая подвохов. Приз существенный, тут недоглядишь, и наши навороченные колёса могут проколоть, и еще что-нибудь отломать. Главное выбить конкурентов. Любой ценой.

Оказывается — пишущая братия. Интересуются машиной, удивляются, что она, охренеть, русская, а не европейская. Европейцы удивляются, на ломаном русском лопочут между собой: как так, как варвары смогли, всё лучшее в Европе, ну и в Америке... Наши поддакивают, что мол, сиволапая Россия, не конкуренты-с. Посмотрим, посмотрим...

Однако сходятся во мнении, что да... машина красива в своей необычности. Прсят

сфотографировать. Очень удивляются девушке в команде. Она единственная из участниц. Феминизм и эмансипация еще отдыхают.

— Красивый автомобиль украсит любого мужчину, — толкаю маленькую рекламу и, показывая глазами на княжну, продолжаю, — а красивая женщина украсит любой автомобиль!

Думал, пошутил. Как же! Серьезно соглашаются: очень красивая! Княжна смущается. Один интересуется:

— Кто столь милое создание? Ваша невеста? — опять вгоняя княжну в краску. Не ее пока, что день.

Ловлю яростный взгляд князя Долгорукого, но не отдаю инициативу. Нейтрально отшучиваюсь. Акулам пера рассказываю анекдот про гонку, типа журналист спрашивает гонщика-победителя:

— Как Вам удалось обойти столь опытных и именитых соперников?

— Да просто тормоза отказали...

Посмеялись и нафотографировали. Отходят... Вместе с князем. Это нам позволительно, а Долгорукому и княжеское почтение императорской семье выразить необходимо...

Ну как в России, если не три? Двух мало, поэтому следующими на прочность, нас пробуют джентльмены на шикарном спортивном Роллс-Ройсе. Накаркал. Английские джентльмены. Вылитые адмирал Нельсон и доктор Ватсон. Такие же рыжие и самоуверенные. Такие же наглые. Такие же поддатые. Один слазит, комментирует прелести княжны и бесцеремонно лезет к двигателю нашего спидстера. Приходится дать по наглым ручонкам. Бритты вылупляются и вытаскивают револьверы, ну и я с Дедом тоже курками щелкаем. Я, вставая на машине, а он собой еще успеваает княжну прикрыть.

Честно, не ожидал ни от него, ни от себя. После тест-драйва, вообще нехорошо о Деде думал. Ошибался, однако. Да и себя я последнее время не узнаю, как-то безрассудно веду. Безбашенно. То ли воздух другой, то ли постоянный адреналин в крови, то ли княжна своими мимолетными касаниями голову кружит...

Спасает положение появление еще одной юной особы, с группой поддержки в железных шапочках. Перед этой особой моя княжна и англичане склоняются в поклоне.

Седовласый дядька с усами а-ля Черномор этой группы поддержки шепотом рявкает на английском:

— If I see the guns again, I'll rot! (Увижу снова оружие — сгною!)

Почему-то я ему верю, англичане — тоже. Осторожно прячем стволы. Глядя в спину, повернувшегося седого, главный бритт тыкает пальцем на меня и проводит рукой по шее. Однако, однозначный жест всех миров и народов.

Смурнею, но, решаю всё же последнее слово оставить за собой. И британам не стоит слабость показывать, и, главное, красивая девушка смотрит! Небрежно кидаю:

— Hey, mister, don't drive faster than your guardian angel flies! (Эй ты, не едь быстрее, чем летает твой ангел-хранитель!) — и киваю на удаляющуюся юную особу.

Фразой я опять сделал аншлаг, вылупились на меня все: Дед — как на заговорившую лошадь, княжна — как на зачарованного принца, бритты — как на укусившую палку. Даже седой в железной шапочке обернулся:

— А... он что ещё и разговаривает? — и удосужился ошарашенного пожатия плечами от Деда. Ничего себе — значит умная обезьянка? Мой рейтинг, оказывается, в знающих кругах царской охраны миноритарен ниже некуда. Ниже стоимости моего пакета акций...

Шипящие бриты, отваливают чуть в сторону. Понаживал я сегодня врагов на всю оставшуюся жизнь. Недолгую.

* * *

Тапок в пол

Вот и всё. На старте. 52 автомобиля и 4 локомобиля у черты. Каждый у своей, согласно жеребьевке. Мы во второй линии. Не очень удачно, но не страшно. Главное не влететь в завал на старте. Остальное отыграем на трассе. Правило одно — правил и ограничений нет, победитель получает все!

Напоследок прошу княжну снять сережки и спрятать под шапочку свою рыжую гриву. Если кувыркнемся, чтоб не зацепились и не намотались... а то были прецеденты в истории. Например, Айседора Дункан, Есенина, которая...

Реальных конкурентов семеро: двое именитых французов, демонический бельгиец, американец на Кадиллаке, наши знакомцы бритты на Ролсе, немец и, как ни странно, наши оппоненты — финны, точнее финн, на локобиле. Тоже припасли туз в рукаве... жизнь!

Смешно? А мне нет! У них паровая машина на полторы сотни лошадей мощнее нашей! И хрен с ней, что на угле и тяжелая. КамАЗ тоже тяжелый, но на Дакаре его хрен догонишь, а тут почти вся трасса из прямых участков. А у них еще и передний привод!

Гимназистки в беленьких шубках с флагами на линии. Горячие головы газуют, дергаются. Красивые женщины, дорогие машины и богатые мужчины. И через сотню лет ничего не изменится...

Отмашка! Старт! На первой линии справа завал. Машин пять-шесть сцепились в клубок. Оптимус Прайм. Отъездились.

Но Сенатская площадь позволяет спокойно объехать неудачников и нырнуть на Галерную. Понеслись...

Ощущения от постоянного движения «газ в пол — тормоз в пол» очень специфичные. Первый круг иду очень осторожно, пытаюсь примерно запомнить, когда и где тормозить, где ускоряться, чтобы остаться на трассе, затем пробую ехать во всю ширину проспектов. Подстраиваюсь под спидстер.

Большая часть гонщиков не могут выжать из своих боевых колесниц и полусотни. Но обогнать их та еще проблема: их непредсказуемо болтает и вихляет. Кто-то целенаправленно пытается подрезать, не пропустить. Кто-то не может справиться с управлением. Кто-то откровенно боится и шарахается от каждой машины.

На повороте на Загородный проспект грома разбитого, переломанного деревянного хлама с колесами. И рыдающий паренёк, что вначале посвящал гонку своей возлюбленной. Романтичный, влюбленный юнец...

По началу, очень сложно ориентироваться. Тарантайка другая, и скорости на ней другие. Не сопоставимые. Страшно перед поворотами, страшно, когда обгоняю, страшно, когда машина кренится. Но круг за кругом это чувство притупляется и к третьему кругу появляется желание гнать быстрее.

У Царскосельского вокзала вмятый в стену автомобиль Красного дьявола. И толпа суесящихся людей. Жаль Женатци...

Проносимся дальше.

На длинной прямой скорость явно больше сотни, и резким торможением в пол перед Невским сбрасывается до 30–40, чтобы войти в поворот. Никакого дрифта, никаких заносов. Только управляемо. В полном контроле.

Пролетая по Невскому, вижу еще одну жертву гонки. Локомотив финнов покореженной глыбой парит под Аничковым мостом. Похоже трупы. Как же вы так, на прямой-то? Жалко. Кровавым сияние получается...

На пятом круге, на повороте с Вознесенского на Садовую догоняю британцев... И получаю дырку в лобовом! На автомате по гонкам GTA оттормаживаю, рву дистанцию.

Оглядываюсь на княжну. Глаза дикие, испуганные, губа закушена до крови, но вроде цела.

За ревом движков выстрелов никто не услышит. Ни я, ни зрители. Да и пули в смятом железе и переломанных телах никто искать не будет, не сообразят. Джентльмены меняют правила... Крысы!

«Ватсон» стреляет и стреляет. Жду, кидаю машину из стороны в сторону. Пат. Обгонять нельзя — получим дырки. Не совместимые с жизнью. Страшно за княжну. Танечку. Николаевну...

Не обгонять? Беккелю и Деду тогда здесь точно не жить... Подарить победу? Княжна другого жениха найдет...

Вспоминаю вмятую в стену Красную комету. Перевернутый, раскиданный на спуске Анничкого моста финский локомотив. И изломанные тела. Теперь понятно. Не уступили джентльменам...

Не обгонять, подарить победу? Крысиные гонки имеют тот недостаток, что победа достается крысам. А я не крыса. И княжна не крыса! И русские гонки не будут крысиными! Не хватает маршалов гонок. Сам виноват — не додумал. Самому и исправлять.

Прижимаю головку княжны к низу, к своим коленям, успокаивающе улыбаюсь её испуганным глазам и выжимаю полный газ. Судьба гонки и жизни, как правило, решается на её виражах или на мостах. Вот на Обуховском мосту и играю в русскую рулетку.

Брит стреляет. Еле заметные облачка дыма. Раз, второй. Поворачивается. Патроны кончились что ли? Я догоняю. Догоняю справа, прикрывая княжну собой. Дед быстро своим примером научил...

И, оттормаживая, чуть цепляю и бью заднее правое колесо Ролса. Тысячи раз отработанный финт в компьютерных гонках, там в будущем...

Ролс заносит, и уносит передо мной. Тяжелая машина проламывает ограду моста и ныряет вниз, впечатывается в бык опоры, переворачивается и плюхается в Фонтанку.

Уходя по Московскому проспекту, оглядываюсь. Черная вода и расплзающееся масляное пятно. Всплывших нет. Чисто.

Чем ближе к смерти, тем острее чувствуешь жизнь. Тем больше и в тебе жизни. Тем больше желание продолжить род. Или это Танечкино жаркое дыхание?..

С легким сожалением отпускаю головку княжны. Ловлю ее недоумевающей, испуганный взгляд. Жива. Наивное, чистое дитя. Выпрямляется, оглядывается, ища британцев. Вижу, приходит понимание, но молчит. Сказочная женщина!

У клуба притормаживаю и киваю ей головой: «Слезешь?». Отрицательно машет головой: «Продолжаем!». Газую...

Завершая седьмой круг, делаю не запланированную короткую остановку. Дед и князь бросаются к машине. За ними бегут наши мастеровые. Дед, молча, мотает мне головой на

пробоины, киваю в ответ. Понимает без слов, тянет из кармана фляжку и начинает отпаивать горячим чаем и коньяком, стучащую зубами, княжну. Только б не развезло. Одному стократ сложнее.

У подбежавшего Долгорукого квадратные глаза от вида пулевых пробоин. Пытается стащить дочь, но та зло отталкивает руки. «Русские своих не бросают». Князь обалдевше отступает. Он, что думал, что дочь на сказку отпускал?

Только дилетанты думают, что гонки — это очень романтично. Во время езды не должно быть ничего, кроме машины и гонщика. Хоть пилота, хоть штурмана. Третьим может быть только опасность, вернее, всё прочее приносит опасность. И даже пулевая стрельба только одна из них. Неприятная, неожиданная, но не единственная.

Пока мы отогреваемся и бодаемся, мастеровые доливают бензин и масло. Захар, ныряя под машину, подтягивает цепь, смазывает ступицы. Шипит, обжигаясь.

Прискакавшему Беккелю пофиг на пробоины. Пофиг на усталость. У него проблемка поважнее — тотализатор.

— Сергеич, ставки до небес! Все как с ума сошли!

— Угу...

— Ты обязан выиграть!!!

— Мы, — поправляю, но не слышит, по-моему, — Кто впереди?

— Сам Николай на вас ставку сделал! — закашливается.

— Ценю... — отхлёбываю чай, — Кто впереди? — я устал, выжат уже. Адреналина почти нет. Схлынул после бриттов. Мне почти всё равно. Передоз эмоций за последние дни.

— Ты не понял. Он на тебя пять миллионов поставил! ПЯТЬ, Сергеич!

Отхлёбываю еще сладкий глоток чая, наслаждаюсь теплом. Видимо поэтому не сразу доходит. Пять миллионов? Он, что сдурел!?

— Фон Вале уверен в вашей победе...

— Он, что эксперт!? — моему охрененью нет предела: в империи нет денег, война на дальнем востоке опять какая-то, все газеты о срыве заграничных займов пестрят, а царь играючи пять миллионов выбрасывает. На шоу... — Вале, что эксперт!?

— Он жандарм...

Твою ж... Понятно. Победа или смерть... Эксперт значит.

Лучше б дворец себе царь новый купил. Или завод... Печатных слов нет, одни маты. Еле успеваю домыслить и заменить первую букву:

— Чудаки... — за исходное произношение можно на Колыму прогуляться и даже дальше.

— Впереди два француза. Паннар и Леметр. Остальных вы сделали... — настроение Беккеля скачет как на горках: то возбуждение, то депрессия, то снова возбуждение, — Они нигде не останавливались.

— Ага, и мы уже под сотню километров намотали. Сколько у них в баках?

— Не знаю... Ставки, Сергеич, один к двум. На Паннара. На тебя за Николаем весь двор поставил.

Вообще-то мне всё равно. Это не моя игра. Ни Беккелю, ни Деду я, по-хорошему, ничего не должен. Их игрища и их желания, но натыкаюсь на умоляющий взгляд княжны: «Ты — должен! Ты — можешь!»... Обжигает мысль, что с княжной после гонок будет? За такие деньги и отец её не отмажет.

Что-то ёкает. Стартуем...

Вылетая на Владимирский проспект, обхожу Мерседес Леметра. Жорж пытается подрезать, отбиваться, но его машина дымит и, похоже, отъездила. Отстает.

На конце восьмого круга у Зимнего цепляю Паннара. Нагоняем. Вдвоем. Я и Таня. Мы одно существо. С одной целью — обогнать. Другого не существует. Усталость сжимает вселенную только до одной мысли.

Но Луи-Рене не зря лучший гонщик планеты. Чемпион прошлого года. У меня опыт компьютерных гонок, привычка к скорости и знания. У него — талант и более мощный мотор. Увидев опасность своему титулу, он добавляет и я бессилён.

Как бы я не атаковал, как бы не резал углы, на прямых участках он отрывается. На поворотах мы отгрызаем, вырываем эти метры, снова садимся на заднее колесо его Левассора. До следующего прямого участка...

И снова удаляющаяся корма Паннар-Левассора...

Остальных мы сделали. Не конкуренты. Последним из серьезных конкурентов обошли американца на Кадиллаке. Уже на круг.

Ждал сюрпризов, но янки приятно удивил. Просто пропустил, уступая дорогу. И побибикал.

Финальный, десятый круг. Вдоль трассы разбитые и сломанные машины. И лица, лица, лица...

Вылетая с на Обуховский, чуть торможу. И Паннар притормаживает. На мосту теперь нет сегмента ограждения. Чуть зацепи, и противник улетит. И мы и Паннар это понимаем. Но мы не крысы, честь дорожке.

Царскосельский вокзал... Владимирский... Невский... Аничков мост... Пассаж...

Отстаем. И ничего я поделывать не могу. Паннар поймал кураж. Спидстер проигрывает и в скорости, и в устойчивости. И так без опыта мы чудо сотворили.

У Дворцового проезда отстаю уже на пару корпусов. Полверсты до финиша. Провал!

На повороте на Адмиралтейскую делаю последнюю попытку атаки. Вхожу с заносом, почти без торможения, отжимая француза на внешний радиус, к реке. Если не удержу — купаться нам всем в холодной Неве. Удерживаю и француз уступает, вырываюсь на полкорпуса вперед!

Адмиралтейская набережная. 600 метров до финиша... Время стоит... Секунда — Левансор наползает.

5 секунд — колеса француза вылезают из-за коленок княжны... 10 секунд — капот закрывает Неву... 15 секунд — я вижу горящие глаза француза... Финиш!

Глава 8

Разгребая результаты

Великосветский узелок

Пролетаем черту. С шелковой красной финишной лентой намертво какими-то дурнями привязанной к столбам. Лентой, окончательно ломающей нам пробитое лобовое стекло. Опять не додумали, а если по шее, а если стёкла в лицо...

Ни я, ни Луи-Рене не рискуем войти в поворот на Галерную. Сил нет ни на понты, ни на дрифт, ни на элементарное торможение. Так и выкатываемся, гасим скорость по Адмиралтейской набережной. Французы останавливаются чуть раньше, их авто явно тяжелее.

Люди бегут за нами, что-то кричат. Подбегают к французам, тащат их из машины, хлопают по плечам, обнимают, поздравляют, начинают качать. Победили.

К нам тоже бегут, впереди несётся князь Долгоруков, сверкая посеребренной шевелюрой. А еще говорят майоры не бегают... типа это в мирное время вызывает смех, а в военное — панику.

Вот вы видели бегущего князя? Нет, а я — видел! Подбегает, обнимает, целует дочь, как насадка прикрывает своим телом. Запыхавшийся, чуть отставший Дед, прикрывает княжну от толпы с другой стороны. Бегают медленно, но соображает однако быстро. Правильно, княжне только сейчас летать с развевающейся юбкой сверкая кружевными панталончиками для полного личного счастья не хватает.

Вспышки фотокамер. Набегающие люди, кричат, улыбаются, хлопают, окружают авто кольцом. Но после рева движка всё звуки доносятся как через вату. Меня дергают, хлопают, тянут, а я не могу отпустить руль, разжать руки. Пальцы свело. В конце концов, с выданным с мясом, но так и не выпущенным рулем начинают как и французов кидать вверх. Раз, второй, стучаюсь обо что-то головой, из глаз искры, сознание плывёт. С каждым взлетом стартую всё выше, кажется, сейчас от усердия запустят в космос... или уронят в Неву. Паникую, пытаюсь орать, но тщетно!

После очередного стука моей головой об что-то железное приземляюсь уже в руки бойцов в стальных шапочках. Лейб-гвардия чуть опоздала, но седоусый дядька Черномор железной рукой наводит порядок.

— Жив? — Седоусый легонько трясет за плечо, пытаюсь вернуть сознание на грешную землю.

Киваю. Вроде еще да. Бойцы аккуратно опускают на землю, кто-то укрывает теплым пледом, кто-то из вояк опять безуспешно пытается забрать руль. Сквозь кольцо гвардейцев бесцеремонно ввинчивается Дед, оттесняя какого-то совсем еще безусого паренька, хлопает по плечу, поздравляет, тоже тянет руль.

— Да отдай ты уже, чего вцепился? — смеется счастливый Данилыч. — посмейся, посмейся, пока адреналин гонки бурлит. Что скажешь про царские миллионы, где они, кто их вернет?

— Нне могу... Пальцы свело.

Дед хмыкает, но вроде понимает и начинает осторожно, по одному разгибать мои пальцы. Отбирает эту баранку. Вот все же интересные люди: как приспичит — людьми

становятся, а чуть отпустит, думаю, опять через губу слова цедить будут.

Отобрав руль меня уводят к палаткам, наконец-то поят горячим чаем с коньяком, позволяют отогреться.

Прибежавший от Беккеля, Захар обломав всем счастье поведал, что учредительный комитет гонок в трудном положении. Мой последний рывок не прошел даром и финишировали мы с Панаром несмотря на все его потуги, как говорится, ноздря в ноздю. А там ставки! Да еще какие!

Мертвых еще не утащили с трассы. Гонка еще продолжается, последним из неудачников еще круги нарезать и нарезать, только кому они уже интересны. А «Северное сияние» сияет — тут интрига — кто первый!? Множество знатных фамилий и великих родов уже в глотки друг другу вцепиться готовы. Доставились, доигрались и никто не готов уступать. Каждый свою правоту чувствует. Ну деньги уплывают мимо носа, мимо кармана. Уже почти свои деньги. У многих очень не маленькие деньги.

Разогрели мы высший свет...

Фотофиниша само собой тут еще нет... Я не присвоил, другие еще не придумали. «Все наши правы!» и «все не наши... не правы, короче!», жандармы и лейб-гвардия пока сдерживают позывы к мордобою, выяснению кто прав силой. Но толпа кипит, подогревая себя.

Дед умотал к Беккеру, учредитель ведь тоже. Князь Долгоруков наоборот протолкался к нам, теща испуганную дочь за собой. В кружок лейб-гвардии. Протолкался и выдохнул:

— Заварили кашу... Тут хоть безопаснее... — и оглянувшись на бурлящую, кричащую вокруг толпу тихо выдохнул, — Как бы палить не начали...

Пожимаю плечами, что тут сказать? Свет он знает лучше меня.

— У тебя оружие есть? — князь явно обеспокоен.

— Только ЛеФоше, — тайком показываю ему свой револьвер, незачем сейчас оружием светить, — и пять патронов.

— Не густо, а я пустой... думал на праздник едем. — Долгоруков кривится, оглядывает кипящее людское море, наклоняется ко мне и еле слышно шепчет, — Прошу, дочку прикрой если что...

— Тоже не на войну собирался, — и, молча, киваю на его вопрошающий взгляд. Что тут говорить.

Еще раз оглядываюсь, такой же как и у нас кружок «железноголовых» оберегает французов от «счастливого» высшего света.

Залезший на постамент к Петру усатый дядька из распорядителей гонок в рупор кричит, что результаты будут объявлены после финиша последнего участника, типа этикет русских гонок. Сообщение недовольно воспринимается толпой, но тут и там, раздаются голоса об уважении ко всем участникам гонок, что чуть снижает воинственный накал.

Только сразу появляются подпольные тотализаторы, вокруг уже бьются в заклад, кому присудят победу. Опять в лидерах французы, кто же на Руси своей бабе победу отдаст?

— Комитет тянет время, — шепчет князь Долгоруков, — надеются, что замерзнут и успокоятся? Не похоже на императора... что-то ещё стряслось...

Ждем. Между тем по одному, по два финишируют остальные участники гонок, приближая неминуемую развязку. Завязали мы с этим тотализатором гордиев узелок. Хрен разрубись, завтра пол Петербурга схлестнется.

Через толпу к нам пылит под охраной двух дюжих жандармов Беккель. Лейб-гвардейцы

кривятся такому соседству, не почину, но пропускают.

Оказывается, все проблемы тотализатора высшего света ерунда. Главное другое, главное — разлад среди царствующих особ. Герцог Отрандский, по примеру своего русского визави, на последнем круге гонки тоже решил подзаработать. Жадность, пардон, деловая хватка, выиграла. Видя отрыв Панар-Левассора, взял, да и бахнул два миллиона франков на победу французов. Надежное, так сказать, вложение капитала сделал. Подоил бы своего русского собрата, если б не мои финты.

Какая вожжа под хвост попала Фридриху Австрийскому никто не знает, но в пику французам на нас с княжной он тоже два миллиона марок поставил. На вторых-то в гонке! Да ещё и не фаворитов. Чем вот думал?

Что, как думаете, оставалось бедной британской девочке, принцессе Дармштадской? Показать, что бритты австронемцев испугались? Что у них в империи где не заходит солнце деньги кончились? Что французов один на один с русско-австрийским союзом бросили? Даже вопреки русским корням и немецкой бабке? Политика понеслась вперед здравомыслия, и юная принцесса, несмотря на уговоры, подкинула маслица в огонь — миллион фунтов стерлингов.

— А сейчас четыре коронованные фамилии свои денежки ждут, — от кисло-растерянной физиономии Беккеля, можно заработать оскомину, — фон Вале волосы на себе на... — Беккель вовремя затыкается, испуганно оглядывается, и уже не так экспрессивно продолжает. — рвет и меня клянёт на чем свет стоит. Ну и прошение на отставку пишет, — вздыхает и грустно продолжает, — и даже царевич Михаил не знает, что делать. Ушел к Дурново советоваться...

Кто-то из лейб-гвардейцев не выдерживает, возмущается: «Забрать себе, всех делов-то! Лягушатники продули, тут и ежу ясно! Лента-то на нашей машине! Вон сколько народу это кричит!».

Беккель психует, поворачивается к говоруну и шипит:

— Кредиты французские потом... — но, оглядываясь на жандармов и княжну, опять комкает фразу, сдерживается, — этой лентой накроются! Это в лучшем случае... — про войну тоже не договаривает. С бриттами. Которым сейчас Россия как кость в горле. Но и я, и князь, да и многие из неглупых гвардейцев, понимают, смурнеют. — Да и вон, половина кричит — француз выиграл!

— Ну тогда пусть французы выиграют, проблем-то, — дает очередной дельный совет говорливая «железная» шапочка, что окончательно выводит Беккера из себя.

— Скажи это министру финансов, он за просранный годовой бюджет тебе... — под скрежет вытягиваемой из ножен сабли Пауль Фридрихович все же снова находит в себе силы замолчать и «проглотить» фразу. Не его день сегодня, не его. Сабля под холодным взглядом седоусого тоже плюхается в ножны...

Вот и поигрались, называется, правящие фамилии. Развлеклись. Как бы теперь русская автогонка не вылилась в образование франко-британского военного союза против русско-австрийского конгломерата. И континентальную войну всех против России. Уступить сейчас, что тем, что другим — потерять и лицо, и очень приличные деньги.

И так не очень теплые отношения России и Британии на очередной кризисной точке. Чуть переполнится чаша — будет война. И кажется, та капля буду я. Ну и нашей кампании это, однозначно, припомнят. Припомнят при любом раскладе.

Невеста

«Железная» шапочка сегодня в ударе, походив, вокруг он толкает нашего Фридриховича и с умным видом выдает:

— Ну и чего тут думать? Объявить обоих гонщиков победителями, — оглядывается на княжну, чешет железный лоб и задумчиво тянет, — ну и княжну тоже!

Беккель устало смотрит на «эксперта» мировой политики, обречённо машет рукой. Однако от отвязаться у Беккеля от нравоучений не получается.

— Шикарная дивчина! — продолжает вояка, — Повезло же ему... — и, кивая на меня, завистливо причмокивает.

Несмотря на глобальные проблемы, Беккель от такого наглого увода невесты всё же «просыпается» и ехидно-озабоченно-удивленно интересуется:

— И чем же ему повезло?

— Ну так! Таакая невеста! Красивая, боевая, богатая! — завистливо оглядывается на Долгорукову, снова причмокивает от восхищения и выдает очередной шедевр, — после результатов гонки о помолвке объявят! Сам слышал!

Князь Долгоруков хрюкает от неожиданности, а вот Беккель не знает, что делать. Стоит и переводит охреневший взгляд с меня на княжну. И рот, как выброшенная на берег рыба, открывает-закрывает. Открывает, силится что-то сказать, и снова закрывает.

Меня, как князя, кажется, сейчас пробьёт на ржач. Только мне смеяться нельзя, Беккель и так от постоянных стрессов туго соображает, а тут или инфаркт со мной схлопочет, либо придушит как Отелло... Прямо на глазах «Дездемоны» и гвардейцев.

Надо спасать ситуацию. Шагаю вперед, но не успеваю. Белый Беккель возмущенно кричит гвардейцу:

— Она моя невеста! Моя! Понял! Моя! — ещё чуть и будет брызгать слюной и пальцем в грудь гвардейцу тыкать. Достали мужика. Нашел, ё-моё, с кем спорить.

— Тююю... — гвардеец осматривает его с ног до головы, как букашку и выдает, — ты себя-то видел в зеркало? Кто она и кто ты...

— Да я... Да ты... Да он!

— Он вот герой! — отрезает железная шапочка, — Гонку выиграл! — гвардеец, приняв сдавленное хрюканье уже обоих Долгоруких за поддержку своей правоты, выдает, — Ты видел, как он легушатников на последнем повороте обошёл?! Вот! А мы видели! Сердце, ей Богу, в пятки ушло! Думали, в Неву улетят, утопнут! Ты б так смог? То-то!

Княжна уже смеется в голос, князь, красный как рак, подпрыгивает на месте и что-то мычит. Гвардейцы и жандармы лыбятся в усы. На Беккеля жалко смотреть, на нём такой политический груз, а тут еще и непробиваемому «умнику» в толпе доказывать кто жених, а кто невеста.

Пора прекращать этот балаган, хлопаю Фридриховича по плечу.

— Да шутит он, успокойся, — и, оглядываясь на гвардейцев, вдруг ловлю озарение, — слушай, а он же гений! Что в тотализаторе по поводу разделить победу? Разделить приз? А это же выход! Хрен с ним, никто не выиграет по-крупному, но ведь никого же не обделят, никого не обидят!

Беккелю требуется еще секунд десять, чтобы переключиться с «невесты» и оценить

грандиозную простоту высказанной идеи. Доходит. Его уносит, походу чуть не снося нескольких гвардейцев.

Жандармы стартуют за ним, придерживая шашки. То ли охрана, то ли конвой, чтоб не сбежал. Вот и думай...

— Чего это он? — «железная» шапочка похоже так и не понял, не успел догнать.

— Свадьбу побежал к царю требовать отменить, — шучу я.

— А чего её императору отменять-то? Княжна чай не дура, — оглядывается на княжну, ловит насмешливый взгляд, но ничуть не смущается, подкручивает ус и готов продолжать...

— Ермоленко, хватит болтать! Охраняй лучше! — не выдерживает подошедший седоусый.

— Машину, вон, какую создал, все говорят... И ещё создаст! — гнёт свою линию гвардеец, отходя и чуть понижая голос, — гонку вон выиграл... да и советоваться этот хлыщ вон к нему бегают...

Я отхожу чуть в сторонку, хватит на сегодня мне приключений. Из этих-то как бы выбраться...

Где-то через полчаса гонщиков зовут к императорскому столу и учредительному комитету. Объявлять результаты гонки.

— Ну что, жених, проводи невестушку до Императора, должны же мы приз получить, — смеётся княжна, беря меня за руку.

Под смешки гвардейцев выгибаю руку и натываюсь на задумчивый взгляд князя Долгорукова.

* * *

Чек и поцелуй

Награждение как награждение. Только ни подиума с местами, ни обливания шампанским. Недодумали, да и холодно, однако.

А так все чинно, торжественно. Мы с французами решением учредительного комитета делим первое место — явили чудо народу, пришли вместе, второе место досталось тоже французам — экипажу Жоржа Леметра, ну а третье ожидаемо взял американец. При выбывшем Камиле Женатци не удивительно.

Даже приз нам решили на два экипажа не делить, каждый получил по заветной бумажечке в сто пятьдесят тысяч. Комитет из своих доходов решил не скупиться — выделил. И создал прецедент на будущее...

На вручение я к царю княжну вытолкнул. Ну не люблю я с мужиками целоваться, не люблю. А Танечка Николаевна после вручения чека, цветов и царского тоекратного поцелуя в щечки покраснелась аки алая роза. Красавица!

Правда, Николай, когда вручал, немножко прихреневшим выглядел. С его-то «щедрым» подарочком в десять тысяч на русское суперавто, наш приз его, похоже, откровенно сумой озадачил.

Да и второе-третье места с новенькими автомобилями от Фиат и Мерседес многих размахом в ступор вбили. И царя в том числе. Пробрало, на фоне таких призов, его чек на развитие отечественного автопрома как издёвкой теперь выглядел. Издевкой над своей жадностью. И это, похоже, он нам тоже не забудет...

Ну а потом, что потом. Естественно, и бал, и банкет. Естественно, в Зимнем. И я на нем оказался в идиотском положении.

У всех наряды. У мужской части — откуда-то и черные фраки, и мундиры нашлись. И куча орденов. У прекрасных половинок — платья. А меня вот предупредить о дресс-коде забыли, или нарочно, или специально.

Думал, даже не пустят, ага, как же, отечественного чемпиона-то. С кислыми мордами лиц охраны, но пустили.

Мой костюмчик с красной жилеткой в крупную клетку и черные узкие штаны в хромовые сапоги, а ля Шон Коннори из третьего горца, конечно, стильны. Фантастически стильны. Мне б еще его бородку... Но... клетчатая ворона в стае хищных императорских пингвинов смотрелась бы органичнее. Или попугаев.

Осталось только задрать нос и айсберг изображать.

Через час новая напасть. Николай похоже на радостях от несостоявшейся войны перебрал и уже третий раз подходил к Долгорукой. Благодарить и целовать. Да так что у княжны голова «разболелась». А папа-князь и Беккель даже отлучиться не могут — и «неприлично» одному, и «дела» другому.

У Пауля после неожиданно свалившегося от царя на шею какого-то ордена в бриллиантах аудиенция одна за другой у дядек императора. То его мечту — Петербургский автомобильный клуб вызывают обсуждать. Да еще под эгидой императорского дома. То развитие отечественного автопрома, то финансы учредительного комитета считать. Он даже далеко от их императорского кабинета отойти не успеваает, обратно дергают.

Пьют и обсуждают. Не лопнул бы будущий наш рогоносец... Третий забег пытается к заветным комнатам совершить. Перехватывают...

Князь тоже попал в оборот, его как главу богатого рода, да еще активно привлеченного к гонкам, привлекли к развитию программы двигателестроения. Пилить бюджет. Такое сладкое слово. Такое заманчивое и многообещающее. Отлучишься, и царь потом не простит и другие сразу от финансов ототрут...

Дед куда-то пропал, то ли красотки дворцовые похитили, то ли зеленому змию схватку проиграл...

Короче, у княжны Долгорукой задача: есть юная княжна со слетевшим с «тормозов» царем, есть куча народа — валить надо, а везти домой девушку некому. Все заняты, у всех дел выше крыши. И ссат-с! Хоть одной по ночному городу домой отправляйся, на радость злодеям, грабителям и царствующим озабоченным насильникам. И сплетням.

Ну а я что? Я не занят. Ни связей, ни задач. От денег, естественно, оттерли. К делам, естественно, пока не припахали. Мимо ордена тоже пролетел. Поглазели и оставили пока в покое. Дамы пожамкали, потрогали, одна старушенция даже ниже пояса помяла. Видимо не понравилось — не той степени жесткости, хвала всем! Помяла, сморщилась и учапала в пространство. Потанцевать попробовали. Признали воняющим бензином, хоть и брутальным, но малоперспективным. Обозвали: одни — занудой, другие — молчуном, третьи, самые юные, — стариком. И отстали от игрушки. Надоела пока. Поэтому свободен как вольный ветер. Прикинул: царю не должен, ко мне его претензии будут тоже смехотворны — обязали-с меня и всё, кто я и кто княжна — да и жалко напарницу. Вот я и согласился проводить. Как напарник и друг.

Усадил. Машину, конечно, не взял, не с рёвом нашего движка девушку с «мигренью» домой везти. Хотя от погони уходить было бы самое то. Но не пустили б Долгорукую к

машине. Двуколку вытряс со смирной лошадкой. Для себя. Вправо вожжи тянешь — вправо идет, влево — влево идет, обе тянешь — останавливается. Типа тормоз включается.

Выйхал и у крыльца, как и договаривались, вышедшую подышать княжну перехватил. «Нооо!» И повез пока все от наглости зевали. Под старт охраны в Зимний за консультациями я вывернул на Адмиралтейскую — дальше едешь ближе будешь. Ищите...

Погода фантастическая, как на заказ. Легкий ветерок гонит по светлеющему небу черные, набрякшие облака. Лошадка цокает копытами, неторопливо труся по Невскому. Ночь и фонари. В меру тепло и загадочно. Ну и темнота друг влюбленных.

В такую ночь только невинным девушкам признания делать и коварно совращать. Ну, или соблазнять. Это в меру их опытности. Только нельзя. Слишком разные мы в положениях в обществе. Слишком строгое общество. Патриархальное, слишком требовательное к женщинам. Сломать девчонке всё могу. Ну и мне прилетит — на всю оставшуюся короткую жизнь хватит, если и не копнут кто и откуда я. Проще мне нужно быть. Проще. Подальше от вершин власти валить надо, а я высунулся по самое не балуйся.

Да и «мигрень» у нее, шучу над собой...

— Иван Сергеич, давайте по городу немножко поездим? Просто покатаемся... Такая замечательная погода... голове легче становится... Не хочу домой, — и глазами на меня так хлоп-хлоп.

Наверное, «выхлопом» надышалась, смеясь оправдываюсь перед собой. Пусть продышится свежим воздухом, может, и правда, голова пройдет.

Ну и желание женщины закон, а красивой женщины — еще и приятный закон. Я сыт и рядом бок юная очаровательная красавица греет, за руку обхватила, прижалась доверчиво. Что еще нужно нормальному мужчине, если рукам и мыслям волю нельзя не давать?

Нужно уметь не молчать.

Это когда ты юн и неопытен, ты скучный, зажатый собеседник. И теряешься в компании противоположного пола. Вся харизма к нахрапу сходит. Когда же у тебя за плечами полжизни поточных аудиторий и вереница студенток-третьекурсниц, то умение держать интерес уже в кровь впитывается, прирастает.

Вот мы с княжной и ездим бесцельно по ночному городу. Ненавязчиво развлекаю Танечку рассказами про фонари и машины, про Луну и звезды, про историю мира рассказываю немножко, ну и смешные истории из прошлой жизни, конечно. Ну и слушаю ее естественно, внимательно слушаю. Все женщины любят, когда их слушают и, самое главное, слышат...

Проезжая Фонтанку, вспоминаю когда-то слышанные куплеты:

Там, где Крюков канал

И Фонтанка река,

Словно брат и сестра, обнимаются,

От зари до зари

Там горят фонари,

Вереницей студенты шатаются.

Они горькую пьют,

Они песни поют,

И еще кое-чем занимаются.

Танечка Николаевна замирает, но потом трется щечкой о мое плечо...

— Как красиво... Вы настоящий поэт...

У дверей парадной княжна оборачивается ко мне. Я замираю на ступеньку чуть ниже, эта разница делает нас одинакового роста, и я люблюсь отражением фонарей в её глазищах.

— Спасибо тебе за победу... — шепчет княжна и целует меня в губы, — и за вечер!

Длинным, многообещающим и совсем не дружеским поцелуем.

Дамы и господа, продолжение завтра!) Не скупитесь на лайки)

Глава 9

Дела финансовые

Интерлюдия третья — Где-то там высоко...

— Николая, да успокойся, сядь! — смотря за мечущимся по кабинету собеседником, развалившийся в кресле крупный лысеющий мужчина закинул ногу на ногу и пригубил вина. — Никуда не денется от тебя эта княжна!

— Успокойся!? Да этот Беккелевский выкормыш вообще охренел! У МЕНЯ!.. МЕНЯ бабу из под носа увел! И где???. В Зимнем!

— Ну и что? — крупный лениво пожал плечами. — Последняя у тебя что ли?

— Братик, вы там вообще? Серго с Андреем у меня Матильду отбили, уступил и простил! Осмелели? Думаете Николая зубы потерял!? Да? Теперь и этот плебей посмел увезти прямо из под носа! Да я его...

— И молодец, что посмел! Ты был слишком пьян и назойлив... Узнала бы твоя Аликс... или ты ее все-таки в монастырь решил спровадить?

— А...Очумел? — взъерошив волосы, русский тоже не мелкий мужчина с явно прослеживаемыми чертами семейного сходства со своим собеседником плюхнулся на диванчик. — Да я... Да мы... И что ты предлагаешь делать?

— Успокойся! А так герой увез княжну. Беккель с «носом», точнее с «рогами». Твоя ненаглядная Аликс и, что важно, Свет кости ему и ей, а не тебе по углам моют!

— Но... но я ее хочу! И вообще этот плебей... — русский, не совладав со своими эмоциями, снова вскочил.

— Как ты себе это представляешь? Хотя... — крупный пригладил усики. — хотя, кто тебе мешает? Пригласи на бал их с Беккелем...

— Этого!? ЭТОГО!?

— Дурак, княжну!

— А...

— Что «А...»? Тебе как бал устроить рассказать? Сядь, я сказал! По «Северному сиянию» и устрой! Кстати и гонщика пригласи...

— Миша, ты издеваешься?

— Нет. Советую. Чтобы ты глупцом снова не выглядел.

— Он же ее опять увезет...

— Ну и отлично, Беккель его тогда сам забодает. И Долгорукая, спасая жениха, сама к тебе упадет! — крупный смеется. — Николая, ты ж помилуешь ее жениха?

— А...

— Помилуешь, ты ж добрый! Пару лет в ссылке отдохнет и помилуешь.

— Беккель... хм... а если не забодает?

— Ну тогда удавят и всех делов-то!.. — крупный на миг задумался. — Кстати это даже лучше... И сделать это нужно пока Паннар из Петербурга не уехал...

Оружейник

Топая по Звенигородской, напротив Егерских казарм, наткнулся на оружейную лавку охотничьего товарищества. Какой же мужчина не любит оружие? Естественно, решил зайти посмотреть.

Зашел. Стена увешана ружьями и карабинами. Вроде чем-то разнятся, но и чем-то неуловимо похожи. Одностволки, двустволки-курковки, карабины... Все в гравировке.

Боковые стены увешаны холодным оружием — переростками ножей. Кинжалы, сабли, пашки, эспадоны, палаши... глаза разбегаются от благородного дерева, лака, позолоты и драгоценных камней.

Прилавки завалены револьверами всех мастей и калибров: от дульнозарядных времен, наверное, еще Колумба и Петра, до вполне узнаваемых по фильмам XX века.

На стекле прилавка толстенный прејскурант Варшавского оружейного магазина В. Д. Рончевского от марта прошлого, 1903 года.

Ценники, как и прилавки, пестрят разнообразием — никогда не думал, что простая сабля может быть дороже револьвера. Или ружье дороже револьвера.

Зашедший поперед меня дядька, с виду мелкий приказчик или клерк, спокойно купил какое-то многоствольное чудо за 5 рублей и саблю за одиннадцать с половиной. Без всяких документов и разрешений...

Честно, столько оружия я не видел никогда в жизни и, кажется, я залип. Глазею. Увидел на прилавке револьвер, похожий на мой, только еще не убитый — вроде новенький. «Револьвер ЛеФоше... Бельгия... модель 1858 года... Цена 17 рублей и 20 патронов в подарок». Рядом аналогичный, только «...Российская империя... тульских оружейников Гольтяковых...» всего за 3,5 рубля.

Осмотрел прилавок — револьверы систем Нагана, Кольта, Смит-Вессона, Адамса Лепажя, Гулье-Бланшара, Пидо-Кордые... Ё-моё, я таких названий-то не слышал.

Пока разглядывал, подошел владелец, пожилой усатый дядька.

— Не рекомендовал бы я вам эту модель. Не смотрите на цену, оружие выбирают не по цене.

С интересом поворачиваюсь. Несмотря на старость, дядька сохранил выправку, прямая спина, твердый взгляд, без подхалимажа. Военная косточка проглядывает даже сквозь приличный возраст и гражданскую одежду.

Приподнимаю бровь, изображая интерес.

— Револьвер ЛеФоше был хорош лет 20 назад. Сейчас можно взять модель и получше.

Интересуюсь его мнением, доставая свой револьвер и протягивая его рукоятью вперед. Дядька осторожно берет, пару минут молча, разглядывает. Сначала пренебрежительно, потом заглядывает в ствол, приподнимает брови, просит разрешения разобрать.

Киваю.

Очень быстро и профессионально разбирает, с интересом разглядывает дуло.

— Сам револьвер французского изготовления, сделан лет 30–35 назад, скорее всего для армии. Долго эксплуатировали, много стреляли. Износ, зазоры и люфты. Я б побоялся из него стрелять...

Я снова приподнимаю левую бровь в немом вопросе.

— Элементарно. Может разорвать... а вот ствол интересный. Я таких не видел.

— Поясните.

— Нарезов нет, но такое в старых несерийных моделях иногда было... Но ствол внутри

поверх износа явно нарощён, а потом еще и похоже хромирован. Видите, металл разный на срезе! Как и где такое могли сделать со старым стволом я не знаю... Да и зачем?.. — и помолчав, добавил, — но всё равно, рекомендовал бы поменять.

Снова поднимаю в вопросе бровь. Дядька мне интересен, как, впрочем, обывателю интересен любой профи.

— Это не оружие уже, это пугач на один-два выстрела с неизвестными шансами, когда ствол рванёт. Позвольте вам посоветовать?

С интересом киваю.

— Если вы ищете добрую старую классику — M1873 Single Action Army. Куда чаще его узнают за «ироничным» прозвищем «миротворец». Почти 20 лет на вооружении армии САШС, сняты только в 1892 году. Мощнейший патрон.45 LongColt не оставит вашим врагам шансов...

— Прекрасный новый револьвер образца 1895 года системы Нагана в 3 линии, 6 патронов. Берите с самовзводом — он чуть дороже, но жизнь, сами понимаете, одна... Перезаряжать только долго. Но — хорошая машинка! В запас прикупите пару запасных барабанов и не знайте проблем...

Да, думаю, хорошая. Больше ста лет на вооружении в России вроде состоит. Хотя в моем времени только у отдельных вспомогательных служб уже, но... Показатель!

— Револьвер Смита-Вессона я бы лично вам не рекомендовал. — и, видя мой недоумевающий взгляд, пояснил, — Вам избыточно мощен. 4,2 линии. Не воевать же, да и модель Нагана поубойнее... Также, как и Маузер K98... хорош, но для армии. Тип 26 тоже не рекомендую — неплохая модель, но сейчас могут принять за японского шпиона. — и подмигивает.

— Если готовы к новаторству — возьмите Кольт M1903. Модель прошлого года. — и вытаскивает из-под прилавка любимый ствол Аль Капоне, — Нигде больше в Петербурге таких не найдете. Бескурковая пистоль на 6 патронов 0.32APC. Перезаряд магазинный...

Как думаете, что я купил? Конечно Кольт! Ну и пару магазинов к нему. Недёшево, почти сто рублей! Взвод старыми ЛеФоше вооружить можно! Но обладание легендой грело душу.

Напоследок, дядька предлагает приходить пострелять в его тире — оружие любит практики. Ну и научить, разбирать, собирать, чистить. Решаю не откладывать в долгий ящик и попробовать сразу. Дядька кличет в лавку за прилавок пацана лет 13–14 из подсобки и приглашает меня в подвал.

Тир откровенно понравился. Уютно и удобно. Отстрелял, наверное, патронов сто. Под конец даже начал попадать в мишень.

Дядька показал и как правильно стрелять, и, потом, как разбирать и чистить пистолет. Ну и продал сразу комплект по уходу с жеребенком на тиснении футляра. Фирменный кольтовский. Делец! Правда и угостил бесплатно отменным кофе.

Почему-то думаю, по вечерам я буду здесь частым гостем. Понравилось.

Уже отхожу от лавки, когда в спину прилетает реплика оружейника:

— У Ягужинских есть доверенный человек. Звали Савва-франт. Плохой человек... Пару-тройку недель назад он пропал, Ягужинские неплохие деньги за информацию о нём объявили.

Холодея, поворачиваюсь и молча, поднимая бровь, жду продолжения.

— Этот револьвер Савва купил у меня в феврале...

По мордасам

Выходной после гонки пролетел незаметно. Хотя оружейник под конец, конечно, настроение подпортил. Вспомнилось и передумалось многое. И странные «пляски» непонятных людишек вокруг клуба, и мой странный загрызенный «крестник», и множество других вроде бы мелких странностей. Но к однозначному выводу так и не пришел: то ли этот сыр-бор из-за гонки, то ли я наследил и «движняки» пошли по мою попаданческую тушку.

На работу пришел первым. Не спалось. Весь день проторчал в гараже, сначала опять принимая поздравления, потом — тайком деля с Захаром наши ставки и проверяя спидстер. Ну и стекло ему заодно восстановили. Спидстеру, а не Захару. Боевая игрушка уже легендарной «Русской сирены» должна быть красивой, а не покоцаной и ломанной. Когда и где пригодиться кто знает...

Правда триплекс я клеить при Захаре не стал. Как-то жаба придушила все секреты выдавать, да и лень, если честно, было. Поэтому воткнули с моей подачи пока простое, типа наших оконных.

К обеду приехал невыспавшийся, злой и помятый Пауль Фридрихович. Уже где-то успевший хорошо принять на грудь. Вызвал к себе и полчаса полоскал мозги патетикой про императорское соизволение открыть Петербуржский автомобильный завод. Совместно с Фрезе. Видимо движки как у нас прикупить не смогли. Решили отечественные двухцилиндровые в двадцать пять лошадок пихать? Или это такая программа импортозамещения? Вот под эту бадягу и предложил Фридрихович, как и со спидстером, расписать план строительства завода.

Он-то уехал, а я засел за бумажки. Куда денешься. Со стороны кажется — есть послезнания будущего — тят-ляп и сваял. Ага! Жизнь оказалось сложнее и прозаичнее. Того нет, другого нет и так по кругу. Одно за другое цепляется. Это уже не штучная показушная игрушка на которую полстраны пашет, это серия...

Там в будущем мне казалось: «Да какие проблемы? Знания, какие-никакие есть, производство организуем...» Размечтался! Копнул, снабженца нашего дернул и был очень неприятно удивлен. В Российской Империи реально не то, что движков серийно не достать. Сталей-то своих почти нет. И добыча, и переработка, почитай, процентов на 70 иностранная. Монополисты иноземные всю местную «поросль» на корню душат. Используя административный ресурс. Французы так чуть ли не пинком двери прикормленных министерств открывают. Да и какая там переработка! Чугун гонят на запад, а оттуда уже металл назад везут... Да и с остальным та же безрадостная картина.

Айзик так и сказал: «За границей чевои надо достанем. Привезем. Правда втридорога. А с местными... с местными лучше не связываться!»

Но, вроде, выстроили цепочку. Правда, проковырялся до позднего вечера, составляя черновой пока план. Не идеальный, но в общих чертах сделал. Ну и в моем понимании не завод, конечно, а так — всё же получается мастерская мелкосерийного штучного производства. Если полсотни машин в месяц осилим, то уже великое достижение. Но лиха беда начала. Главное, чтоб не задушили на корню начинание наши верхи...

Однако, делу время, но и домой надо...

Выходя с черного входа и закрывая клуб, услышал шорох за грудой старого локомотива.

Припоминая приключения на Лиговской, сердце ухнуло в пятки, а я дернулся за кольцом и чуть не начал с перепугу палить. Хорошо хоть, успел разглядеть в сумерках худенькую фигурку княжны.

— И...ик... Иван Сергеич, это я... не стреляйте... пожалуйста!

— Упс! Княжна, конечно не буду... но нельзя же так людей пугать!

— Я такая страшная, да? — быстро же оклемалась и в наступление пошла, а у самой еще глазищи в пол лица! Кто тут кого больше испугал большой вопрос похоже.

— Танечка Николаевна, и что вы в такое позднее время тут в переулке одна делаете? — а сам, хоть и прячу кольт в кобуру, а глазенками тоже по переулку стреляю. Не нравятся, ой, не нравятся мне усилившиеся движняки вокруг меня в последнее время...

— Я... мы... мы Паулем получили приглашение на Императорский бал! Вот... хотела Пауля...

— Ого! Поздравляю, пэтому вы за локобилем прятались?

— Нет... Я его не найду... Весть день ищу... Он от меня сегодня как будто прячется... а швейцар у парадной сказал, что его нет... думала он в гараже, хотела отсюда зайти... Вот!

Короче, походу понятно, что ничего не понятно. Видимо, классическая женская народная забава: сама придумала, сама обиделась и в конце концов себя так накрутила, что сама расплакалась. Теперь вокруг все виноваты. Ну что ж, будем успокаивать невестушку будущего компаньона и пусть будет «просто боевую подругу». «Прекрасный шанс налаживать мосты с власть имущими, так сказать» — вякнула проскользнувшая меркантильно-ехидная мыслишка. Ага. Только с улицы сначала уйдем — а то свидетелей-доброжелателей наберется, насочиняют, в уши надуют, а мне потом устраивай корриду с ревнивым Беккелем. Он и так после «жениха» на гонке пыхтит, кровавым взглядом на меня косит и копытом постукивает...

— Танечка Николаевна, пойдете в клуб! Вы согреетесь, чайка горячего попьете, а то совсем замерзли тут, а я вам извозчика домой поймаю...

— И... Иван Сергеевич, я... я не могу!

— Почему? Ключ у меня, клуб открыт!

— А... а там никого нет! — а сама от меня пятится.

— И? Ну и что, я сам вам чай сделаю, — постепенно начинаю понимать, что ничего не понимаю, — Я конечно не спец по английским или китайским чайным церемониям, но обещаю, чай будет горячий, душистый! С мятой и липовым медом!

— Нн...нет! — а сама соплями шмыгает!

— Почему?

— Вы... — княжна неожиданно алеет как маков цвет, все же какая она еще по сути своей мелкая девчонка. — Мне нельзя!

— Почему ж, княжна? Я приглашаю.

— Нельзя!

— Да, почему же? Объясните!

— Нельзя!.. Вы ко мне приставать будете! Вот! Весь свет теперь об этом говорит! — и глазищами хлоп-хлоп!

Не ожидал, такого пассажа еще позавчерашней боевой подруги и чуть не заржал в голос. Но нельзя, тут для меня шаг влево, шаг вправо — смертельная обида на всю жизнь! А с ее-то возможностями, может оказаться на слишком короткую мою жизнь. Поэтому, пытаюсь удержать рвущийся ржач и состряпав предельно серьезное лицо, отвечаю:

— Ну что вы Ваша светлость! Я до десяти вечера к девушкам не пристаю, вот после десяти — вам бы стоило опасаться, а сейчас, к сожалению, только восемь! Так что вы в абсолютной безопасности!

— А почему к сожалению?

Вот егоза женского рода, думаю. Замерзла до соплей, все лицо в разводах от слез, носом шмыгает, а комплименты на автомате из меня вытрясает, как долги черные риэлторы!

— Так к такой жемчужине будет рад поприставать любой, кто мнит себя мужчиной!

— А вы мните?

— Мну...

— Чего мнете? — ох, детка, что тебе тут можно ответить!

— Мужчиной мну...

— Так не говорят! — а сама хихикает, — И вообще вы сочиняете, чтобы меня заинтриговать!

— Ну что вы княжна! Чистая правда!

— А почему вы на ночных гонках не приставали? Там же после десяти было!

— Полагаю, там руки были рулем заняты, а в мыслях приставал, еще как приставал!

— Ну сударь вы и нахал! — улыбается, — ...А вы полагаете или опять мните?

— Мну...

Смеется, ледок вроде растоплен.

— Иван Сергеевич, давно хотела спросить, а у вас... а у вас девушка есть? — ага. Извечный женский вопрос. Чуть что они на него всегда переключаются. Независимо от возраста.

— Нет, княжна, нету.

— Ну... вы такой видный мужчина, а девушки нет... А почему?

— Жена запрещает!

— Ааа... аааа... поняаятно... вы женаты, значит...

Женат ли я? Хороший вопрос. Там был женат. А тут жена, походу, еще не родилась. Даже тещи с тестем еще в проекте нет, хорошо, если деды уже пешком под стол ходят... Поэтому считать меня женатым или нет? Не знаю... Дилемма.

— Мню, что еще не женат...

— Мните?

— Ага, княжна! Мну!

— Вы со своим «мню-мну» меня вообще запутали! — от активной мыслительной деятельности моя собеседница аж притопывает, — Жена, значит, есть, но вы еще не женаты, это как? — княжна, опять видимо, до чего-то додумавшись, прищуривается и выдает, — Или вы над мною издеваетесь?

— Ну что вы Ваша светлость! Как я могу? Просто она еще, что будет моей женой, не знает. — а про себя смеюсь: «Конечно, как ей знать? Не родилась еще. Малявка».

— А вы, значит, знаете? — и взгляд, как прищур судьбы! Вот как так женщины умеют. Посмотрела и как рентгеном посветила!

— Конечно!

— Вы так уверены?

— Абсолютно!

Зависла. Только головку туда-сюда наклоняет и так изучающе меня рассматривает, как будто я ее только что замуж позвал. А она не знает, что делать. Хотя диалог с учетом

гоночной предыстории и правда двусмысленный получился. Я даже в шутку подумал: «Старик, как крутиться будешь, если скажет: „Да, любимый! Я так счастлива!“?».

— А у вас баранки к чаю есть? — женский многозадачный компьютер под названием мозг опять без предупреждения щелкнул и переключился на новую задачу. Тут главное успеть за его переключениями, не затупить.

— Нет, баранок нету, — улыбаюсь я, — вот чего нет, того нет... Зато есть пряники!

— Тульские?

— Ну почему сразу тульские? Тульские черствые, представляете сколько их везли в столицу? У нас пряники мягкие, петербургские!

Короче уговорил. Зашли. Свечи в дежурном канделябре зажег. Княжна, только в зеркало свой потекший боевой раскрас увидела, ахнула и в дамскую комнату упорхнула, конфисковав у меня подсвечник.

Точнее комната-то не дамская, а просто господская. Для остальных деревянный «скворечник» во дворах предназначен. Но это детали...

Морально обобранный, в потемках потопал чайник греть, да обещанный чай заваривать. Тоже не быстрый тут процесс. Пока печку понову растапливал да воду грел, даже мысля закралась, может электрический чайник изобрести? Только сначала электричество в клуб провести и свет нормальный сделать, а то пока в гараже лампу керосиновую искал чувствительно коленом об какие-то разбросанные железки приложился...

В общем, несмотря ни на что мы с Танечкой Николаевной управились быстро и случайно почти синхронно. Я, потому что печка была еще горячей, да и чайник не остыл, она... глядя на выплывшую аки лебедь из заветной дверцы чопорную великосветскую даму с задраным кверху чуть припухшим еще шмыгающим носиком закралась мысля, что может и не случайно синхронно... кто-то торопился, а кто-то и точно подгадал выход?

Парадный кабинет с сервированным на скорую руку чайным столиком княжна пренебрегает и требует отвести к теплой печке. Мои возражения, что личные покои Беккеля закрыты, и у меня сейчас есть доступ только к печке мастерской, также царственно игнорируются. Я же, типа морально раздавленный ее умозаключениями и обвинениями в занудстве, нарциссизме и эгоизме, в итоге плетусь за ней с врученным подсвечником освещать путь. С мыслями «нахрена мне всё это надо?» и предчувствием пятой точкой надвигающихся «приключений».

Устроив княжну на стуле у приоткрытой дверцы, вновь пышущей жаром буржуйки, отправляюсь за приготовленными в парадной чайными принадлежностями. Только княжна просит погасить лампу — пахнет и у нее голова болит — а мне идти с канделябром. Она, де и с печкой не побоится в мастерской посидеть. Желание дамы закон, тем более керосином от лампы и правда здорово воняет.

Возвращаясь с чайником и стаканами в подстаканниках, накрываю на ближайшем верстаке.

— Иван Сергеевич, а вас не смутит помочь мне снять сапожки? А то они промокли, и я сильно замерзла...

Почему б не помочь? Не по возрасту, но в ее плащике и, думаю, парадном платье с корсетом и не нагнешся по-хорошему, да и мне не зазорно поухаживать, встав на колени перед такой хорошенькой девушкой.

Только стянув с нее правый хлюпающий сапожок я понимаю — болван! Ладно, сумрак виноват, девчонка не гонор гонит, просто промокла, добираясь по стылým лужам, ну

и замерзла до «ой, мама, не балуйся». Поэтому удерживая ножку заодно стягиваю и мокрый то ли длинный носочек, то ли короткую гольфу. В ответ взвизгнувшая княжна вырывается и отскакивает к стенке:

— Вы что творите?!!

— Мокрые носки снимаю...

— Кто вам разрешал носки трогать!?

— Княжна, они мокрые...

— Пальто и платье тоже мокрые и что?!

— Вы предлагаете и платье снять? Замааанчиво!

— А... а... а... Нахал!

— Абсолютно с вами согласен, Ваша светлость! Нахал! Еще какой нахал, хотя про платье, заметьте, это вы предложили! Но несмотря на это мокрые носки мы сейчас все равно снимем! А сами будем пить горячий чай и сушится!

— Нет! Не подходите, я закричу!

— Да, пожалуйста! Кричите... сколько хотите, а мокрые носки мы все равно снимем! А то вы вместо Императорского бала заболаете и попадете в больницу! — и не давая вставить возмущенные слова, — А виноват я буду!

То ли угрозы заболеть, то ли всё-таки пропустить бал действуют, кто их женщин поймет, и я все-таки уговариваю княжну вновь устроиться на стуле и стянуть с нее второй сапог с таким же мокрым носком. Задерживая дернувшуюся ледяную щиколотку у себя в руках, смотрю в испуганные глаза.

— Танечка Николаевна, вы, как хотите, а я сейчас буду растирать вам лодыжки спиртом. Судя по их состоянию, будет больно, но так надо!

В ответ на протестующий писк княжны забираю ее сапожки и носочки к печке — сушить. Ну и отправляюсь к своему шкафчику за давно оставленной там кофтой из моего будущего и припрятанной от мастеровых бутылью самогона.

— Ваша светлость, как не печально, спирта нет — буду самогоном растирать. И потом их в кофту завернем.

Немного попрепившись и даже тихо поругавшись, вручаю княжне в руки стакан парящего чая и банку меда. А сам присев на корточки все же забираю ее ножки к себе на колени. Щедро плескаю самогона и начинаю растирать, восстанавливая кровоток и заставляя краснеть кожу. Это не массаж, поэтому, как только кожа краснеет, а княжна перестает дергаться от колющих иголок восстанавливающейся чувствительности нервов, заворачиваю лодыжки в кофту.

— Все, Ваше светлость! Теперь пьем чай, греемся и сохнем!

— Спасибо Иван Сергеевич и... простите! Я о вас плохо подумала.

— Ну я ж сказал — до десяти не пристаю.

Ну а дальше под треск угольков начался поток нескончаемых вопросов: «А вы пряник обещали...», «А почему вы мед тоже не кушаете?..», «Одна ложка? А давайте по очереди мед моей ложкой кушать?..», «А вы правда с меня б платье могли снять?..», «А расскажете что-нибудь про себя?..» — в ответ на ранее выданную еще Деду легенду — «Ну так не интересно, вы ничего не рассказываете...», «А расскажите что-нибудь интересное...». Ну я и сначала в шутку, а потом и увлекшись зарассказывался историей про Малыша и Карлсона, который живет на крыше. На банке варенья уже ближе к полуночи в парадной раздались бряцание дверью и пьяные голоса шумной компании, в которых узнаются реплики и Беккеля с Дедом.

Ахнувшая княжна бледнеет и шепчет что-то типа «Ой мамочка, скандал-то какой теперь точно будет!», я ж на пару секунд подвисяю, пока просекаю всю пикантность и неоднозначность ситуации в текущих реалиях. Ночь, свечи, самогон, мастерская, я и княжна. И как ни крути, но никому уже не докажешь, что жених точно не рогоносный...

Репутации Долгорукой моральный кирдык! Мне кстати тоже кирдык. Или точнее капец на букву «Пэ», только полный и физический. Один олень сейчас прямо тут будет... забадывать, однако. Хотя с капец я может и поспешил, шесть пилюль колыта и запасной магазин могут и не мне дырок насверлить. Несовместимых с боданием. Главное помнить, что лучше плохо сидеть, чем в земле хорошо лежать...

Только потом мне все равно кирдык придет. Ну или в бега... Не вариант! А какой вариант, княжну под кровать или на балкон? Так нет их... В шкаф? А вот это вариант!

И откуда только силы и резвость взялись? Пока в прихожей топали, смеялись и искали свечи, хватаю в охапку пискнувшую княжну и несусь к шкафчику Архипа. Он там все равно, кроме пресловутого болта ничего не хранит. Ну и впихиваю туда без всякого пиетету сгибая в три погибели доставшуюся мне княжескую особу. Благо — хрупкая, с трудом, но помещается вся!

Под скрип открывающейся двери еще успеваю притворить дверку и метнуться к стулу, сделав вид что только встаю, приветствуя дорогих хозяев. Спрятать остальные следы ночной посиделки уже не успеваю: самогон, стаканы и мед остаются на верстаке, как и пыхтящий чайник на буржуйке. Ввалившаяся компания из Беккеля, Деда, какого-то бородатого мужика в расшитом погонами и аксельбантами мундире, да стайки восторженно пищащих девиц, немножко смущаются неожиданно застав меня любимого. Беккель даже замирает в двери, вылупившись на меня как лунь на тень отца Гамлета. Но подталкиваемый в мягкие тылы очередной мадмуазелью, тоже оказывается впихнут в мастерскую.

Сразу становится шумно. Дед за обшлаг утаскивает обундиренного к спидстеру. Хвастать своим инженерным гением. Туда же лезет и большая часть верещащей и охающей женской стайки.

А вот самого Беккеля качает ко мне.

— И... Ик... Иван ты чего здесь делаешь? — хорошо набравшийся Пауль качается, но хватаясь за крутящуюся рядом девицу умудряется удержать равновесие.

— Да вот у спидстера стекло восстановил, ну и план автомобильного завода смотрел...

— Сделал?

— Да, стекло встало, как родное... — махаю рукой на поблескивающий в отблесках свечей спидстер, и пока все инстинктивно отвлекаются, да тарашатся в темноту, ногой толкаю сапожки княжны от буржуйки поглубже в тень под верстак.

— Да хрен на стекло, что с планом? — под хихикание девицы, Пауль, дыша винным перегаром, пытается поймать меня за лацканы пиджака. Чуть отступаю назад, чтоб не схватил, но тут же приходится ловить и поддерживать, чтобы теперь уже не упал. Хозяин, чтоб его...

— Тоже сделал, — если положить руку на сердце, почти сделал, там бы еще и конвейерную сборку сразу расписать стоит, но не пьяным же это рассказывать? — Вон на полке положил... то есть поклял. — хм, не поняли.

Пауля по кривой уносит к полке, где он, матерясь и постоянно хватаясь за показушно подставляющуюся под облапывания мадмуазельку, начинает листать страницы.

Зато на место Беккеля черт приносит разухарившегося Деда, которому тоже неймется

выяснить, чем же я тут в середине ночи маюсь. В ответ на «Работаю. План для Пауля Фридриховича делал...» Дед неожиданно звереет и орет:

— Врешь, сукин ты сын! Стакан в помаде тоже твой?! За дурака меня держать вздумал?! Бабу ты сюда приводил! — и хрясь мне по морде! — под одобрямс осоловелого бородатого павлина. Ну и конечно же — под восторженные ахи поддатой кодлы.

Мне! По морде!? От вспыхнувшей ярости у меня неожиданно темнеет в глазах и сознание чуть не тонет в звериной злобе! Честно, еще миг и положил бы их там! Даже без колыта, простой какой-нибудь железякой забил бы! В фарш замесил! Или зубами загрыз! Но, отрезвила мысль, что потом с будет, если тут еще и княжну найдут. Поэтому утирая юшку, стою. Молчу. Только зубами скриплю.

— Еще раз бабу сюда приведешь вышвырну как паршивого пса! Понял? Да и запомни, тварь безродная, тебе здесь не Европа! А то решил с благородными ровняться... — он, что-то там еще вещает, а меня трясет от ярости... от второго тычка я ухожу назад, рвя дистанцию. За верстак. Сорвусь, походу.

На мое мордобитие под восторженные пiski пьяной кодлы отвлекается от попыток чтива и Беккель.

— Виктор Вильгельмович, Иван Данилыч да отстаньте от Ивана, стоит на него время тратить! Пойдемте лучше ко мне в апартаменты! У меня таааакой ямайский ром! Сударыни, будете ром?

При слове «ром» бородатый что-то мычит и на автопилоте сворачивает к Беккелю. Деду ничего не остается как подхватиться за ним, зло бросив мне через плечо: «Убрал чтоб тут!». Ссука... и ради этих тварей я пыжился, выигрывая гонку? Стою, киплю, смотрю.

Уходящий последним Беккель, вцепившись в косяк долго пытается сфокусировать на мне взгляд, трясет бумажками плана и шипит:

— План сделал я! Запомнил?

Не понимаю. Присвоить что ли хочет? Зло смотрю на него, а он пьяно ржет и тыкая за спину пальцем громко шепчет:

— Это фон Вале, беби! Понял кто я здесь теперь?.. — и, лыбясь, хлопает дверью.

* * *

Живчики... и Малыш

Только я к шкафчику с княжной дернулся под утихающие шаги Беккеля, как дверь снова распахнулась и в мастерскую втекли два очень шустрых господина. Как шарики ртути. В светских серых и неброских костюмах. С несветскими повадками.

Один обтек меня, как мячик. Прокатившись по всему помещению и сунув свой нос в каждый угол. А второй наскочил на меня, и я сам не понял, как оказался надежно зафиксирован и уткнут носом в верстак. Резко и больно. И походу опять расквашенным носом. Не везет сегодня носу.

Первый, пролетев мастерскую, шепнул мне за спину: «Пусто». Но второго, видимо, это не удовлетворило.

— Тихо! Баба где?

Ага, баба... Милок, тебя за «баба» как бы не разжаловали в рядовые бодигарды! И вообще, так я тебе и сказал! Но прострелившая боль в заломленной руке прерывает полет

фантазии.

— Ушла, что невидно? Очки купи! — Хрен они княжну найдут без шума. Шкафчиков много, в половине хлама до верха. Грохоту будет...

— Поумничай тут! — злой шепот, ну и затрещина. Шлепнут? Или украдут? Вспоминая боевики и шаловливую юность пытаюсь дернуться, вывернуться. Ну моментально рот оказывается зажат волосатой ладонью, а мне очень жестко прилетает по правой почке. Скручивает от боли.

— Сказал же не дергаться! Так понятнее?

Осторожно киваю. Понятнее...

Первый, уже подскочивший к нам, кивает на верх. На что меня рывком разворачивает ко второму.

— Тихо чтоб мне! Барона здесь не видел! Понял?

Не понимаю, туплю и задаю глупейший вопрос: «Какого барона?».

— Молодец... Если, что барона видел кому сбрыхнешь — закопаем! Понял?

Не понял. Но на всякий случай киваю. По почкам не хочу...

Первый шепчет:

— Чтоб как мышка тут сидел! — и оба исчезают за дверью. Бесшумно, как и появились. Как ветер. Призраки...

Ниндзя, блин! Это, что охрана? Охраняет, или компромат подчищают?.. И железок до хрена вокруг валялось, и ствол в кобуре до сих пор болтается, а я отгреб люлей. Непринужденно и мимоходом. Обидно даже, как ребенок от больших злых дядь.

Барон... Фон Вале? Точно! Как его там... Виктор какой-то... Знакомое что-то в голове вертится, но не врубаюсь. Опять адреналиновый отходняк.

Осторожно разгибаюсь, не зная за что держаться: то ли за повторно разбитый нос, то ли за простреливающий болью бок. Но и расслаживаться, жалея себя, сейчас тоже не время. Пока шустрики за дверьми скачут, княжну нужно отсюда по-тихому выводить, а то и правда одним носом можно и не отделаться.

Княжна-княжной, но в первую очередь кряхтя подпираю дверь прихваченным от печки стулом. а то разбегались тут нежданчики и каждый меня в нос ткнуть норовит. Нахрен-нахрен!

Заодно и носочки княжны прихватываю. О, и высохли, и никто в суете не заметил... Однако, а на самом видном месте ж были!

Открываю шкафчик, а там моя боевая подруга белая-белая. Кулачок прикусила и дрожит. На гонке, когда стреляли, или в повороты спидстер кидал, такой не была. А тут — до жути испуганный мышонок! Пытаюсь вытащить, а она упирается. Назад в шкафчик забивается!

И что мне с ней делать? Завизжит сейчас и тогда точно понесется веселье. И не вытаскивать подло...

Выковырял, притянул, к себе прижал. Молчит. Уткнулась носом в подмышку, а саму трясет. Погладил. Успокаивается? Нифига! И как быть? Ладно, время дорого, но придется продолжить.

Минут через пять умудрился княжну оторвать от себя. Ну почти оторвать. Прижимается, но хотя бы лицо перестала мне под мышку прятать.

— И... вввван Сс...еич, дай ва...во... воды!

Дал. Только не воды, а самогона. Спирт лучше стресс снимет. Грамм после ста

наильно отобрал бутылку, а то ну его — развезет. И так много успела выхлебать. Как воду!

— Испугалась? — не зная куда деть бутылку — кашляющая и зажимающая ладошкой рот княжна не отпускает, а до верстаков не дотянешся, — затыкаю и сую в карман пальто.

— А ты типа нет? Это ж фон Вале!

— Вале, не Вале... да хоть Люба... какая разница? Княжна, ты чего так испугалась-то?

— Ты что не знаешь? — княжна, похоже, так удивилась, что даже бояться забыла. Машу отрицательно головой — пусть лучше отвлечется от страхов.

— Он начальник Отдельного корпуса! — и видя мое непонимание, горячо, глотая окончания шепчет — Жандармов! Ходят слухи... у него люди даже очень знатных старых родов стали пропадать! Его в Петербурге сейчас все боятся!

Упс. То-то фамилия знакомой показалась. Это ж наш гоночный протезею. Опять жандармы, значит. Понятно почему Беккель разухарился так. Дружка-покровителя, значит, весомого завел. Кинуть и засадить, подумывает, значит. Только выглядит это как-то мелко. По пацанячьи или больше по крысячьи. Ладно, проживем — увидим.

То ли задумавшись, то ли потому, что княжна выпуклостями ко мне сильно прижалась ляпнул, не подумав:

— Малыш! Вале он там или жандарм не Вале, тебя он не видел и поэтому тебе сейчас нечего бояться! Поняла? — кивает, хорошо уже. — И чтоб дальше так же было, нам нужно по-тихому отсюда исчезнуть! Чтоб никто не увидел! Хорошо?

— Хорошо, мой рыцарь! — Упс! Давно убедился — все женщины по умолчанию заразы! А чуть перестают бояться — заразы вдвойне! И ошибок нам не спускают! Никаких и никогда...

Но это уже лирика. Послестрессовый адреналиновый отходняк начинается и у княжны. И пока он не вошел в силу и не накрыл окончательно, отсюда исчезнуть однозначно надо! Поэтому сгружаю из объятий княжну попой на Архипов верстак, бесцеремонно ловлю ножки и быстро напяливаю носочки. Проходит без писка и ложной скромности. Успеваю даже подумать, что сейчас юбки уже самой княжной поддернуты значительно выше, чем стоило. Эх, раньше б так! Буду считать компенсацией за пострадавший нос. Не давая себе растечься мыслью по прекрасным изгибам, ныряю за сапожками. Далеко под верстак запахал. Но нашел и вытащил. Чуть влажноваты еще, но уже не хлюпают. Сойдет.

На автомате прячу стаканы в свой шкафчик и замираю возле печки. Залить или наоборот, раскидать угли? Трясу головой — вряд ли пожар решить все проблемы, слишком много народа меня сегодня здесь видело. Не прокатит... все равно придется возвращаться и думать, как быть. Но валить, валить, похоже и мне отсюда нужно!

Заливаю печку с сожалением.

Возле подпертой стулом двери ловлю княжну.

— Не туда Ваша светлость! Нам через гаражные ворота в переулок! И я первый! — не хватало нам еще с резкими шустриками столкнуться. Почка и так болит знатно.

— Малыш!

— Что?

— Простите Танечка Николаевна...

— Лучше зови Малыш. Мне нравится!.. А ты будешь моим рыцарем! Только это будет наш большой секрет. — тихо-тихо смеется и, похоже, флиртует. Куда я попал? — Веди мой рыцарь! — осмелела, а только что трясло и оторвать не мог. Или это самогон в прекрасную головку ей ударил?

Веди... Хорошо, только шарфиком лицо княжны сначала до глаз все же прикрыл. Не принято? А пофиг! Зато не узнают сходу. И выглянул в приоткрытую калитку ворот. Никого. Темно. Только Владимирский светится, но мы лучше уйдем дворами. Нам проспекты сегодня противопоказаны. Главное накрытие этого Вале не нарваться. Или странную гопоту...

Притягиваю княжну к себе. Прижимая девушку в тень воротины, закрываю дверь. Ловлю доверчиво поданную мне девичью ладошку. Всё, ходу! Ускользаем!..

* * *

Интерлюдия четвертая — Набережная Мойки, дворец напротив острова Новая Голландия

— Владимир Николаевич, что по артефактам выяснили? По тем, что люди от Виктора Вильгельмовича передали?

— Те яйца, Ваша светлость, оказались совсем и не яйцами Фаберже, и не часами... Из-за них группа моих лучших экспертов Богу преставилась. Только ключик-колечко вытащили как яйцо и рвануло! Да сильно так! С потолка мозги и кишки соскребали... Второе смогли разобрать. Да... адская машинка... алюминиевый корпус яйца внутри наполнен тринитротолуолом. Это германская новая взрывчатка, они его вместо пикриновой кислоты в снарядах стали с прошлого года использовать. Пока не продают. Никому. Ну а прикрученная трубка — пружинный взрыватель с фиксацией этим колечком. Интересная конструкция. И убойная... Только какой псих ее так раскрашивать придумал...

— Значит германцы?

— Не обязательно, Ваша светлость. Американцы уже вроде тоже ее производить стали.

— Мда... что еще по этим «яйцам» выяснили?

— Номерные они. И номера на обоих «яйцах» разные. А значит серией выпускались. Правда очень ограниченной. Четыре цифры и не с нуля начинаются. Думаю это номер изделия. А значит их уже несколько тысяч выпустить где-то успели. А вот буквы потом странные, наши кириллические «УЗРГ». Что они значат и кем нанесены — не известно. Ни германцы, ни американцы так свою продукцию никогда не маркировали... Корпус из неизвестного сплава алюминия с медью. Дорогая штучка для простой бомбы.

— По остальным артефактам что?

— Стекла почти обычные, судя по срезу в Академии предполагают — этот артефакт был большой рамой. Только стекло-то обычное, но ровное очень. И чистоты изготовления высокой. Рама из алюминия. Тоже... Что значит надпись предположить не смогли. Одежда из хлопка, пропитанная пятнами серого красителя. Сапог тот короткий — кожаный с каучуковой подошвой. Барон Краузкопф увидев сапог очень заинтересовался. Заявил: «Это просто гениально!». Как понял, так никто не делал.

— Мда...не густо! Что по омоложению и старению?

— Сила круга, как и докладывал, сошла на нет на второй неделе. Омолодиться или состариться — это была чистая лотерея, причем с шансами где-то 1 к 5. На все меньший возраст. Начальные предельные значения- лет на 30. Логику найти не смогли.

— Повторно подопытных загоняли?

— Да. Шансы те же. 1 к 5. Могли и снова омолодиться и наоборот. Состариться.

— Понятно... — мужчина в гражданском кителе еле заметно облегченно выдохнул, зато напрягся военный. — Да, Ваше сиятельство. Почти сразу. Это Иван Камнев. Работает у Беккеле в автоклубе. Выделялся сильно по началу, да и документов не было.

— Взяли? Что на допросах сказал?

— Нет, Ваше сиятельство! Он «Северное сияние» вместе с Паулем Беккелем организовывал. Ну и гонщиком «Русской сирены был»...

— Виктор Вильгельмович, Вы что, его к гонке, к Императорским семьям допускали? Вы вообще заигрались!? Вам отставки из Корпуса мало?

Военный подскочил:

— Никак нет, Ваше императорское сиятельство! Александр Михайлович! Он был под приглядом, да и к царствующим особам его близко не подпускали!

— А на награждении!? Там же Император вручал! Или вы Империи в войну ввергнуть хотели!?

— Виноват! — военный вытянулся еще, хотя казалось бы больше некуда.

— Вы... вы. — спрашающий властный русский мужчина так и не нашелся, что сказать. Глубоко вздохнул и, успокаиваясь, медленно выдохнул. — После гонок-то почему не взяли?

— Так он это... завод автомобильный... Императорский строит!

— ...Ъ! С вашей долей да!?

— Никак нет Ваша императорское сиятельство! С долей Великого князя Михаила Александровича!

— Задержать его! Только без шума теперь уже! Слухов нам еще не хватало... — и уже успокаиваясь. — Будут тут еще непонятные пришельцы по нашей столице шастать...

— Слушаюсь Ваше императорское сиятельство! Я...

Растерявшего весь лоск военного беспардонно перебивает человек почти сливающийся своими темными одеждами с тенью угла кабинета:

— Ваше императорское сиятельство, а вы уверены, что пролезшая через эту дыру сущность относится к роду людскому?

— Владыко, а вы сомневаетесь?

— Ну только явившись в наш мир эта сущность в облике людском не блага раздавать стала, а три трупа сделала! Да и те, с нею попавшие, не ею ли убиены?

— Мда, Владыко, умеете вы жути нагнать. И кто же он?

— Не знаю, Ваша светлость. Но пусть в этом деле жандармам фон Валя надзирающие Церкви подсобят.

— Надзирающие?

— Да, Ваше императорское сиятельство. Надзирающие. Через седмицу должны уже прибыть. Максимум дней через десять. Пусть жандармы всё же подождут их...

* * *

Философия неудачника: кто-то что-то теряет, кто-то что-то находит

Ночные разборки и Беккель с Дедом, и я делаем вид, что не помним. Типа этого не было. Хотя я разбитый нос и унижения не забыл, да и намеки угроз этой гоп-компании тоже. Да и они, думаю, тоже. Кружим как волки друг вокруг друга. Думаем, как укусить побольнее и самим не подставиться. Ну и себе побольше урвать.

Только я выкаты перестал. А они и на трезвую проглотили. Тоже симптомчик, значит нет в них той хваленной силы.

А так, гонка закончена, цейтнот спал. Царствующие особы хотя и почти без выйгрыша остались моими стараниями, но лиц не потеряли. Ни те, не другие. Даже политические предпочтения, вроде, получили. Но это от меня оказалось далеко. Оттёрли и забыли. Не прорвался к царствующей семейке.

Зато Беккель в фаворе, в Зимний как домой ездит, глядишь, новый титул обломится. Если, конечно, автомобильный завод в Петербурге построит. План, на строительство которого, я ему по собственной дурасти на халяву рассчитал и расписал. Одно радует, хорошо хоть идею конвейерной сборки не подарил.

Мой спидстер со значительно более простым и слабым движком Фрезе и удлинённым для второго, заднего дивана кузовом выпускать будут. Только я в пролете во всех вопросах. И когда этот шустрик успел на себя все права зарегистрировать? Так что я никто в этом проекте и звать меня никак. Что, в принципе, мне ночью доходчиво и объяснили... еще и в зубы дали, чтоб место свое знал!

Одно радует, с призового чека с гонок мне пятая часть с трудом, но досталась. Остальное пришлось разделить между княжной и этой сладкой парочкой: Паулем и Дедом. Типа это только благодаря их заслугам я и гонку выиграл, и машину собрал. Крохоборы... С пятистами-то шуками чистого дохода на счетах учредительного комитета...

Правда, я всё же еще почти пять шпук на ставках тотализатора поднял. Используя, так сказать, инсайдерскую информацию заставил Захара ставки нужные сделать. Всех моих сбережений.

Только это кроме меня и Захара никто не знает. Может, конечно, и его тайная революционная ячейка в курсе. Но мне то неизвестно. Пустые бланки паспортов подогнали — спасибо — пока расстались и не контактируем. Кстати может из-за Захаровских революционеров вокруг меня «танцы» странной гопоты? Не знаю, слишком мало данных...

Ну и мастеровым, которые помогали, я проставился и по два десятка рублей премиальных от себя лично выдал. Вот без них бы точно ничего не добились...

На следующий день Захар на работу грустный и молчаливый пришел. Разговорили, оказалось вчера хотел гонорар в записку положить и перед женой спалился. Конфисковала.

— Умный муж показывает жене, где лежит записка. Это бережет климат в семье... и основную записку! — просвещаю неудачника.

Смеются. Им смешно, а мне тоскливо. Где-то там семья, друзья. А здесь я вроде среди людей, а один. Как в стеклянной банке законсервирован. Даже водки выпить не с кем! Шаг вправо, шаг влево, спалился и кто его знает, что ожидать. Точно только, что ничего хорошего.

А ещё к Беккелю приезжает княжна. Причем приезжает так, что всегда его не застает. Пьет с Дедом чай у него в кабинете. Потом уезжает, не дождавись. Зачем, не понимаю. Ну это их верхнесословные закидоны.

Сегодня вот меня зовут, рассказать о перспективах завода. Издевается Дед, сссу... благородное сословие, подчеркнуть пытается, что они с Беккелем тут хозяева, а я никто и звать меня...

Поживем еще, увидим. Земля круглая, за углом встретимся... да и семнадцатый год не за горами. Аукнется... Рассказываю больше княжне, не Деду, она-то ни в чём не виновата.

Послушав, княжна собирается домой, ну а Дед чуть с коньячком перебрал — качается.

Поэтому высокая миссия проводить до кареты будущую хозяйку выпадает мне.

Спускаемся, провожаю княжну. Она в полете в самом темном углу замирает, останавливается. Оборачиваюсь. Жду. Стоит, на меня смотрит, глазами хлопает:

— Иван Сергеевич, я каждый раз сама целоваться должна начинать?.. Вааань, ну поцелуй меня! — и слезы в глазах.

Вот так тормозом меня никогда девушки не обзывали. Бесчувственным чурбаком — да, озабоченным придурком — тоже... Но так ненавязчиво тормозом — никогда...

Что тут делать, что?.. Пока мозг думает, тело принимает решение само — шагаю вперед и осторожно ловлю губы княжны. В ответ сразу жаркий истосковавшийся поцелуй, еще чуть и до крови. И голос Деда сверху:

— Княжна, что случилось?..

— Иван Данилович, мне что-то у вас тут в глаз попало! Помогите мне... жжёт! Иван, да помогите же быстрее!

Что мне тут остается, только поддакнуть:

— Иван Данилыч, чем там орать, идите сюда, помогите лучше... — про себя, правда, добавляю: «...лучше вали отсюда!»

Не свалил. Вдвоём рассматриваем прекрасные глазки Танечки... Николаевны. Крутим то к окну, то от окна.

— Я ничего не вижу, княжна повернитесь... — еще б ты тут что-нибудь, думаю, кроме рогов Беккеля увидел, старый козел, такой кайф обломал...

Пока Дед несуществующую соринку выглядывает, княжна еще меня погладить успевает — точно, адреналиновая наркоманка!

— Кажется, убрали.

Дед, всё ж в угоду своим амбициям или, не доверяя мне, решает проводить до экипажа княжну сам. Покачиваясь, топают впереди, дорогу, видимо, указывает. На что я облегченно целую ей пальчики поданной на прощание ручки и отчаливаю в кабинет. На повороте ловлю озорной взгляд княжны и тайком от Деда показанный язычок...

* * *

Бизнес тормозных колодок

Кручусь уже почти неделю. Беккель, на что хлыщ из высшего сословия, но и свою даже копейку не упустил — научил его на свою голову. Открыл на базе клуба бизнес по установке новых тормозов. Беккелитов. Прославился. И, оказывается, патент на себя уже оформить успел. А я — вновь пролетел.

Только бумажку охранную он получить-то получил, а нюансов не просёк. Да и про тормозуху думает, что это касторовое масло. Думаю к зиме сюрприз ему будет.

А пока у нас кооперация — я ставлю — ему реклама и половина дохода. Вторая половина моя, но и работа с материалами тоже мои. Согласился.

Одно радует — где комплектующие брал, не говорил, а то и отсюда б оттерли. Ну и оплата работникам моя тоже. Короче почти все издержки... Просто им некогда искать, вот я и востребован. Пока.

Оттереть — придет время — ототрут. Это понятно. Но секрет тормозухи я с собой однозначно унесу. Пусть претензии по перемерзшим тормозам компенсируют.

Пауль который Фридрихович заходит каждый вечер, вежливо поздороваться, новости узнать, про здоровье своей курочки-рябы не забывает интересоваться... белая кость... на идейки новые на халяву рассчитывает. Только обломись! И так нормально подарил...

От желающих проагрейдится после гонки отбоя нет. Даже и не думал, что в Петербурге сейчас столько машин. Или это и из Европы гонят? Пара клиентов активно на скандинавском между собой чирикала. Хотя тут это тоже не показатель, вон Финляндия вообще Российской губернией оказалась. Или и у нас так было?

И цена на тормоза кусачая, 10 золотых червонцев — 100 рублей — очень большие деньги по местным меркам, а люди рвутся. Мастерские в клубе зашиваются, уже в две смены работают.

Но за очередь клиенты всё равно почему-то меня, а не Деда чуть за горло не берут. Лучше б его, мне отказать вот страшно — тааакие фамилии, — и очередь сдвинуть тоже страшно. Дед посмотрел на мои мучения с очередным дядькой великосветских кровей, с титулом да регалиями, да посоветовал. Видимо и ему страшно с этой кодлой связываться.

— Ты, Иван, — говорит — доску повесь, не жмись, купи. Такую как в школе.

Смотрю на него, не догоняю. Или опять подкалывает? Так не должен вроде бы, гешефт и ему с этого бизнеса капает... и проблемы, и не маленькие по местным меркам!

— Что-то сегодня голова не работает, ты б подсказал.

Сбился, спрашивает:

— Вся?

— Что вся?

— Вся голова не работает, говорю? — не понял, он, что распереживался что ли? Так не надо зуботычины в мою голову тыкать!

— Не вся, конечно. Половина. Есть могу... Поясни-ка про доску.

— А... Ну что ж ты, Сергеич, умник же! Разлилуй доску, да фамилии в очереди пиши. Каждого нового снизу дописывай. Наглядно увидят — отстанут.

— И что? Что помешает князьям Вяземским, допустим, или Пожарским подвинуть шведа Ольстерна или там простых дворян Дубровских?

— Вот умный ты вроде, а не наш! Как будто из Америки... может ты шпиён сасшовский?.. — и, печально посмотрев, продолжил, — Шпиён... не похож ты на шпиона... С Луны свалился, что ли... Где ты здесь простых видишь?

Стою, думаю опять палюсь. Но молчу, продолжения жду. Не ухватываю идею.

— Дуэли дружок, дуэли. Перестреляются... за оскорбление сочтут, что подвинули и перестреляются. Это тебе не мужицкое твое племя сиволапое. Тут честь!.. Или еще что похлеще придумают... великосветские козни-то никто не отменял. Но это не твои уже проблемы.

Не поверил, жду розыгрыша, но повесил, расчертил, написал фамилии. Вы не поверите, как отщёпали — приехали, зашли, вписались, ушли. На меня как шапку-невидимку надели.

Но денежки капаят, четыре сотни золотых червонцев каждый день. А иногда и до семи — как получится.

К пятнице задумался над вопросом, что со сбережениями делать. Уже под шестьдесят тысяч рублей вместе с остатками призовых. Золото конечно от инфляции не растает, да и не ограбят на Владимирском. Тут городских больше, чем гуляющих. Но и от банального воровства никто не застрахован. Да и держать здесь чреватое, оставить всё можно вмиг.

Закопать? Не, это как-то глупо и не по-нашему. Деньги должны работать? Свое дело

открыть? Открою может, но позже... пока смысла нет, доход стабильный, да и личину на время поменять будет нелишне...

Акций прикупить? В воюющей империи? Рискованно. Да и не спец я в этом вопросе — пролечу, скорее всего. Остается банк. Вспомнил про мизерные запасы российского императорского банка — тоже желание пропало. Хотя, а почему банк обязан быть российским?

Да и куда «пропасть» думаю...

* * *

Недетские забавы

Погулял вечером по Невскому, сходил снова к Петру, зрачки его сердечками попытался поразглядывать. Нихрена! То ли зрение не восстановилось до конца, то ли блоггеры ввали, то ли Петр не из моей истории. Расстроился...

Прошелся по Большой и Малой морским. Банк на банке. Полюбовался на здани воротил русского финансового мира: Русский для внешней торговли банк, Санкт-Петербургский международный коммерческий банк, Азовско-Донской коммерческий банк, Русский торгово-промышленный банк, банкирский дом «Г. Вавельберг»... Все «мааааленькие» такие, многоэтажные махины с колонами и барельефами.

По пути на углу Садовой и какого-то переулка заглянул в фотоателье Карла Буллы, зачем — сам не знаю, селфи, наверное, сделать захотелось. Ну захотелось — сделал. Сунул в карман пальто. Может княжне карточку подарю, пусть любитесь?

Как уже говорил, Беккель с Дедом днями и ночами пропадают в Зимнем, то ли у цесаревича, то ли у кого ещё. Один раз и меня брали, зачем вот только не понял. Никуда не пустили. Постоял в уголке, даже присесть не пригласили, вот и вся поездка.

Подивился причудам богатых — цесаревичу автомобильную горку прямо внутри дворца строят. Но это явные закидоны уже похоже...

Из плюсов — поймать моих типа «хозяев» практически невозможно. Решают вопросы по строительству «Русского императорского автомобильного завода». Ну а теперь регулярно приезжающую княжну приходится мне встречать и развлекать. По паре раз в день...

Приглашаю в приемную со всем пиететом к будущей хозяйке, ну а там... там Танечка попадает в мои объятия. На колени ко мне лезет, глаза закрывает и самозабвенно обниматься. Всё-таки это такое наслаждение, целоваться в запой, как в юности.

Не любовь. Жизнь от того, что эта «подруга» замуж выйдет, не кончится, небо на землю не рухнет, но будоражит, зараза, кровь! Тянет.

Конечно, с одной стороны ситуация напрягает, как-то не по-людски, но с другой... С другой рога не у меня, пусть будущий муж переживает. Не друзья и даже не товарищи.

Так... враги и временные компаньоны. И ему и мне это понятно. Завод запустит, в высший свет окончательно впрыгнет и... опять я для него черной костью стану. Выпереть на улицу скорее всего мечтает, за пережитые страхи, унижения и проблемы. Или ещё жандармов натравить захочет. Или пришлѣпнут по-тихому, где прикажут, что вероятнее. Но пока я нужен. И мне деньги хоть уже и не сильно нужны. Но пока тихо и подумать где легализоваться время вроде есть. Терпим друг друга... ждем момента.

Короче махнул рукой я на терзания совести и просто наслаждаюсь. Княжна, а что

княжна, не первая любовница и не последняя на этом грешном свете. Да и не любовница ещё, так — хулиганка.

Целуюсь, рукам свободу дать пытаюсь. Только Танечка дальше поцелуев и обнимашек не пускает. Попку через юбку погладить, но только через юбку. Память. Но осторожно!

Максимум шейку и грудь в декольте поцеловать. Ну за ушком можно и нужно — ей нравится. Дальше — ни-ни, только после свадьбы. Железная леди.

Нахулиганится, нацелуется до опухших губ, наёрзается и уходит довольная. Опять «не дождалась милого» приехавшая красавица, страдает бедная. Все её жалеют, а мне потом ходить тяжко. Желание перевешивает, крови организму на все головы не хватает.

Вот и сегодня княжна нахулиганилась и домой собралась — папаша, князь Долгорукий за нею прибыл.

Передал печальную, опять не дождавшуюся любимого жениха, невестушку отцу, дверь придержал, высокое семейство выпуская, и потопал в кабинет. Нервное возбуждение коньячком шустовским снимать. Не обеднеет Дед от раскуроченных запасов.

Пора с этим перевозбуждением что-то решать, не мальчик уже столько времени взведенным бегать. Спермотоксикоз по мозгам существенно стучать начал... Или с хулиганством. Приятно, но не более...

Налил на два пальца в стакан янтарного напитка, глотнул благородной жидкости и зад в кресло опустил. На сумочку княжны. Забыла, похоже, от переизбытка чувств, жениха ожидая.

Пришлось оторвать зад от уютного кресла и топать отдавать, пока Долгорукие не уехали.

Уже за ручку взялся, дверь открывать, когда услышал еле слышный разговорчик:

— Пап, мне надоело то за этим козлом Паулем бегать, то с Иваном как какой-то дворовой девке по углам обжиматься. Когда это закончится?

— Танечка, дочка... Потерпи, скоро Танюш, скоро. Скоро всё решим...

Ну и за дверь с той стороны взялись. Еле успел на пару метров назад как молодой сайгак сигануть...

* * *

Банки

В воскресенье решил — зашел в Азовско-Донской банк на Большой морской. Два здания. 3 и 5. Ага, в холле золота больше чем в мое время в Форт-Нокс. Подумалось, что слишком фешенебельно, если что случится, сюда и не пустят. Но клерка насчет условий вкладов попытал. И даже почти позволил клерку себя уболтать, но увидев вышедшего из элитных кабинок князя Долгорукого, желание мое пропало. Не вдохновило...

Шустро вылетел — князь вроде не заметил. Прошелся по другим, уже внимательно поглядывая по сторонам. Кажется, случайность...

Остановился на Русском торгово-промышленном, тоже на Большой морской, 15. В зачатке операционного зала представительные дядьки, услужливые клерки и ни одной девушки... Феминистки свободны, отдыхайте!

Только зашел, оглянуться не успел, один такой услужливый рядом материализовался:

— Что хотели-с уважаемый господин? Мы можем вам предложить...

И дальше как из пулемета! Вторая Анка-пулеметчица мужского рода. Может Петькой будет? Зарождающийся поток спама перебил анекдотом:

— Почему говорят, что дикие птицы яйца откладывают, а домашние — несут?

Завис мой «Петька», вылупился, программа дала сбой — реклама тоже зависла.

— Всё очевидно: домашние птицы несут — потому что для тебя, а дикие откладывают — потому что для себя. Я вот тоже деньги в банк — несу, а для себя — откладываю...

Лучше спам-машину сразу сломать, чем потом через эти завалы пробиваться. Стоит, замер, потом на лице проступила тень улыбки. Проступила и исчезла, сменившись снова маской.

— Господин хочет сделать вклад? У нас самые лучшие условия в Санкт-Петербурге, наши вклады дают 4 процента...

Опять прерываю:

— Уйду, пора вкладывать деньги в водку. Больше нигде не предложат гарантированные 40 процентов!

Смеётся, замолкает. Спрашивает уже по-человечески:

— Вы желаете что-то конкретное? — умный мальчик, глупый бы еще про юмор добавил. Этот просёк.

— Вклад на предъявителя на условиях максимальной сохранности, — подумав, добавляю, — и банковскую ячейку.

Открыл счет на пробу на пять тысяч рублей на предъявителя. Полученную чековую книжку убрал в предоставленную банком в подарок к счету ячейку. Сервис! Туда же для веса, наверное, сунул и оказавшийся в кармане ЛеФоше. Пусть как история останется, толку мало от него, а спалил знатно — пусть лучше тут полежит. Ключ себе забрал. На цепочку пока к обручальному кольцу повесил.

С клерком расстались почти по-товарищески. Еще б — червонец чаевых! Расценочки...

Все яйца в одну корзину ложить, или класть — мне можно, всю жизнь в Казахстане, россияне даже казахом в будущем звали, — не рискнул, помня российскую историю.

На Невском, на углу набережной Мойки зашел в «агентство» французского Credit Lyonnais.

— Мсье желает взять кредит?

Улыбнулся:

— Бонжур, нет мсье желает открыть счёт, — и, глядя на улыбнувшегося француза почему-то представил жену и детей, затосковал... Решение пришло неожиданно, поэтому добавил, — но с дополнительными условиями снятия.

— Мсье хочет что-то особенное?

Припоминаю бабочку Бредбери, поэтому чуть усложняю условия. При мне семья ничего не получала, значит, береженого, как говорится...:

— Да, я хочу положить сумму с правом снятия конкретными людьми после 2025 года. И чтобы ваше агентство их информировало об этой возможности. Само. — и, предупреждаю, — Я продублирую.

— Мсье нас хочет обидеть, он нам не доверяет?

— Не обижайтесь. Ничего личного, только бизнес.

— Интересная фраза, я запомню! Ваша?

— Ну что вы, мсье. Это сказал Габриель Аль Капоне...

— Не слышал о нем, итальянец?

— Да, почти... Американец...

— Писатель? Итальянцы стали писать неплохие книги, конечно не как французы, но...

— Ну что Вы. Он гангстер... — француз напрягается, собирается и совсем по-другому осматривает меня. Ни найдя ничего похожего на оружие чуть расслабляется — странный русский, видимо, шутит.

— Именно после 2025 года? Раньше нельзя? — после небольшой задумчивости француз начинает светиться, он раскусил розыгрыш это русского!

— Вы абсолютно правы. — я тоже вежливо улыбаюсь в ответ, — Ими — только после 2025 года. Мною — в любое время, но это вряд ли будет.

— И мсье знает этих людей? — он откровенно доволен, день удался. Сегодня у него будет, чем увлечь юных прелестниц. Тайны-тайнами, но чудаковатые северяне так загадочны, а девушки любят романтические истории...

— Это не главное, главное, чтобы они знали, кто передал. Вот моя фотокарточка. — я сдержанно улыбаюсь. Пусть думает, что хочет, главное — чтобы выполнил условия.

— И большую сумму мсье хочет положить на такой срок? — француз улыбается, ожидая финальный аккорд. Ему понравилась шутка.

— Вклад нужно разместить в Швейцарии. Это обязательное условие. Только там. — Выкладываю из мешочка перед ним на лакированную столешницу 5 столбиков из 30 золотых кружочков. Двойных империалов. 3000 рублей или почти пять кило золота. Честно, даже вздохнул с облегчением, таскать этот груз сегодня замучился. Курс к франку 37,1 копейки. Больше 8000 франков.

Это уже не смешно, француз не понимает — такими суммами в Европе уже не шутят. Улыбка сползает с его лица.

— Мсье знает что-то, что должны знать мы? — мой собеседник предельно серьезен, — Мы заплатим.

Ого, он даже имеет право решать? Знаю-то я, знаю, но делиться этим нельзя. И даже сомнения оставить нельзя. Поэтому, заговорщицки подмигиваю и обламываю:

— Нет, это условие наследования. Я выполняю. Дед был шутник, теперь моя очередь шутить...

Выдерживаю долгий испытующий взгляд. Глаза в глаза. Главное быть абсолютно уверенным. «Верь мне» срабатывает. Француз явно разочарован, хотя и пытается это скрыть. Он только что прикоснулся в Великой тайне, а тайна оказалась пустым пшиком. Шуткой северных варваров. Одной из их непонятных шуток. Печально.

Разговор сам собой смолкает. Быстро заполняем договор, вписываем полные данные моей семьи: имена, фамилии, даты рождения и место — несуществующий город Костанай. Вот через сотню лет озадачены будут...

Всё заполняю на русском и английском. Француз морщится, но пишет. Не любят лягушатники бриттов, только кто ж их любит? Соглашаемся на 3 % годовых должно набежать порядка ста тысяч рублей. По меркам начала двадцатого века очень-очень приличная сумма. Если в золоте, конечно.

Отдельно требую прописать штрафные санкции, заслуживая недоуменный, но уважительный взгляд оппонента. За дополнительные условия агентство «сдирает» с меня еще 200 рублей. Оплаты за обслуживание счета нет. Банкиры ещё не придумали брать плату за положенные деньги. Они просто «жмутся» в процентах. И подсказывать я им не собираюсь...

Подписали. Довольный, но жутко уставший, выхожу на Невский. Пора домой.

Выхожу и нос к носу сталкиваюсь с княжной Танечкой Долгорукой. Банков, что ли в Питере мало, что везде на их семейство натыкаюсь?

— Мой рыцарь, как хорошо, что я тебя встретила! — это я немного в ступоре от встречи, а Танечка реагирует мгновенно и тянет меня к стоящей закрытой карете, — давай не на Проспекте.

— Княжна, Татьяна Николаевна, у меня еще тут делишки, — держу улыбку, осторожно освобождаю руку от цепких пальчиков. Мне, почему-то после вчерашнего подслушанного разговора жутко не хочется в этот её лакированный «ящик». Попахивает банальным захватом. И ни Ле Фоше уже, ни нового Кольта с собой нет — пустой. Только шука золотыми монетами в мешочке...

Или это паранойя от подслушанного разговора выиграла? Так Долгорукие, вроде, не в курсе от моих знаний. Знания — это мои печали. Морду кирпичом и поприветливее с девушкой, поприветливее! Счастья на лицо побольше...

— Ваань, хорошо, что я тебя встретила без Пауля. Поедем к нам, папенька хочет с тобой поговорить, — легкая тень чуть набегает на ее лицо, но чуть тряхнув головкой и воровато стрельнув глазками по сторонам, княжна улыбается и требовательно подставляет губки для поцелуя.

У меня даже глаза на лоб чуть не полезли! На Невском!? Чужая невеста да из высокоблагородных!? Но что здесь остается делать? Всё ж хороша чертовка, очень хороша и держится хорошо. Целую подставленные губки и снова попадаю в коготки княжны. Цепкие коготки. Даже через лайкру перчаток ощущаются.

— Срочные делишки Танюш, извини...

— Ванюш, это не обсуждается, — на моё покачивание головой шипит, но все же продолжает, — Вань, тебе угрожает опасность, — княжне не уютно, такое поправление девушкой нравов, публично вешаться на чужого дядьку при живом-то женихе, да еще приближенном к Двору, да еще на Невском, высший свет может и не простить, — поехали пока нас тут не узнали.

Ага, шаз, мне угрожает, поэтому ты сорвалась меня искать, во французском банке... Да и вешаться так не стала бы. Разные мы... и не любишь ты, не стреляй глазками. Тут твой кровный интерес в чём-то, княжна! Твой!

Как бы в личных застенках не оказаться. Однако бесить князей мне пока себе дороже — живу тут. Хотя очень интересно, если сейчас откажусь, она меня за кутикулы потащит или всё же отпустит? Зеленые глаза уже не изумрудные, а почти желтые, тигриные, злые. А похоже... потащит! Точно потащит!

Как ни не хочется, но заставляю себя с улыбкой шагнуть к карете, игнорируя лакея сам приоткрываю дверцу, чтоб пропустить девушку, но получаю толчок в спину и шипение:

— Быстрее...

[1] **Credit Lyonnais** — первый и долгое время единственный в царской России филиал иностранного банка, начавший работу в 1879 году

[2] **Nothing personal, it's just business** — фразу приписывают Отто «Аббадабба» Берману — бухгалтеру американской организованной преступности.

Дамы и господа! Не забывайте про лайки и приятные автору комментарии)

Глава 10

Отрыв

Карета

Карета оказалась пуста, зря переживал. Только я и Долгорукая. Обострившаяся паранойя, походу, с ума сведет. Чуть расслабился, что группы захвата не оказалось, и зеванул — от княжны охрентительную пощечину схлопотал. Каюсь, сам виноват.

— Это тебе за то, что перед банком меня душой выставил и упрашивать на людях заставил! — а знатно зарядила, щеку жжет! Да и сама шипит, рукой трясет!

Не успокоилась, еще и второй раз замахнулась. Поймал руку. Вот же ж женская натура! Драться не умеют, бегать — тоже, а нарываться любят!

— Второго раза не будет, Танечка! — чуть сжал дернувшуюся ручку, — Не понимал тех, кто бьет своих женщин, но и к позволяющим себя безнаказанно лупить по морде лица, тоже не отношусь. Запомни.

— И что ты мне сделаешь? — дергаться перестала, но прищурилась как Снежная Королева, еще чуть добавила — и плечами бы от повеявшей стужи передернул.

— Не нарывайся княжна! — взгляд само-собой выдержал, улыбнулся. Только вот зачем мне сейчас эти рамсы? С учетом такой активизации действий Долгоруких и мое время у Беккеля похоже подошло к концу, валить нужно. Сегодня. Но сейчас вроде время у меня еще есть. И Танечкина пощечина тому подтверждение. Только мало времени, катастрофически мало...

Вопрос, что нужно князю от меня и что он может предложить? Мне, соответственно. Если ценное, то рамсы с княжной для меня лишние. Может перевести в типа любовь? Глупого влюбленного сыграть? Не зря же девушка так старалась... цинично, но лишним не будет:

Любимых никогда не обижайте,
Прощайте слабости, ошибки и грехи,
Любимых никогда не предавайте
В минуты ревности, разлуки и тоски...

А вообще, с чего это должно быть по ее? Или правильнее «по ейному»? Ну-ка, а если обострить ситуацию, оскорбиться и попробовать прыгнуть с этого поезда?

— Танюш, тормози карету. Нам не по пути. — опа! Проняло Снежную Королеву!

— Я так тебя обидела?

— Тормозите княжна!

— Ваааань, прости меня, дурочку, — в глазах слезы и лезет обниматься. Актриса! Слёту «переобулась», я со Станиславским отдыхаем! Порода и воспитание всё-таки фантастическую фору дают, восхищаюсь я ею...

Ну и что делать, если к тебе в такой ситуации лезет целоваться очень красивая девушка очень важного папы? Сопротивляться? Вот я и сопротивлялся, даже целых пару минут сопротивлялся, а потом подумал-подумал и... капитулировал. Только сдался в плен, как тут же был оседлан, устроившейся у меня на коленях княжной. Чтоб без вариантов, чтоб карету даже не думал покидать.

Дальше просто хренел со сценария «влюбленная кошка». Экипаж трясется по брусчатке

проспекта, на моих коленях скачет и ёрзает Долгорукая, грозя сделать меня половым инвалидом. А я... Что я? Целуюсь и думаю, думаю и целуюсь...

Что Долгоруким так приспичило, что им от меня нужно, раз единственная наследница такие вензеля выписывает? И браком, и положением в свете рискует, мозги мне постоянно своим лямуrom сбивая? Или пытается на поводке чувств держать? По краю ходит, но пытается. Или другого «поводка» предложить с папашей мне не могут?

А ведь эти кошачьи пляски после гонки начались. Явно после гонки. Точнее наутро после дворца... Или поцелуй уже был прилюдией? Хм...

Удачлив и умен? Собрал топовый драндулет? Хорошо, не просто драндулет, а победитель взорвавшей мир императорской гонки. Ну и что?

За неделю фонд гонки привлек сумму почти с шестью нулями? Это конечно по текущим временам круто... даже мегакруто... Но... тоже не то! Мелковато для Долгоруких...

Спас от поползновений царя? Фигня!

Беккеля в Николаевское окружение чуть ли не волшебным пенделем вытолкал?.. И что? Сам-то мимо Зимнего пролетел! Да и для князя это вообще должно быть как мышьяная возня...

В управляющие нанять, чтоб таньгу стриг да благосостояние повышал. Максимум инженеришкой привлечь, новые чудеса творить. Я бы понял... Вообще, как приданное при свадьбе с Паулем, скорее всего, отошел бы.

Не понимаю! И не понимаю, что ждать...

Так, а что это княжна целоваться перестала? Ааа... Задумался и рукам слишком много воли дал, почти добрался до благородной попы. Почти... А Танюша отстраниться пытается, кальсончики и панталончики подтянуть. И надулась как мышь на крупу:

— Вань, ты меня опозорить хочешь? — и глазами хлоп-хлоп, убойное оружие! — Ну потерпи, не много осталось!

Опозорить? Через юбку, кальсоны и жакет — делай, что хочешь, наслаждай красавицу! А дальше ни-ни! Сам же терпи... Так еще и проститутотом себя чувствую, которого сея юная особа, не стесняясь пользуется как хочет.

Задолбало! Еще раз обострить или не стоит? Или вообще всё послать в пеший эротический поход?

Стоп! «Немного осталось», до чего осталось? Что за оговорочка?

* * *

Князь

Из кареты в особняк на Литейном спутница утащила как тягач — за руку и чуть ли не бегом. Само собой с черного входа. Мне даже интересно стало, как Танечка вертеться будет, если папаша дома не окажется?

В темном коридоре в какой-то веселой безбашенности решил довести ситуацию до абсурда — попробовал зажать княжну и добраться до юного комиссарского тела. Уже по серьезному. И мозг и кипит от мыслей, и возбужденное тело своего требует.

Пофиг! Да и отношения так выяснять проще... быстрее морду набьют и выгонят.

Княжна до новых пощечин опуститься не рискнула. Постоянно выкручиваясь, потащила дальше. Молча. К лестнице и в хозяйскую часть дома.

Точнее позволил вывернуться и потащить. С трудом, но позволил. Не идиот же... Но перестаралась Танечка. Если князя не будет — попадос ей может случиться...

Не судьба, не случился. Как выскочили из коридора к лестнице, так сразу и вывалились на князя. Взъерошенные и расхристанные. Пыхтящие. С моими руками, добравшимися уже совсем не туда, где их мечтают видеть отцы приличных дочек.

Я думал взорвется папаша, но очарование пикантнейшей сцены разрушила княжна.

— Папенька, я Ивана привела! Как ты наказал! — пискнула и, светя пылающими малиновыми ушами, усвистала по лестнице наверх. Пытаясь оправить юбки.

Морду бить? Теперь и неудобно как-то... Подзависли и оба проводили ее взглядами. Только князь озадаченно-задумчивым ее спину, а я — нагло-восхищенным — то, что чуть ниже.

А вот взгляд князя на меня мне уже откровенно не понравился. Радость и предвкушение в нем были. И наконец-то завершившееся ожидание хищника перед броском.

Ну а я, что я? Сами, значит, избрали такой путь, а мне смущаться? Щаааз! Как там учил на семинарах мастер Вадим Шлахтер? Наглость второе счастье, попался на горячем — ошеломляй! А тут столько усилий потрачено: меня и притащить, и так красиво подставить... грех не воспользоваться. Остатками сомнений мелькнула мысль: «Эх, Таня, Таня... чему тебя папа учит... не играй людьми... они ответить могут».

— Николай Николаевич, вы не представляете, как я рад вас видеть! — ну а что? Главное не зевать и на прямой в челюсть не нарваться, шагая с улыбкой и распростертыми объятиями к отцу облапаной мною княжны.

— Ээээ... — видимо, не ждавший такого князь, подрастерялся и, оказавшись в моих объятиях, дернулся да оглянулся на лестницу вслед убежавшей дочери!

— Абсолютно согласен с Вами! Танечка Николаевна просто само очарование! — и, пресекая попытку перехватить инициативу, беру князя доверительно под руку, — Не поверите, я просто без ума от вас и от нее!

— А... ааа... — странный он. Тут не XXI век, ситуация обострена мною до однозначности — морду бить наглецу нужно срочно и гнать в три шеи, а он мямлит и мнется. Почему-то не решается хотя бы просто вышвырнуть меня вон? А может правда мезальянс предложить? Чем черт не шутит... Понятно, что мне эта женитьба уже никуда не уперлась. Кто ж поверит после этих игрищ? Ладно, и сам не святой, и все женщины делятся на красивые, верные и красивые, верные, но резиновые. Но если князь на это поведется, то это серьезный повод задуматься о моих перспективах дожить до завтра... Но хотя бы сейчас отсюда уйду спокойно.

— И она меня любит! Как же ж без любви!? — побольше патетики в голос и пойманный мною врасплох и заспамленный князь тормозит за потоком слов. На контроль движения его ошеломленного мозга не хватает. Поэтому мне приходится подправить его траекторию. Чтобы не влип во выплывшую нам на встречу и пышнотелую тетку в одеянии горничной.

— Да я...

— Князь, представляете мои таланты и Танечкина красота? Петербург падет! — напроочь игнорируя прислугу, добавляю, — Да что там Петербург? Рим падет!

— Ка...ка...как... — краем глаза вижу как округляются глаза у тетки. Всё, слухи точно поползут.

— Вы правы Николай Николаевич, некрасиво! Нужно с этим что-то делать,...а может мне Пауля Фридриховича грохнуть? — подмигиваю толстой тетке. У той в ответ отвисает

челюсть.

— Что сделать? — в сердцах в душе плююсь за оговорку. За словами следить надо лучше! Сейчас еще не грохают. Я тормознул, и князь отмирать сразу стал. Сорвался.

— Грохнуть. Замочить... Ну, Николай Николаевич, вы из себя девочку то... в ад сплавить, чтоб не мешался... и невесту мне, — перегнул, только в чем опять не понял. Мало информации, мало! Бледный Танечкин родич чуть не рванул от меня. Еле поймал и удержал. Но удержал.

Только вот князь отвис, зло глянул на греющую уши прислугу, шикнул мне: «Не при них!», горничной в полный голос: «Матвея зови!», ну и потащил меня к себе в кабинет.

В кабинете Долгорукий в первую очередь дернулся к бару и бренди по стаканам плеснул. Первый стакан залпом сам тянул. А потом уж доразлил и мне снизошел предложить. Ну и сигару предложил. О как его прижало! Точно, завтра небеса разверзнутся и Тунгусский метеорит прилетит! Или уже прилетел? Вот же ж, не помню, историю надо лучше учить...

Сели, сидим, тянем благородный напиток. Молчим. Я тяжелый стакан в руках баюкаю, грею. Игра, кто первый заговорил, тот подсознательно слабее. Мне легче, я после Танечкиных попрыгушек больше об отбитых местах думаю. Логично, что терпение у князя первого сдает. Или очухался просто? Решился?

— Иван Сергеич, вы его... грохнуть... из-за спидстера предложили? Из-за того, что он от завода вас оттер или из-за Тани? — ага, щазз прям и ответил!

— А вы думаете, что через год-два этот спидстер кому-нибудь нужен еще будет?

— Мда... — князь морщит лоб, — вы считаете, что Беккель не сможет запустить автомобильный завод?

— Почему? Может и сможет. На какое-то время. Только ничего нового он предложить не способен. Будет только чужие идеи копировать. — видя недоумение князя, поправляюсь, — Повторять. А таких конкуренты быстро съедают, — морщится Татьяна папá. Неужели финансовые планы князя походя похерил?

— А вы?

Чуть пожимаю плечами, что тут отвечать, и так понятно — создал же. Опять молчим. Вот что ему так от меня надо? Ну не инженер же!?

— У Пауля Фридриховича есть финансы...

— Николай Николаевич, ну не смешите меня! — смеюсь.

— Ну да, ну да... Всколыхнули вы Иван Сергеевич своими финансовыми прожектками Петербург. И бритты, и французы, и германцы как мухи теперь вокруг Двора вьются. — ага, похоже первая причина долгоруковского ко мне интереса, значит, все же деньги. Жадность князя обуяла?

Опять сидим, молчим. Князь что-то свое прикидывает. Я улыбаюсь ему, а сам напряженно дальше мысль думаю.

Жадность? Да, жадность. Золотой теленок ему нужен. Но только не это главное, не это. Это только как приятный довесок... Неужели правда единственную дочку согласится за меня отдать?

— Насколько вам можно доверять?

Слегка, одними уголками губ улыбаюсь. Глупый вопрос. Слова ничто, смотреть нужно по поступкам. Князь похоже пришел к тем же выводам.

— Мда... Глупый вопрос... Пауля с гонкой не бросили... и Танюшку из дворца

вытащили...

Опять молчим. Долго. Но, похоже, князь все же решился. Я уже делать вид, что прихлебываю из стакана теплый бренди устал.

— В районе Обводного канала у заброшенных заводов из снега вытаял оплавленный черный круг... — а сам на меня смотрит и дрожащую руку под стол сунул. Типа я не пойму, что он за ствол схватился. Особенно после сдвоенного щелчка. Курки взвел. Значит или договоримся, или меня отсюда вынесут. Ничего не понятно, но финал уже ясен, и хотя бы это хорошо. Только с чего это он меня так боится? — На брусчатке мостовой и на кирпичных стенах... Оплавленные подтеки камня...

Молчу. Делаю вид, что за щелчки не понял. И покерфейс держу. Удержал, хотя бренди от неожиданности, да и, честно, мандража не в то горло пошло. Не думал, что с этой стороны зайдет, думал с гонкой и спидстером княжеские подкаты связаны будут. И под взведенными стволами сидеть страшно. Откровенно страшно.

Что тут сказать? Молчу.

— И три растерзанных трупа в странных одеждах недалеко от этого круга!

Значит со мной не только та нога в берце перенеслась. В странных одеждах это как? И кому еще не повезло? Недоперенеслись... Смотрю на князя, жду продолжения, а он вылутился на меня и замолчал. И что делать? Молчать? Соглашаться и признаваться? Нет, молчать дальше тоже нельзя, князь бледный и трясется везь! И зарядить в меня может на нервишках...

— Уважаемый Николай Николаевич, вы меня заинтриговали. Мне прям жутко интересно, такая таинственность, трупы... Прям, в Петербурге мало их находят? Да вы загляните вечером на Апраксин двор или на Лиговскую к ГОПу, найдете, не один труп. — не пойму за он кого меня принимает?

— Так растерзаны же! — да, видок у князя еще тот, губы белые и чуть трясущиеся. Взгляд бешеный и какой-то дикий. Разительный контраст с тем, что было пять минут назад. Как плотину внутри князя прорвало. Держал-держал всё в себе и снесло. Не выдержали нервы? Или наркоман, вроде слышал, что Высший свет на английский морфий моду взял, подсесть на наркоту стал?

— Ой да бросьте вы Николай Николаевич! Собаки или крысы поди погрызли да и всё... — главное не дергаться, а то, правда, шмальнет. Сам до трясучки меня боится, но дочь зачем-то посылал.

— А круг? А у князя капельки пота по виску потекли. Сидит и на меня пялится. Не отвечу — точно палить начнет. Думай, голова, думай! Шапку куплю!

Хм... — он меня не за адскую ли тварь, принимает? Не поймешь этот Высший свет. То морфий, то спиритизм, то еще что... — Да поди химики опять какую-нибудь хрень испытали. Вот и круг вам выжгли.

— Складно врешь, Тварь! Только тебя видели выползающим из этого ведьминога круга! — князь рывком вытащил из-под столешницы обрез двуствольного ружья, калибра похоже, 12 или даже более. — Не дергайся Тварь! Ружье серебром освященным заряжено!

Да, таким в упор по стене размажет. И серебро там освященное, или свинец обычный, мне без разницы будет.

— Видели тебя! И опознали уже! Еле перехватить доча успела!

Не уютно под стволами, однако. А у сумасшедшего под стволами вдвойне неуютно!

И неожиданно. И дома значит уже ждут. Только кто? И я Долгоруким теперь должен

быть обязан? Незадача, князь тоже живым не выпустит, иначе б стволами не тыкал.

— Николай Николаевич, вы уж в крайности-то не кидайтесь. То почти «любимый зять», то «тварь» и стволом тыкать, я ж и оскорбиться могу. — крутого качаю, а у самого поджилки трясутся. Даже смешно стало, оба с князем сидим и трясемся, — Круг какой-то там или квадрат, но ваш какой интерес? И мне что с того?

— Омолоди меня!

— Чего???

— Омолоди! Жить хочууу! Дочь замуж отдам, все сделаю! Верни здоровье!

— Князь, вы в своем уме? — он что, вообще связь с реальностью потерял?...

— Не ври, Тварь! Всё про тебя знаем! Слышал, сам слышал — все, кто у круга были — помолодели! Вон и фон Вале говорил!

— Ну так, вперед к вашему кругу и омоложайтесь!

— Так не работает он уже! Не работает!.. — и с подозрением уставившись на меня, — Или ты, Тварь, издеваться надумал? Так я тебя быстро серебром нашпигую!

Нет, так дело не пойдет, этот псих сейчас просто палить начнет. Надо как-то накал сбивать...

— Николай Николаевич, будете тварью обзывать и стволами тыкать — ни до чего не договоримся!

— А кто ты если не Тварь? Тварь адова ты и есть! Прав Владыко, — не понял, какой владыка? И что этому сбрендившему отвечать?

— Так где он и где я! Поэтому я только Иван Сергеевич!

— Если б не я ты б уже с ним повстречался! С его надзирающими и тайной полицией! Ищут тебя, а я спрячу... золота дам, много! — так, проясняется. Таинственный «владыка» похоже из церковников.

Жандармы во главе с Вале и церковники с владыкой. Плюс еще этот возжелатель второй молодости... Приплыли. Попробовать поотбалтываться? Бесполезно. Все равно не выпустит. Ему уже резона меня выпускать нет. Слишком значимым силам дорогу перешел, уводя меня у них из под носа... По быстрому запытает, а его люди по кускам вывезут куда-нибудь. Расчленят и избавятся в лучших традициях Санкт-Петербурга.

И предложить мне нечего. А, была не была...

— Золота мало. Души нужны!

Что делать? Тикать однозначно! Только вот как. Три метра до князя, а между нами стол и ствол. И маятник качать не умею. Да и бесполезно против дробовика это. Но кроме силового я расстаться с князем вариантов не вижу. Не заболтаю. И так и так не он, так люди его не выпустят, всё равно закопают. Или в заложники князя брать?

Только так.

Главное принять решение. А для этого что? Для этого сначала уберем себя с линии ствола. Ну, или ствол с себя. И переводя взгляд в бок, в окно, ахаю:

— Жандармы...

Инстинкты никуда не денешь, и князь дернулся к окну. Отворачивая от меня. Ну а я, швыряя стакан в голову, упал к столу.

Глухой стук попадания стакана заглушил грохот выстрела. Я ж на карачках как гордый лев огибаю стол, вскакиваю и луплю его со всей дури в челюсть. Ошеломил, но не вырубил. Зато хватаю упавший обрез со стола. Один патрон, левый ствол заряжен. Живееем!

Под грохот вылетевшей двери подхватываю качающегося князя, прикрываюсь им, и ору

врывающимся мужикам:

— Стоять, а то я князю дырку сделаю! — ну и обрез ему в бок. — А ну к двери!

Замирают. Князь «плывет», держась за разбитое лицо. Все-таки хорошо я ему залепил.

— Ну и как княже расходиться краями будем?

— Найду... — упертый! Тыкаю жестко обрезом под печень. Хрипит, но затыкается.

— Ты, князь, выживи сам сначала!

За спинами мужиков раздается перестук каблучков и девичий вскрик «Папенька!». Вот и Танечка Николаевна пожаловала, а не поменять ли мне заложника? Не... не пожалеет княже дочки...

— Милая барышня, пройдите сюда, а то ваш папá сейчас упадет, и мы стреляться начнем. Первая пуля ему достанется. Вам это надо?

Протолкалась и вышла. Не труслива. Или такая же психованая?

— Стоять! Стоять Танечка! Ближе не подходить!

— Что тебе надо, гад?

— Танечка, я не гад. Гад бы тебя людям фон Вале сдал... Да и целоваться, надеюсь, б ты с гадом не стала... Так что полегче... А нужно мне с князем отсюда уехать. — и, сжимая задергавшегося князя, продолжаю, — Не бойся княже, пару-тройку кварталов отъедем и отпущу. Пальцем не трону — обещаю. Если умничками все будете, конечно...

Молчат. Князю не до разговоров, всё еще плывет. Несбывшаяся невестушка глазами сверлит.

— Танюш, ты же будешь умничкой?

Кивает, медленно, но кивает. Красива чертовка. Боится, губки и кулачки сжаты, трясутся, но подбородок вздернут и глазки яростью пылают!

— Ну и умничка, Танюш, тогда сбегай и коляску на двоих... На двоих я сказал!.. прикажи запрячь. Да поторапливайся, а то вот Николай Николаевичу совсем что-то худо. Ноги не держат... болезного!

Странно, но дальше, как по маслу всё прошло. Белого, качающегося и перемазанного кровью князя сунул в коляску и покинул «гостеприимный» особняк. Шипение дворни проигнорировал. Напоследок предупредив, что увижу преследование — князя живым не увидят. Вроде прониклись.

Отъехав пару кварталов, стянул князю руки за спиной его же ремнем.

Пора «смазывать лыжи» окончательно. Обложили меня, демоны! Но и уходить, всё бросив, тоже нельзя. Ну да, тысяча золотом до сих пор с собой. Большие, в общем-то, деньги, но и остальные пятьдесят пять штук дарить как-то не хочется. Мне еще на дне полежать на что-то нужно. И оставшиеся корочки пустых паспортов... Короче, жаба душит, сил нет.

Дома меня ждут. А вот у Беккеля может и нет. Всё же выходной сегодня.

Вставил этому болезному кляп, чтоб не заорал, и покатыл к Владимирскому проспекту. Объехал восьмой дом, вроде ничего подозрительного ни спереди, ни сзади не видать. Те же журналисты, те же жандармы. Поэтому решил зайти с парадного. Остановил у входа, к князю наклонился. Улыбнулся. И со всей дури влупил огрызком приклада князю в лоб. Нокаут, пульс есть. Не перестарался. Обрез разрядил и кинул в коляску под ноги. Ну и патрон туда же кинул. Не с ними же по городу таскаться?

Зашел, поздоровался с работающими мужиками. Беккелиты ставят, деньгу зашибают. Но уже не мне. Мой срок вышел.

К своему верстаку прошел, еле вытащил жестяную банку из-под Шуваловских конфет.

Тяжелая зараза. Сверху болтики всякие, гаечки, а внизу килограммы золота монетами и ассигнации мелочью. В довесок к бланкам.

Успел. Уже дошел до черного выхода и дверь закрывал, когда в парадную жандармы со священником вломились...

* * *

Бульдог

Или не узнали или что еще помешало опознать, но по дворам спокойно ушёл вдоль Владимирского проспекта к Невскому. Там решил спуститься до Лиговской и, дав кругалю, все же заглянуть домой. Добираясь до жилья, зашел в Дом Бризак. Сначала прикупил плащ котелок и пиджак. Ну и пару-тройку необходимых мужчине мелочей. А потом подумал: «Какого черта?! Один раз живем! Да и кто будет искать беглого механика в богатом аристократе?». Заказал самое-самое. Ну и на тысячу ассигнаций облегчился. Дорого, ну и что? Зато и подобрали, и пошили, и переодели. Ну и «облизали», дав время успокоиться, да мозгами пораскинуть.

Заодно и для коробки с золотом саквояж прикупил, а то в руках таскать замучался. Ну и в подворотне от лишнего железа избавился.

Добрался до своего дома. В смысле доходного, Дедом рекомендованного, без приключений. Только плащ по дороге еще раз поменял...

У двери парадной соседнего доходного дома Тряничева застал черную закрытую повозку. Дядька армейской выправки рядом с ней смолит папиросы одну за другой. И на мостовую окурки бросает.

Как поставили, видимо, спиной к стене, так и стоит как на посту, только на мой флигилек постоянно взглядом стреляет. Нервничает и ждет.

Небогатая повозка, неброская, но крепкая и вместительная. И дядька непрезентабельный, небогатый. Не высокий, но мощный как кабан. И что удивительно, наш грозный дворник, это непотребство от этого свинтуса молча терпит. Спрятавшись в подворотню. Видать хорошо шуганули служителя метлы и лопаты.

Ждут...

На квартиру не пошел, хотя жаба вопила и душила невероятно — жалко и кольт, и деньги, и паспорт. Ну и котенка жалко, хотя, уверен, его домомучительница после мною устроенного десанта мышей никому не отдаст. Хорошо хоть айфон и часы в тайник в подвале спрятал — точно не найдут. Надо потом, когда всё успокоится и забудется, приехать и куда-нибудь понадежнее перепрятать. Лет через сорок-пятьдесят потомкам будут бесценными артефактами для изучения.

Жабу задушил. Вдохнул и, пятясь, отыграл назад. Ну его, кольт и купить при желании можно, паспорт — как и личину — всё равно менять. А пять тысяч золотыми кружочками с царственным профилем — так их под подоконником еще найти нужно.

Зря, что ли я остатки в семь сотен бумажками под матрасом и в одежде держал? Две специально публичные заначки. Наши — радуйтесь, всё!

Остальное пусть думают где. Может Долгорукие идейку с банками подкинут. Докумекают же зачем я к французам заходил. Только и там вряд ли им что отдадут — ни одного именного вклада не оставил. Но и мне могут не вернуть. Кстати, остальные деньги

тоже лучше по каким-нибудь банкам раскидать, хватит с собой золото килограммами таскать.

Уйти-то ушел. Только вот куда теперь податься? Место обитания менять однозначно нужно, как и круг общения. И лучше сегодня отмигрировать. Завтра и до оцеплений с прочёсыванием додуматься могут. Или городских с дворниками напрягут, те сами за малую мзду и найдут, и возьмут тепленьким. Уходить вообще из города нужно...

Без оружия жутко неудобно, сросся уже, как назло, ни старого револьвера Ле Фоше, ни кольта.

Ни разу не применял, но грели они уверенностью, а сейчас как голый иду. Поэтому в каком-то переулке обрадовался, увидев вывеску оружейного магазинчика Чижова. Чуть не бегом бросился в этот уже закрывающейся по вечернему времени мирок свинца, пороха и масла. Не та «скромная» лавка на Звенигородской конечно. Так — лавчёнка. Шутка. Но сильно скуднее и беднее.

Пистолетов не оказалось от слова вообще, из револьверов только четыре: новый, но какой-то хлипкий наган, царапанный бэушный бельгийский бульдог и пара длинноствольных Адамсов.

При всём «богатстве» выбора брать кроме бульдога нечего. Длинноствольные «американцы» не в тему, а наган и солдатским одинарным ударно-спусковым механизмом, и откровенно кустарным изготовлением не порадовал душу.

Бульдог, правда, оказался тоже с подвохом — с каким-то диким калибром. Пули 0.44 дюйма, на слона, наверное, лили. Почти 11 миллиметров в диаметре, мизинец в кургузый ствол лезет. И снаряжены патроны еще дымным порохом. Но, как не странно, револьвер достаточно удобно лег и в руку, и в кобуру. Пять патронов последнего шанса в барабане.

Полагаться на заверения продавца, что это карманная модель, не стал и просто осчастливил его, потратив еще пяток рублей на скромную открытую поясную кобуру и пачку в 25 патронов.

Ну и складной нож взамен оставленному на квартире засапожнику взял. Про себя посмеялся: «Колбаску там порезать... или еще кого задушегубить».

* * *

Далекая Финляндия

Что делать, куда податься поздним вечером человеку, когда его ловят и некуда идти?

Искать квартиры или гостиницы, имея хвост из жандармов и церкви? Может и можно какому-нибудь Бонду, но я не рискнул. Поймал извозчика и уехал на Финляндский вокзал, а там — на поезд и адью!

Хотел взять до Гельсингфорса — столицы Великого княжества Финляндского, — и покинуть гостеприимную столицу Империи, но потом заметил две подозрительные личности очень уж внимательно прислушивающихся к моей беседе с кассиршей — то ли местный криминалитет уши греет, где денежку найти, то ли уже по мою душу топтуны землю роют...

Переиграл. Решил поплодить сущности и взял билет до Рийхмияки. Правда, билет смог купить только в первый класс.

Подумал-подумал, разглядывая билетик, — явный след посчитал необходимым оставить, по методике Штирлица. Пусть из множества возможных гипотез мои преследователи попытаются вычленить единственно реальную. И спичечный коробок ищут. Ресурсов не хватит!

Для того, чтобы усилия не пропали даром, что нужно? Правильно, чтобы утром моё отбытие точно в сводки градоначальнику попало. И, не важно, как — слушком, рапортом жандармов или газетным репортажем. Вообще шикарно, чтобы еще и двумя-тремя путями. Ну а дальше и до моих ловчих донесут...

Во-первых, решил поднапрячь служителей чёрных кабинетов. Родине так сказать, долги отдать, да и Беккеля с Дедом тоже «отблагодарить» за хлеб-соль и разбитое рыло, пусть жизнь и им мёдом не кажется. Купив несколько конвертов с открытками, написал послания.

Беккелю: «Ушел по плану. Уезжаю, как и договаривались с Вики. Буду шестого». В левом углу нарисовал символ НАТО. К открытке в конверт вложил оторванную половинку пятирублевой ассигнации.

Одному Беккелю писать бесполезно, и не перехватят, и особо не поверят. Что там Долгорукий про бриттов, франков и гансов говорил? «У Двора пасутся»? Вот пусть и попасутся. У нас их всегда или любят, что аж в зад целовать готовы, или ненавидят. Из крайности в крайность.

В здание на Дворцовую набережную, дом 4 отправил шифrogramму. Ничего сложного — простенький код Цезаря. Но голову поломать должны, иначе не поверят: «Qcjsvmirh, xlimrziwxqirxweviwyggiwwjyp. Zmw — e — zmw mw fvmhpih fc ejeqmpc» («My friend, the investments are successful. Vis-a-vis is bridled by a family»- «Мой друг, вложения успешны. Визави взнуздан семейкой»). И вторую половинку пятирублёвки. Наш Николая, который второй, может мозгами больше думать будет, а не одним местом, выбирая болезную императрицу.

Даже если дойдет письмецо — проморгают наши славные жандармы — пусть сэр Джордж Уильям Бьюкенен сломает голову, что это и от кого. Может свободного времени у британца гадить чуть поменьше будет.

Хотя не должно дойти не прочитанным, это будет уже верхом беспечности и непрофессионализма.

Открытку выбрал с видом Зимнего дворца, ну и над дворцом стилизованное всевидящее око в треугольник вписал.

Даже не знаю, что еще можно тут накрутить, чтобы мозги и жандармам и бриттам сломать от числа гипотез. Если только цифру 1917 в глазу написать?

Посидел, подумал и решил чуть дожать. Может у жандармов хоть что-то дельное выйдет — влияние окружения на царя снизят? Германцам, на Морскую написал: «Эдди продал Николая больную кровь. Наследника не будет. В Большой игре всё отдаст французенке». Ну и опять зашифровал старым, так доставшим меня еще на парах криптографии шифром потомков Аарона — Атбашем. Пусть потом будет Аллоизычу плевок из прошлого на нежную нацистскую ранку. Типа арийцам от евреев, пардон, здесь и сейчас еще жидов.

Вспомнил пары и наш Кустанайский универ — на скупую слезу пробило. Лирика... Работать нужно, до поезда уже не долго.

Два письма в посольства из одного ящика — жандармы просто обязаны просмотреть всю почту или я ничего не понимаю в перлюстрации!

Долгорукой отправил не запечатанную открытку со словами: «Восхищен красотой и

умом! Танюша, бросайте всё и выбирайте воды Австралии. С любовью Ваш Влюбленный Рыцарь» — пусть будет шанс спастись в той будущей кровавой бане, что ждет Россию. Всё-таки такая статья и такие мозги как у Танюши должны иметь будущее. Хотя бы как генофонд для человечества. Да и надежда не умерла еще раз к Ташечке подкатить. Уже без папы и по серьезному...

Надеюсь, поставлю питерскую службу царской охраны на уши. Пусть поломают голову. Да и жандармерия с тайной полицией пусть мышей лучше ловят — высший свет получше шерстят.

Ну и след отправления — Финляндский вокзал.

Главное, чтобы меня не поймали, а то шуточки над кабинетами перлюстрации очень сильно боком выйдут. Хотя... Полагаясь только на зрительную-то память сотни-полтора лиц, что меня видели и знают. До хотя бы тотальной паспортизации с повальной фотосъемкой, думаю, это слишком маловероятно. Главное по дурацки не попасться.

Кинул в почтовый ящик письма. Одно дело, надеюсь, сделано. Накидал конспирологических гипотез — теперь скандальчик. Как раз времени впритык осталось.

Что сотворить такого, чтобы утром об этом и сплетничали, и дежурящий городской по инстанции вынужден был передать, но меня, как зачинщика, не задержали? В голову как ни ломал пришел только пьяный дебош совсем потерявших берега новых русских. Ну или не новых для этого времени.

Образ как-раз в стиле...

Задержит простой городской богатого буратину? Сам — ни за что, нужны ему потом такие проблемы? А времени «подумать» и «вызвать кавалерию на подмогу» я ему не дам. Уеду.

Вздыхаю, страшновато и не хочется, но бежать без оглядки глупо. Проще сейчас чуть рискнуть и послать все хвосты искать меня подальше, чем потом бегать и трястись, думая, где они меня ищут.

Пусть будет ещё один мой след...

Беру в привокзальном ресторанчике бутылочку коньячка и к коньяку мясной закусочки. Гуляю!

Шустовского не нашлось, пришлось довольствоваться бутылочкой «Древний Эривань». Ну и приговорить для запаха пару рюмочек. Недурственно, я б даже сказал божественно!

Особенно, под ломтик нежного птичьего мяса. Дикого. То ли рябчика, то ли фазанчика. Знали ж предки толк, в том, как и что подать, да как угодить. И куда только потеряли? Выродили до эрзацконьяка из заварки на промышленном спирте и обжаренной ножки Буша.

И ценой-то за этот пир желудка всего лишь в очередную пятирублёвку. Для меня сейчас мелочь, но в душе шевельнулась жаба — всего лишь в стоимость лошади с упряжью — несбыточной мечты и кормилицы сейчас многих российских крестьянских семей... Этот «хруст французской булки» окончательно испортил настроение и разбудил, похороненного в ушедшем детстве, пионера.

Дежуривший на вокзале полицейский чин при моём появлении с полупустой бутылкой коньяка не прореагировал практически никак. Стрельнул глазами и забыл. Насмотрелся видимо.

Ну а дальше просто, зашел за угол, отдал, заранее извиняясь, остатки рябчика привокзальной дворняге — ещё когда подходил к вокзалу ее заметил с выводком щенков —

дождался, когда, давясь проглотит, и шуганул её в сторону стража порядка.

— Вот бездельники! Распустили тут! — и, выскакивая из-за угла, запустил полупустой бутылкой коньяка ей вдогонку.

Само собой, в собаку не попал, не туда целился. В полицейского, кстати, тоже не смог. Увернулся — резким и быстрым гад оказался. Зато удачно попал в вокзальное окно за ним. Никто не пострадал, но звона, визга и извечного русского мата хватило с избытком.

Ну что ж, тоже не плохо, значит, будет не рапорт, а скандал. Пойдет...

Теперь что, теперь главное морду кирпичом и «я главный» — включать наезд. На дернувшемся полицейского ору:

— Развели тут собачатню! — и чуть добавляю бабьего подвизгивания, — Приличному господину, ...Б! пройти невозможно!

Ну и к городовому, снова меняя шаблон:

— Поймать, утопить!!! Бегоооом!!!

Страж порядка просёк скачущие к нему неприятности и скривился как съевши лимон. Но с места не двинулся. А зря, для него лучше бы побежал...

Выбежавший из здания вокзала толстопузый дядька, решил пойти тем же путем, что и я — кто громче орет, тот и прав.

— Дег'жи его! Дег'жи! Стёкла мне, гаденьш, бить удумал! — и на меня своими сардельками в кольцах, да перстнях тыкать, да грабельки тянуть. — Да я с тобой знаешь, что сделаю?! Пожалеешь, что г'одился!

— Твое мнение ошибочно! Закройшибальник! — пришлось даже оттолкнуть слегка — испугался, что еще жиром сходу задавит.

— Ты, сволочь, не только окна вставишь, но и за ущег'б мне по гг'об жизни...

Договорить не дал, просто врезал в челюсть. Что-то торгаша берега путать начали тут...

— Моолчать!!! Раскомандовался тут... Иди прилавок протри!

Севший на зад толстопузый стал красномордым.

— Николай Васильевичу придется попинять, что торгашам воли много дал! — это уже мнущемуся жандарму.

— Да я... Твоего Николая... — торгош призаткнулся, но, однако, ненадолго, сплюнул юшку, — Он на меня г'уку поднял!

Бедный страж, быстрее всех просёкший кто такой этот Николай Васильевич и чем ему это светит, попытался слиться со стеной у разбитого окна. Безуспешно. Даже несмотря на то, что цветом лица на штукатурку стал похож.

Своё высокое начальство-то он знать просто обязан.

Поворачиваюсь к полицейскому, ловлю его за обшлаг френча, подтягиваю и нежно шиплю:

— Объясни этому барану, кто такой барон Клейгельс. И заткни его... — отталкиваю, ну и, швыряя пару сотенных бумажек за дорогое стекло, добавляю, — прибери тут.

Слишком с избытком за разбитое стекло. Однако толстопузый похоже тоже слишком с избытком разогнался и тормоза потерял — закусил удила, короче, и понёс, отключив мозги.

— Своим золотом швыг'яться у себя будешь, сволочь, а на моем вокзале я хозяин! — однако с задницы не поднимается, но жандарму командует, — Кг'ути его кому сказал!

Ну вот скольких уже привычка меряться с незнакомцами у кого больше под монастырь подвела, а нет же, всё им нейметя, всё никак не учатся.

— Вот торгошье племя, чуть царь-батюшка волю дал, возомнили себя выше всех. Уже

командуют... — ну и чуть подзуживаю дурня, — Ну убрал пузо!

— Да я тебя... — и граблями своими на меня махать.

За что, естественно, тут же снова схлопотал по роже и сел, тряся башкой, на пятую точку.

— Видишь, как распустились у тебя тут служивый! И бардак, и крамола! Так и бомбистов дождешься! — и, костеря себя за расточительство, достаю еще золотой имперал, — На тебе на извозчика, в околоток его доставь! Эту заразу на корню сразу выжигать надо!

Под гробовое молчание покачиваясь уйду искать свой вагон к поезду. Вякнут, не вякнут? Дернутся? Никто не дернулся.

Что-то мне кажется — переборщил. След слишком уж явный лег...

Успел к самому отправлению. Как тронулись, узнал у проводника о наличии вагон-ресторана и ушел в него ужинать. Ну и саквояжик свой, естественно, захватил.

Всё-таки красиво тут и кормят божественно, даже в поезде! Только отъехали, а уже и сибирские пельмешки с черной икрой и торты на десерт на выбор. И две дамочки ужинающие. Под их неспешную трескотню о светских сплетнях наконец-то спокойно поел. Уже ночь, а я только обедаю. Денёк выдался, как будто колдуна нахрен послал.

Напоследок, по чистой русской традиции, решил третий след оставить. Написал еще одно письмецо послу. С маленькой сенсацией. Без шифра, всего три строчки. И тот же масонский знак в виде глаза в нижнем углу прилепил.

Ну и попросил официанта конверт утром где-нибудь в почтовый ящик кинуть. За рубль чаевых. Пусть по обратному штемпелю ищут, где я. Подальше отсюда.

На станции Парголово, через какие-то полчаса, ушел из вагон-ресторана. Ну и сошел, уже не возвращаясь в свой вагон. Дальше просто: где темнее всего? Правильно — под горящей свечой...

Подумалось: «Кажется опять выплыл Камнев?». И пошутил про себя: «При уменьи и везеньи и камни плавают!»

Вот и закончился первый том повести о проблемах выживания моего попаданца в императорской России.

Больше книг на сайте - Knigoed.net